Рене Генон

Кризис современного мира

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. La Crise du monde moderne (год издания: 1927).

Редакция перевода от 06.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1927_CMM.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Предисловие 5
Глава I. Тёмный век 13
Глава II. Противопоставление Востока и Запада 31
Глава III. Знание и действие. 47
Глава IV. Наука сакральная и наука профанная 59
Глава V. Индивидуализм 77
Глава VI. Социальный хаос 97
Глава VII. Материальная цивилизация 113
Глава VIII. Экспансия Запада 133
Глава IX. Некоторые выводы 147

Предисловие

Несколько лет назад, завершив работу над книгой «Восток и Запад», мы полагали, что высказали в ней все необходимые в тех обстоятельствах соображения, касающиеся данной проблемы. Однако с тех пор события разворачиваются столь стремительно, что, если это нисколько и не опровергает высказанные в этой книге идеи, то делает чрезвычайно актуальными некоторые дополнительные разъяснения, а также дальнейшее развитие определённых тем, на которых ранее мы специально не останавливались. Эти разъяснения тем более актуальны, что в последнее время мы замечаем, что некоторые характерные заблуждения, которые мы всегда старались вскрыть, становятся все более устойчивыми и агрессивными. Поэтому, не желая вступать ни в какую полемику, мы, тем не менее, пользуемся случаем, чтобы ещё раз изложить определённые идеи в адекватной пропорции и должной перспективе. Есть вещи, подчас самые элементарные, которые, однако, настолько трудно усвоить подавляющему большинству наших современников, что к их объяснению приходится возвращаться снова и снова, рассматривая их всякий раз с различных точек зрения и освещая — насколько это позволяют обстоятельства — моменты, способные предположительно вызвать наибольшие трудности для понимания.

Во избежание возможных недоразумений следует также сделать несколько предварительных замечаний относительно названия данного труда, необходимых для ясного понимания его смысла. Многие люди сегодня уже более не сомневаются в существовании мирового кризиса (если понимать слово «кризис» в самом обычном смысле). Этот факт свидетельствует о весьма заметных изменениях, произо-

шедших в общественном сознании: под влиянием некоторых обстоятельств определённые иллюзии действительно начинают исчезать. Нас, со своей стороны, не может не радовать такое положение дел, так как само признание существования кризиса уже является весьма благоприятным признаком — последним проблеском света в пучине современного хаоса — и свидетельствует о возможности восстановления нормальных пропорций в современной ментальности. В связи с этим вера в бесконечный «прогресс», считавшаяся вплоть до последнего времени неприкосновенной и непререкаемой догмой, перестаёт быть абсолютной и всеобщей. Находится все больше людей, осознающих (хотя подчас и весьма туманно), что западная цивилизация не может бесконечно развиваться в одном и том же направлении, и что в какой-то момент она достигнет определённой точки, в которой развитие прекратится, а сама эта цивилизация возможно полностью исчезнет в результате страшного катаклизма. Вероятно, не все ясно представляют себе, откуда исходит главная опасность. Фантастические или ребяческие страхи, часто высказываемые по этому поводу, в достаточной мере свидетельствуют о наличии здесь множества заблуждений и предрассудков. Однако в любом случае налицо ощущение какой-то опасности, даже если она воспринимается не столько умом, сколько с помощью чувств. Уже достаточно того, что многие начинают понимать, что цивилизация, которой так гордятся современные люди, отнюдь не занимает привилегированного положения в мировой истории, и что её может ожидать та же участь, которая ранее постигла множество других цивилизаций, исчезнувших в более или менее отдалённые эпохи и подчас оставивших после себя лишь едва различимые или почти совершенно нераспознаваемые следы.

Когда утверждают, что современный мир находится в состоянии кризиса, под этим обычно имеют в виду, что он достиг критической стадии своего развития, и что неизбежна его тотальная трансформация. Такая трансформация, в свою

очередь, предполагает радикальное изменение всего хода его развития, должное с необходимостью рано или поздно произойти, хотя и неизвестно, случиться ли это по воле людей или помимо неё, внезапно или более или менее постепенно, в результате катастрофы или без неё. Такое понимание кризиса совершенно правомочно и отчасти соответствует тому, что мы и сами здесь имеем в виду; однако, именно отчасти, так как мы придерживаемся более общей точки зрения, согласно которой вся современная эпоха в целом, весь современный мир как таковой, находятся в состоянии глубокого кризиса. Именно поэтому мы озаглавили книгу «Кризис современного мира». В настоящее время очевидно, что кризис приближается к своей развязке, и это предельно усугубляет ненормальность того положения дел, которое существует уже в течении нескольких столетий, но последствия которого никогда ещё не были столь чудовищны и откровенны, как сегодня. По этой причине ускоряется и последовательность разворачивающихся событий, и очевидно, что всё это может продлиться ещё какое-то время, но всё же отнюдь не до бесконечности. И даже если не знать точного временного предела, трудно отделаться от ощущения, что всё это будет продолжаться не так уж и долго.

Однако слово «кризис» содержит в себе ряд других смыслов, обусловивших то, что оно более всего соответствует теме нашего исследования. Действительно, этимология этого слова — которую часто не учитывают при обычном его употреблении, но которую следует обязательно иметь в виду, чтобы возвратить слову его изначальное и наиболее глубокое значение, — делает его синонимом таких понятий как «суд», «решение», «установление различий», «различение». Фаза, которую обычно считают «критической» в самом широком смысле, непосредственно предваряет завершение всего процесса, независимо от того, приведёт ли это к негативным или к позитивным последствиям. Поэтому в данной фазе происходит подготовка к вынесению окончательного «решения», взвешивание всех «за» и «против», определение

того, какие результаты являются позитивными, а какие негативными, и наконец, окончательное выяснение того, в какую же сторону в итоге склонятся весы. Конечно, мы не претендуем на то, чтобы дать здесь полное описание и оценку результатов актуального кризиса. Это было бы тем более преждевременным, что кризис ещё не закончился, и пока трудно сказать, когда и каким образом этот конец наступит. Во всех случаях предпочтительнее удерживаться от прогнозов, основания для которых не достаточно понятны для большинства, и которые по этой причине, скорее всего, будут неадекватно истолкованы и лишь усугубят хаос вместо того, чтобы привнести в него элементы порядка. Мы пытаемся лишь, в той мере, в какой это в нашей власти, продемонстрировать всем тем, кто ещё способен что-то понять, неотвратимость некоторых последствий этого кризиса, в отношении которых уже не может быть никаких сомнений. Таким образом, мы косвенно и частично подготавливаем почву для тех, кому суждено сыграть определённую роль в грядущем «суде», в грядущем «разрешении» кризиса, после чего в истории человечества наступит новая эра.

Некоторые используемые нами выше выражения несомненно вызовут ассоциации с тем, что называют «Страшным судом» или «Судным днем». Это совершенно правомерно в обоих случаях — будем ли мы рассматривать идею «Страшного Суда» символически или буквально, так как эти два подхода отнюдь не исключают друг друга (подробнее остановиться на этом мы, к сожалению, в данный момент не можем). Как бы то ни было, упомянутые ранее взвешивание всех «за» и «против» и разделение результатов на «позитивные» и «негативные» напоминают нам разделение «избранных» и «проклятых» на две группы, которым отныне суждено неизменно оставаться таковыми и впредь. Хотя здесь речь идёт только об аналогии, следует признать, что она в данном случае полностью обоснована, оперативна и соответствует внутренней природе вещей. Однако здесь необходимо сделать некоторые дополнительные разъяснения.

Тот факт, что столь значительное число людей сегодня одержимо идеей «конца света», является далеко не случайным. В определённом смысле это весьма печальное обстоятельство, так как все экстравагантные формы, в которых проявляется эта неадекватно понятая идея, все, возникающие в различных кругах вульгарные мессианские движения, — словом, все столь типичные для нашей эпохи проявления неуравновешенности и дисгармонии лишь ещё больше усугубляют всеобщий хаос. Но как бы то ни было, факт остается фактом, и одержимость «концом света» сегодня налицо. Без сомнения, проще всего было бы, не вдаваясь в подробности, отбросить подобные концепции как бессмысленные и несостоятельные фантазии. Но мы, со своей стороны, считаем, что гораздо полезнее, вскрыв эти заблуждения, показать их причины и, несмотря на все искажения и извращения, выявить содержащиеся в них зерна истины. (Заблуждение есть чисто отрицательная категория, и поэтому оно всегда относительно. Абсолютного заблуждения не может существовать, и само это понятие совершенно бессмысленно). Если посмотреть на вещи именно таким образом, станет очевидным, что озабоченность «концом света» тесно связана с состоянием всеобщего беспокойства, в котором пребывают современные люди. Смутное предчувствие действительно близкого конца спонтанно действует на воображение некоторых людей, естественным образом порождая дикие и грубо материальные образы, выражающиеся затем в упомянутых экстравагантных мессианских движениях. Однако такое объяснение не оправдывает, сами эти движения. По крайней мере, если и можно простить невольно впадающих в заблуждение людей, предрасположенных к этому всей окружающей атмосферой и не несущих за это ответственности, то для оправдания самого заблуждения как такового не может существовать вообще никаких оснований или причин. Поэтому нас никак нельзя обвинить в потворстве «псевдорелигиозным» проявлениям современного мира, равно как и в потворстве заблуждениям в целом. На-

сколько нам известно, чаще всего нас наоборот укоряют в недостатке терпимости, и то, что мы высказали чуть выше, быть может, убедит наших критиков в том, что единственная точка зрения, на которой мы настаиваем, и которой мы всегда стремимся придерживаться, — это точка зрения беспристрастной и объективной истины.

Однако все эти соображения не исчерпывают вопроса в целом: сколь бы адекватным (в определённых пределах) ни было бы чисто психологическое объяснение одержимости идеей «конца света», оно никогда не может быть адекватным абсолютно. Удовольствоваться таким объяснением было бы равнозначно тому, чтобы поддаться одной из разоблачаемых нами при каждом удобном случае современных иллюзий. Как мы уже отмечали, люди, обладающие смутным предчувствием близости конца, при этом часто не в состоянии точно определить природу или пропорции грядущих изменений. Невозможно отрицать тот факт, что это предчувствие основывается на реальности, даже если оно чрезвычайно смутно и способствует ложным интерпретациям и деформациям воображения. Каков бы ни был характер приближающегося конца, кризис, с необходимостью к нему ведущий, совершенно очевиден, и нет недостатка в ясных и недвусмысленных знаках, однозначно указующих в этом направлении. Естественно, «конец» будет не «концом света» как такового, как некоторые хотели бы это представить, но, по меньшей мере, «концом» одного из миров. И поскольку конец должен постигнуть именно западную цивилизацию, те, кто привыкли считать только её «Цивилизацией» по преимуществу, и кто за её пределами вообще ничего не видит, естественно, склоняются к мысли, что вместе с ней погибнет и все остальное. Поэтому конец этой цивилизации будет для них «концом света» в самом широком смысле слова.

Таким образом, чтобы придать проблеме истинные пропорции, можно сказать, что мы, по всей видимости, действительно приближаемся к концу нашего мира или, иными словами, к концу определённой эпохи, к концу данного ис-

торического цикла, который, согласно всем учениям традиции, разбирающим этот предмет, должен соответствовать концу цикла космического. Подобные события неоднократно происходили в прошлом и, вне всяких сомнений, будут происходить и в будущем. Их значительность и серьёзность варьируются в зависимости от того, случаются ли они в конце более или менее долгих периодов и затрагивают ли они все человечество в целом или одну из его частей, ту или иную расу, тот или иной народ. Судя по актуальному состоянию нашего мира, грядущая трансформация будет тотальной, и в какой бы форме она ни проявилась — а уточнять это пока не следует, — она в той или иной степени должна затронуть весь мир в целом. В любом случае, законы, управляющие подобными событиями, могут прилагаться к различным уровням, и поэтому то, что является истинным в отношении «конца света» в самом глобальном смысле этого слова, — а обычно это относится ко всей полноте земного мира, — остается справедливым при изменении соответствующих пропорций, то есть в случае одного из частных, конкретных миров.

Эти предварительные замечания призваны облегчить понимание вопросов, которые мы намереваемся рассмотреть в этой книге. В других работах мы неоднократно ссылались на «циклические законы». Очень трудно описать эти законы в такой форме, чтобы сделать их доступными для современного западного сознания, так как для того, чтобы постичь подлинный характер современной эпохи и осознать её место в мировой истории, необходимо, по меньшей мере, обладать определённой предварительной информацией по этому поводу. Поэтому мы начнем с демонстрации того, что характерные черты нашей эпохи точно соответствуют определённому циклическому периоду, известному многим традиционным учениям и детально в них описанному. Таким образом, мы покажем, как то, что является аномалией и хаосом с одной точки зрения, есть необходимый элемент более глобального порядка и неизбежное следствие законов,

управляющих развитием всего Проявления. Однако сразу заметим, что это отнюдь не служит достаточным основанием для того, чтобы пассивно покориться временно побеждающим хаосу и мраку, поскольку в этом случае лучше всего было бы просто хранить молчание. Наоборот, это заставляет нас стремиться к тому, чтобы подготовить выход из «тёмного века», признаки близкого, очень близкого конца которого сегодня проявляются повсюду. И это также является необходимым элементом универсального порядка вещей, так как равновесие есть результат одновременного действия двух противоположных тенденций. Если бы одна из этих тенденций вообще прекратила оказывать своё воздействие, равновесие вообще не могло бы быть восстановлено, и сам мир исчез бы безвозвратно. Но подобное предположение невероятно, так как каждый из двух противоположных терминов имеет смысл только в сочетании с другим, и вопреки видимой стороне вещей, можно быть уверенным, что частное и временное нарушение равновесия в конечном итоге существует только ради достижения тотального равновесия и всеобщей гармонии.

Глава I. Тёмный век

Индусская доктрина учит, что человеческий цикл, называемый манвантарой, делится на 4 периода, в течение которых примордиальная духовность постепенно все более и более затемняется. Эти периоды древние традиции Запада называли золотым, серебряным, бронзовым и железным веками. В настоящее время мы находимся в 4-ом веке, в калиюге или в «тёмном веке», причем, согласно индусскому учению, мы пребываем в нём уже 6 тысяч лет и несколько столетий, то есть со времен, гораздо более древних, чем те, которые известны так называемой «классической истории». Постепенно истины, ранее доступные всему человечеству, становятся все более сокрытыми и недосягаемыми. Число тех, кто ими владеет, со временем уменьшается, и хотя сокровища «нечеловеческой» вневременной мудрости никогда не могут быть утрачены окончательно, они окружают себя непроницаемым покровом, таящим их от человеческих глаз и затрудняющим к ним доступ. Именно по этой причине повсюду, хотя и в разных формах, мы встречаемся с одной и той же проблемой: нечто оказалось утраченным, по крайней мере, для внешнего восприятия — нечто такое, что стремящийся к истинному знанию должен отыскать заново. В то же время индусская традиция утверждает, что сокрытое вновь станет видимым в конце цикла, который, в силу непрерывности, связывающей между собой все вещи, одновременно окажется и началом нового цикла.

Возникает вопрос: почему циклическое развитие проходит именно в нисходящем направлении, от высшего к низшему? В этом случае циклическая доктрина является полным отрицанием идеи прогресса в том виде, как её понимает современная цивилизация. Причина заключается в том,

что развитие всякого проявления с необходимостью предполагает постепенно ускоряющееся движение в сторону удаления от порождающего Принципа. Начиная с самой высшей точки, проявление с необходимостью простирается вниз, причем, как это происходит в случае физических тел, скорость движения постоянно возрастает до тех пор, пока не достигнет предела и движение не прекратится. Этот процесс нисхождения проявления можно было бы назвать «прогрессирующей материализацией», так как сам Принцип, в свою очередь, соотносится с чистой духовностью, являющейся его прямым выражением (мы определяем духовность лишь как выражение Принципа, а не как его синоним, поскольку Принцип в своей сущности, будучи по ту сторону всех противоположностей, не может отождествиться ни с одной из категорий, предполагающих возможность существования категории противоположной). Более того, термины «дух» и «материя», взятые нами из западного языка по соображениям удобства, имеют для нас весьма условную ценность. Адекватно использовать их в данном контексте, можно лишь отбросив интерпретации, данные им в современной философии. При этом совершенно не важно, идёт ли речь о «спиритуализме» или «материализме», так как обе эти формы, лишь взаимодополняя друг и друга, являются абсолютно неприемлемыми и несущественными для всякого, кто хотел бы выйти за рамки этой относительной и узкой сферы мысли. Однако мы не намерены углубляться здесь в область чистой метафизики, а поэтому, предупредив изначально возможность неадекватного понимания и ни на мгновение не упуская из виду сущностных Принципов, мы позволим себе всё же воспользоваться именно этими, не очень точными, терминами, чтобы сделать вещи более понятными и доступными, по крайней мере, в той степени, в которой это не чревато отступлением от истины и искажением должных пропорций.

Все сказанное выше о развитии проявления даёт картину, точную лишь в самом общем приближении; при более вни-

мательном рассмотрении она оказывается чересчур упрощенной и грубой, так как представляет развитие в виде прямой без каких-либо отклонений. Истина на самом деле намного сложнее. Как мы уже отмечали, в действительности, во всем необходимо прослеживать две противоположные тенденции: одну — нисходящую, другую — восходящую, или иными словами, одну — центробежную, другую — центростремительную. От преобладания той или иной тенденции зависят две взаимодополняющие фазы проявления: первая — отделения от Принципа, вторая — возврата к Принципу. Эти две фазы можно сравнить с биением сердца или дыханием (выдох и вдох), и хотя эти две стадии чаще всего рассматриваются как последовательные, две соответствующие им тенденции проявления следует рассматривать как одновременные и лишь действующие с различной степенью интенсивности. Иногда случается, что в моменты кажущегося явного преобладания нисходящей тенденции в ходе одного из циклов развития мира происходит некое особое вмешательство, позволяющее укрепить противоположную восходящую тенденцию и восстановить, насколько это позволяют конкретные условия, некоторое, пусть даже относительное, равновесие. Это приводит к относительному восстановлению равновесия, вследствие чего упадок может быть приостановлен или временно нейтрализован[1].

Очевидно, что приводимые нами здесь в самом общем виде данные Традиции дают возможность подойти к концепциям, гораздо более глобальным и глубоким, нежели все те версии «истории философии», которые так привлекают современных людей. Однако в данный момент мы не намерены обращаться ни к самому началу настоящего цикла (манвантары), ни даже к началу кали-юги. Нас непосред-

[1] Это связано с божественной функцией «сохранения», представленной в индусской традиции богом Вишну; ещё более детально она запечатлена в доктрине *Avatāra* или «нисхождений» божественного Принципа в проявленный мир. Но остановиться на этой доктрине подробнее мы здесь не имеем возможности.

ственно интересует гораздо более ограниченная область, а именно, самые последние периоды кали-юги. Действительно, внутри каждого из больших периодов можно выделить более частные стадии, образующие многочисленные второстепенные подразделения цикла. Поскольку каждая стадия является некоторым аналогом всего цикла, она воспроизводит в миниатюре общую логику того большого цикла, частью которого является. Однако и в данном случае исчерпывающее изучение механизмов, с помощью которых этот общий закон реализуется в отдельных случаях, увело бы нас далеко за пределы настоящего исследования. Мы завершим эти предварительные замечания упоминанием лишь нескольких наиболее критических эпох, через которые человечество прошло ещё относительно недавно. Речь идёт об эпохах, принадлежащих к так называемому «историческому», то есть доступному исследованиям обычной, «профанической» истории, периоду. И это естественным образом подведёт нас к основному предмету данного исследования, так как последняя из этих критических эпох есть не что иное, как то, что принято называть «современным миром».

Довольно странным представляется то, что «строго исторический» (в профаническом понимании) период простирается назад в историю лишь вплоть до 6-го века до начала Христианской эры, как будто бы в этой точке существует некий не преодолимый с помощью обычных методов исследования барьер, и что этому факту почему-то не уделяется должного внимания. Действительно именно с этого момента повсеместно начинает вестись точная и предельно строгая хронология, тогда как для предшествующих эпох датировка чаще всего остается крайне неопределённой, а предполагаемое время тех или иных исторических событий может варьироваться с точностью до нескольких столетий. Это характерно даже для таких стран, как, например, Египет, история которых нам достаточно хорошо известна. Ещё более удивительно то, что в таком исключительном и особом слу-

чае, как Китай, история которого располагает свидетельствами о весьма отдалённых эпохах — летописями, датированными при помощи не оставляющих места сомнениям астрономических наблюдений, — современные исследователи классифицируют эти эпохи как «легендарные», «мифические», как бы признавая их теми сферами, в которых они не имеют права претендовать на какое-либо достоверное знание и поэтому использовать даже безусловные исторические данные. То, что называется «классической античностью», то есть «классической древностью», на самом деле является «античностью», «древностью», лишь с очень относительной точки зрения, и поскольку она принадлежит лишь к последней половине кали-юги, протяженность которой, согласно индусской доктрине, оставляет всего лишь 1/10 часть всей манвантары, она расположена гораздо ближе к современности, нежели к истинной «древности» человечества. Уже одно это весьма показательно для понимания того, насколько безосновательны претензии современных людей на широту и полноту их исторических знаний. Историки, без сомнения, постараются оправдать своё неведение ссылкой на то, что оно касается только «легендарных», «мифических» периодов, именно по этой причине и не заслуживающих изучения. Однако подобное оправдание есть не что иное, как признание собственного невежества и отсутствия понимания определённых вещей — всё это может существовать лишь за счёт полного невнимания к Традиции. И как мы покажем далее, специфически современное мировоззрение действительно полностью тождественно мировоззрению антитрадиционному.

В 6-ом веке до начала Христианской эры по той или иной причине произошли значительные изменения почти среди всех народов. Характер этих изменений, однако, варьировался в зависимости от специфики тех или иных стран. В некоторых случаях изменения представляли собой адаптацию традиции к новым, изменившимся условиям, происходившую в строго ортодоксальном ключе. Например, так случи-

лось в Китае, где доктрина, изначально представлявшая собой единое целое, была разделена на две строго различных между собой части: даосизм, предназначенный для элиты и включающий в себя чистую метафизику вместе с традиционными науками сугубо интеллектуальной природы, и конфуцианство, приемлемое для всех без исключения и охватывающее сферу практической, и в особенности социальной жизни. У персов тогда же произошла адаптация Маздеизма к изменившимся условиям, так как именно этим временем датируется эпоха последнего Зороастра[2]. В Индии же в это время имел место подъем Буддизма[3], или иными словами, восстание против духа Традиции, отрицающее всякий духовный авторитет и порождающее подлинную анархию, в этимологическом смысле этого слова, то есть «отсутствие принципов» как в интеллектуальной, так и в социальной сферах. Любопытен тот факт, что в Индии не сохранилось архитектурных памятников, относящихся ко времени, предшествующему рассматриваемому периоду. Ориенталисты пытаются истолковать это обстоятельство в пользу своей обычной тенденции находить истоки всего без исключения в Буддизме, значение которого они странным образом преувеличивают. Объяснение этого факта, тем не менее, довольно просто, и оно состоит в том, что все более ранние кон-

[2] Следует заметить, что имя Зороастр не относится к какой-либо отдельной личности, но означает определённую функцию, одновременно пророческую и легислативную. Существовало несколько Зороастров, живших в различные эпохи. Вполне возможно, что эта функция была коллективной, так же как, например, в Индии в случае Вьясы. В Древнем Египте под деяниями или текстами Тота или Гермеса также понимались результаты деятельности всей касты жрецов в целом.

[3] Проблема Буддизма не так проста, как это может показаться, судя по этому краткому замечанию. Любопытно заметить, что сами индусы, когда дело касается их собственной традиции, всегда осуждают буддистов. Однако по отношению к Будде они ведут себя иначе, и многие даже почитают его, считая 9-ым *Avatāra*. В самом же Буддизме, в той форме, в какой он сегодня существует, необходимо различать махаяну, «большую колесницу», и *хинаяну*, «малую колесницу». В целом же можно сказать, что Буддизм в Индии резко отличается от Буддизма за пределами Индии. Кроме того, в самой Индии после царя Ашоки он стал постепенно сходить на нет, пока не исчез почти полностью.

струкции были построены из дерева, и поэтому естественным образом исчезли, не оставив следа[4]. Такое изменение способа строительства соответствовало глубокому изменению общих условий бытия всего народа.

Продвигаясь к Западу, мы обнаружим, что для евреев тот же самый период был временем Вавилонского пленения. Поразительным является также следующий факт: короткого семидесятилетнего периода для евреев оказалось достаточно, чтобы забыть свой собственный алфавит до такой степени, что позднее им пришлось восстанавливать Священное Писание с помощью совершенно отличных от использовавшихся ранее букв. Можно было бы привести множество других более или менее сходных примеров. Мы лишь отметим то, что та же дата была началом «исторического периода Рима», который, последовал за «легендарным», «мифическим» периодом первых Царей. Известно также, хотя и довольно смутно, что в это же время начались волнения среди кельтских народов. Однако, не задерживаясь более на этих фактах, перейдем к рассмотрению Греции. Там 6-ой век явился исходной точкой так называемой «классической цивилизации». Именно за ней современные исследователи признают «исторический» характер, в то время как все предшествующие периоды остаются настолько малоизученными, что считаются «легендарными», «мифическими», хотя недавние археологические раскопки не оставляют никаких сомнений в том, что цивилизация, в самом подлинном смысле слова, существовала задолго до этого. У нас есть основания полагать, что эта изначальная эллинская цивилизация в интеллектуальном отношении была гораздо более интересной, чем последующая, и что отношения между эти-

[4] Так обстоит дело не только в Индии, но и на Западе; именно по этой причине не осталось следов от древнейших гальских городов, сам факт существования которых, тем не менее, не подлежит сомнению, так как засвидетельствован многими древними источниками. Но и здесь современные историки, ссылаясь на отсутствие сохранившихся монументов, стараются представить древних галлов дикарями, жившими в лесах.

ми двумя цивилизациями аналогичны отношениям между средневековой и современной Европой. Однако следует отметить, что в первом случае разрыв был не столь абсолютным, как в последнем, так как в эллинской цивилизации произошла частичная адаптация традиционного уровня, особенно в сфере «мистерий». В качестве примера можно упомянуть пифагорейскую традицию, изначально явившуюся реставрацией в новой форме более ранней орфической традиции. Связь пифагорейской традиции с дельфийским культом Гиперборейского Апполона свидетельствует о её непрерывной и подлинной преемственности по отношению к одной из наиболее древних традиций человечества. Но с другой стороны, в поздней эллинской цивилизации появились некоторые элементы, не имеющие аналогов в прошлом, и именно они оказали впоследствии столь негативное воздействие на весь западный мир. Мы имеем в виду специфическую форму мышления, которая некогда была названа «философией», и которая сохранила это название до сих пор. Эта тема представляется нам достаточно важной для того, чтобы остановиться на ней более подробно.

Сам термин «философия» может быть истолкован в весьма позитивном и закономерном смысле (который, несомненно, и вкладывался в это слово первоначально), особенно, если верно то, что впервые его употребил именно Пифагор. Этимологически он обозначает не что иное, как «любовь к мудрости». Это предполагает, прежде всего, некую изначальную склонность к достижению мудрости и, в более широком значении, поиск, порожденный этой склонностью и ведущий к обретению знания. Таким образом, «философия» является лишь предварительной и подготовительной стадией, лишь движением по направлению к мудрости или, другими словами, ступенью, соответствующей низшим проявлениям этой мудрости[5]. Последующее извращение этого

[5] Между «философией» и мудростью существует такое же соотношение, как между «одаренным человеком» и «трансцендентным человеком» или «истинным человеком» в даосской традиции.

понятия состояло в том, что промежуточная ступень была принята за цель в себе, и что появилось стремление заменить «философией» («любовью к мудрости») саму мудрость, а это предполагало забвение или игнорирование истинной природы последней. Именно таким образом возникло то, что может быть названо «профанической философией», то есть поддельной, ложной мудростью чисто человеческого и поэтому исключительно рационального порядка, занявшей место истинной, традиционной, сверхрациональной и «нечеловеческой» мудрости. Однако нечто от этой истинной мудрости в эпоху античности ещё оставалось. Это подтверждается, прежде всего, наличием мистерий, чей сущностно инициатический характер несомненен. Кроме того учения самих философов подчас имели «экзотерическую» и «эзотерическую» стороны. Эзотерическая сторона «философии» оставляла открытой возможность перехода к более высокой точке зрения, что стало особенно очевидным, (хотя, возможно, и не в полной мере), несколькими столетиями позже в учениях Александрийских гностиков. Для того, чтобы «профаническая философия» смогла окончательно сложиться, необходимо было оставить только экзотерическую сторону, полностью отбросив сторону эзотерическую. Именно к такому результату привели тенденции, впервые проявившиеся в древнегреческой мысли. Позднее им суждено было достичь своих последних пределов. Однако прежде, чем возник «рационализм», то есть сугубо современное мировоззрение, не просто оставляющее без внимания, но подчеркнуто отрицающее все, что принадлежит сверхрациональному уровню, непомерное значение, придававшееся рационалистической мысли, должно было ещё более возрасти. Но не будем опережать события, так как мы ещё вернёмся к этим проблемам и проследим за их развитием в других главах данной книги.

В том, что было сказано, есть один момент, крайне важный для понимания разбираемой нами проблемы, а именно: тот факт, что истоки современного мира следует искать

в «классической» античности. Поэтому современный мир не так уж и ошибается в своих претензиях на происхождение от греко-латинской цивилизации и на преемственность по отношению к ней. В то же время следует заметить, что эта связь является достаточно косвенной, — копия имеет довольно мало сходства с оригиналом, так как даже в классической античности ещё сохранялось множество вещей интеллектуального и духовного порядка, аналогов которым в современном мире найти невозможно. Обе эти цивилизации являются поэтому выражениями двух различных степеней затемнения подлинного знания. Теоретически можно представить себе, что упадок античной цивилизации должен был постепенно и непрерывно привести к состоянию, аналогичному сегодняшнему. Но на самом деле этого не произошло, так как в определенный момент в истории Запада наступил другой критический период, в качестве компенсации повлекший за собой одну из тех форм частичной адаптации, о которых мы упоминали выше.

Это была эпоха подъема и распространения Христианства, совпавшая, с одной стороны, с процессом рассеяния евреев, а с другой — с последней стадией греко-латинской цивилизации. Мы лишь бегло упомянем эти события, несмотря на их значимость, поскольку они гораздо более широко известны, нежели другие, и поскольку их синхронность была отмечена даже самыми поверхностными историками. Часто сходство эпохи упадка «классического» мира и современной эпохи привлекало внимание различных исследователей, и не заходя слишком далеко в сравнении, следует признать, что, действительно, сходство это поразительное. Чисто «профаническая» философия стала распространяться все шире и шире: чтобы показать глубину её интеллектуального вырождения, вполне достаточно упомянуть скептицизм, с одной стороны, и стоический и эпикурейский моралистический, с другой. В то же время древние сакральные доктрины, которые перестали быть понятными, по этой самой причине деградировали до уровня самого откровенного «языче-

ства», то есть превратились в откровенные «предрассудки», в вещи, потерявшие свой глубинный смысл, существующие сами по себе как чисто внешние проявления. Были и попытки реакции против этого упадка: сам эллинизм стремился обрести новые силы с помощью элементов, заимствованных из тех восточных доктрин, с которыми ему удалось соприкоснуться. Но эти средства уже не были действенными: греко-латинская цивилизация должна была закончиться, и ситуации суждено было быть «исправленной» с помощью иных, внешних по отношению к греко-латинскому миру, средств и в совершенной особой форме. Эту трансформацию осуществило Христианство. В этом отношении следует заметить, что несомненная и проявляющаяся в самых различных аспектах схожесть между нашим временем и той эпохой, скорее всего, является одним из факторов, ответственных за распространение в современном мире беспорядочного и хаотического «мессианизма». После беспокойного периода варварских вторжений, вполне достаточных для того, чтобы завершить разрушение старого порядка, на несколько столетий возрождается нормальный строй. Ему соответствует период Средних веков, о которых наши современники, не способные осмыслить всю полноту интеллектуальности и духовности той эпохи, имеют настолько превратное представление, что считают их гораздо более чуждыми нам и далёкими, чем классическая античность.

С нашей точки зрения, подлинное Средневековье охватывает период со времен царствования Карла Великого и до начала 14 века, когда происходит новый упадок, продолжающийся, проходя через различные стадии и набирая скорость, вплоть до настоящего времени. Эта дата — 14 век — является точкой истинного начала сугубо современного кризиса. Это время начала распада самого христианского мира, с которым по существу можно отождествить Западную цивилизацию Средних веков. Одновременно именно тогда начинается формирование «наций» и разложение феодальной системы, тесно связанной со средневековым хри-

стианством. Таким образом, сугубо современный период должен быть отодвинут почти на 2 столетия назад по сравнению с тем, что обыкновенно принято считать у историков. Возрождение и Реформация — первые результаты, ставшие возможными только благодаря предшествующему упадку. Отнюдь не являясь реставрацией нормального порядка вещей, они, напротив, ознаменовали собой ещё более глубокое падение, окончательно закрепившее полный разрыв с Традиционным духом: Возрождение воплотило в себе этот разрыв в сфере искусств и наук, Реформация — в области самой религии, хотя это та сфера, в которой подобное явление противоестественно в высшей степени.

То, что мы называем Возрождением, как мы уже отмечали в других случаях, было никаким не возрождением, но смертью многих вещей. Выдавая себя за возвращение к греко-римской цивилизации, оно заимствовало лишь самую поверхностную её сторону, так как именно последняя могла получить отражение в письменных источниках. Во всяком случае, подобное возвращение, будучи далеко не полным, являлось чем-то в высшей степени искусственным, так как означало восстановление внешних форм, покинутых духом жизни уже много столетий назад. Что же касается традиционных наук Средневековья, то после нескольких последних проявлений приблизительно на этом временном рубеже они исчезли так же безвозвратно, как науки далёких цивилизаций, разрушенных тем или иным катаклизмом. Но на этот раз на их месте не появилось ничего аналогичного. С этого времени существуют лишь «профаническая философия» и «профаническая наука», основанные на полном отрицании подлинного интеллекта, на сведении знания к его самым низшим уровням — эмпирическому и аналитическому изучению фактов, не связанных с Принципом, на растворении в бесконечном количестве малозначительных деталей, на накоплении необоснованных гипотез, бесконечно разрушающих друг друга, и на фрагментарных точках зрения, не способных привести ни к чему иному, кроме как

к узко практическому использованию. Именно в этой чисто практической сфере и следует искать единственное безусловное преимущество современной цивилизации — преимущество отнюдь не завидное, так как исключительная озабоченность именно этой практической стороной дел в ущерб всем другим придало этой цивилизации сугубо материальный характер, сделав её воистину чудовищной.

В то же время удивительно то, с какой скоростью Средневековая цивилизация была предана забвению. Уже в 17 веке люди не имели ни малейшего представления о том, что это была за эпоха, и сохранившиеся средневековые памятники в их глазах не представляли собой никакой интеллектуальной или даже эстетической ценности. Само по себе это достаточное доказательство того, насколько изменилась ментальность за этот короткий срок. Мы не будет заниматься здесь исследованием причин, — а они действительно очень сложны, — приведших к изменениям настолько радикальным, что просто невозможно допустить, что они могли произойти спонтанно, сами по себе, без вмешательства некоей направляющей воли, подлинная природа которой, скорее всего, должна оставаться загадкой. В этой связи следует упомянуть о весьма странных обстоятельствах: например, о популяризации в определенный момент истории под видом новых открытий вещей, о существовании которых было известно всегда, хотя это знание широко не разглашалось, поскольку всегда сохранялась опасность того, что негативные последствия подобного разглашения перевесят его преимущества[6]. Почти совершенно невозможно поверить и в то, что миф, представляющий Средние века эпохой мракобесия, невежества и варварства, сложился абсолютно спонтанно, и что очевидная фальсификация истории, навязанная на-

[6] Мы упомянем только два примера среди фактов такого рода, имевших самые серьёзные последствия: это мнимое изобретение книгопечатания, в действительности известное китайцам задолго до Христианской эры, и «официальное» открытие Америки — континента, с которым уже в Средние века существовали гораздо более тесные, чем это принято считать сегодня, связи.

шим современникам, могла быть осуществлена без какого-то предварительного плана. Однако мы не будем дальше углубляться в этот вопрос, поскольку, каким бы образом эти процессы ни происходили, наша настоящая цель состоит в том, чтобы выяснить каковы их результаты.

Существует термин, который стал популярным в эпоху Возрождения и который изначально содержал в себе всю программу современной цивилизации: этот термин — «гуманизм». Люди Возрождения действительно стремились свести все к чисто человеческим пропорциям, исключить любые принципы более высокого уровня и, выражаясь символически, отвернуться от неба под предлогом покорения земли. Древние греки, чьему примеру они, как им казалось, следовали, никогда не заходили столь далеко в этом направлении, даже в периоды самого глубокого интеллектуального упадка. Для них сугубо утилитарные соображения никогда не играли решающей роли, как это нередко происходит с современными гуманистически ориентированными людьми. Гуманизм представлял собой первую форму того, что впоследствии стало современным «лаицизмом» — чисто секулярным, светским мировоззрением. Именно благодаря своему стремлению свести все к человеку как к самоцели, современная цивилизация вступила на путь последовательных нисхождения и деградации, завершившихся обращением к уровню нижайших элементов в человеке и ориентацией на удовлетворение его наиболее грубых, материальных запросов, что само по себе является достаточно иллюзорной целью, поскольку, цивилизация постоянно порождает значительно большее количество искусственных потребностей, чем она сама способна удовлетворить.

Дойдет ли современный мир до фатального конца того пути, на который он вступил? Или ещё до того, как он низвергнется в бездну, затягивающую его все больше и больше, вновь произойдет вмешательство исправляющей силы, точно так же, как это случилось в период упадка греко-латинской цивилизации? Мы думаем, что остановка на пол-пути

более невозможна, и согласно всем указаниям традиционных доктрин мы вступили в последнюю, завершающую стадию кали-юги, в наитемнейший период этого «тёмного века», в эпоху диссолюции, из которой можно выйти только через страшный катаклизм. При таком положении вещей, мы нуждаемся не просто в частичном исправлении ситуации, но в полном и радикальном её обновлении. Хаос и беспорядок настолько широко распространились и достигли такой точки, что намного превзошли все ранее известные пределы. Начиная с Запада, они грозят распространиться на весь остальной мир. Мы можем быть совершенно уверенными, что триумф этих сил обречен быть преходящим и иллюзорным, но сегодня он настолько тотален, что в нём нельзя не видеть знака самого чудовищного из тех кризисов, которые случались с человечеством в ходе настоящего цикла. Разве мы не достигли уже упомянутой в священных книгах Индии циклической стадии, «когда все касты смешиваются, и даже традиционная семья исчезает»? Достаточно посмотреть вокруг, чтобы убедиться, что именно это и происходит сегодня, и заметить повсюду признаки глубочайшего вырождения, именуемого Евангелием «мерзостью запустения». Нам нельзя недооценивать серьёзность подобной ситуации. Следует рассматривать её такой, какая она есть, без оптимизма, но и без пессимизма, потому что, как мы уже сказали выше, конец старого мира будет в то же время началом нового.

Эти соображения подводят нас к вопросу: какова же причина существования периодов, подобных нашему? На самом деле, какими бы анормальными ни выглядели наши условия, взятые сами по себе, они являются элементом общего порядка вещей — того единого порядка, который, согласно формуле дальневосточной традиции, сам складывается из суммы частичных и относительных беспорядков. Наша эпоха, сколь бы трагичной и страшной она ни была, должна наравне с другими иметь своё законное место в общем ходе человеческого развития, и уже сам тот факт, что её

наступление предсказано в традиционных доктринах, служит достаточным подтверждением этого. Все сказанное нами относительно общей тенденции всякого цикла проявления, с необходимостью обусловленного прогрессирующей материализацией, даёт нам исчерпывающее объяснение такого положения вещей, и убеждает нас в том, что анормальность и беспорядок, видимые как таковые с одной точки зрения, с другой, более универсальной и более высокой, точки зрения, окажутся следствием определённой и необходимой закономерности. Добавим, не останавливаясь на этом подробно, что как и при любом изменении состояния, переход от одного цикла к другому может проходить только в полной темноте. Это другой важнейший закон, заключающий в себе множество возможных приложений, но именно поэтому его подробный разбор увел бы нас слишком далеко от основного предмета нашего исследования[7].

Однако это ещё не все. Современный период с необходимостью должен представлять собой развитие определённых возможностей, составляющих потенциал нашего цикла со времени его начала, и какое бы низкое положение эти возможности ни занимали во всеобщей иерархии, все они без исключения обязательно должны реализоваться в закономерном и соответствующем порядке. В этой связи можно сказать, что, согласно традиции, для последней фазы цикла характерен повышенный интерес ко всему тому, что ранее, в предшествующих фазах, отбрасывалось как неважное и незначительное. И это прекрасно характеризует именно нашу цивилизацию, живущую лишь тем, что предшествующие цивилизации отметали как лишённое смысла. Чтобы до конца убедиться в этом, достаточно посмотреть, как иные

[7] Этот закон в Елевсинских мистериях был представлен символизмом пшеничного зерна. Алхимики называли его «гниением» («путрефакцией») и символизировали чёрным цветом, nigredo, отмечающим начало «Великого Делания». Христианские мистики называли этот закон, взятый в одном из его аспектов, «чёрная ночь души», применительно к духовному развитию существа, поднимающегося к высшим состояниям существа. Нетрудно привести и множество других сходных примеров.

ещё сохранившиеся на Востоке цивилизации сегодня оценивают западную науку и её применение в промышленности. Эти низшие формы знания, какими бы убогими они ни казались тем, кто обладает знанием высшего порядка, тоже должны когда-то реализоваться. Однако это происходит только тогда, когда подлинная интеллектуальность исчезает. Рано или поздно практические исследования, в самом узком смысле слова, должны быть предприняты, но заниматься такими исследованиями могут лишь в эпоху, полностью противоположную эпохе примордиальной духовности, и лишь люди, настолько погруженные в материальные проблемы, что всему лежащему выше этой сферы суждено оставаться за пределами их интересов. Чем сильнее они стремятся эксплуатировать материю, тем больше они превращаются в её рабов, обрекая себя на все убыстряющуюся спешку и на постоянное бесцельное и бессмысленное волнение, на рассеивание в чистом множестве, влекущее к окончательной диссолюции.

Таково в общих чертах и в наиболее существенных моментах подлинное объяснение современного мира, но следует чётко уяснить, что подобное объяснение отнюдь не является оправданием этого мира. Даже если болезнь неизбежна, от этого она не становится здоровьем. Если, в конечном итоге, зло косвенно служит добру, оно само по себе не перестаёт быть злом. Заметим, что мы используем здесь такие понятия, как «добро» и «зло» лишь для того, чтобы быть лучше понятыми, и не вкладываем в эти слова никакого специфически «морального» смысла. Частичный беспорядок, будучи необходимым элементом универсального порядка, непременно должен существовать. Однако взятый сам по себе, он является чем-то похожим на монстра, урода, чудовище, — которые, возникая в согласии с определённым законам природы, тем не менее, представляют собой формы вырождения, — или чем-то подобным катаклизму, который, сам по себе будучи звеном в цепи нормального хода вещей, всё же остается исключением, аномалией и патологией. Со-

временная цивилизация, равно как и все остальные вещи, имеет причину для своего существования, и в перспективе положения дел, характерного для конца цикла, можно сказать, что она является именно тем, чем она и должна быть, и что она возникла в предназначенный для неё срок и на отведенной ей территории. Однако всё это не отменяет того факта, что судить её следует в соответствии со столь часто произвольно интерпретируемыми словами Евангелия: «Извращение должно прийти в мир, но горе тем, через кого оно придёт».

Глава II. Противопоставление Востока и Запада

Сегодня между людьми Востока и людьми Запада, безусловно, существует пропасть, и это является одной из характерных особенностей современного мира. Хотя более полно этот вопрос мы рассматривали в другом месте[A], здесь необходимо вновь к нему вернуться с тем, чтобы прояснить некоторые его аспекты и рассеять определённые недоразумения. В истории существовало множество различных цивилизаций, каждая из которых развивалась особым образом, в соответствии с её природой и с естественными наклонностями тех или иных народов или рас. Однако различие в данном случае отнюдь не предполагало противоположности или противостояния, и между самыми далёкими друг от друга формами цивилизации существовало определённое сходство, вытекающее из единства фундаментальных принципов, чьими частными приложениями, применительно к конкретным обстоятельствам, и являлись сами эти цивилизации. Так было в случае всех так называемых «нормальных» или (что в сущности одно и то же) «традиционных» цивилизаций. Такие цивилизации сущностно не противоречат друг другу, и любые возможные расхождения между ними являются чисто внешними и поверхностными. С другой стороны, цивилизация, не признающая никакого высшего принципа, и в действительности основанная на полном отрицании вообще каких бы то ни было принципов, уже в силу самого этого обстоятельства исключает возможность всякого взаимопонимания с другими цивилизациями, поскольку для того, чтобы такое понимание было воистину глубоким и действенным, оно должно проистекать из того

[A] См. книгу «Восток и Запад», Люзак, 1941.

самого высшего принципа, которого эта анормальная и извращенная цивилизация как раз лишена. Поэтому в современном мире мы видим, с одной стороны, цивилизации, оставшиеся стоять на традиционных позициях — таковы цивилизации Востока; и с другой — откровенно антитрадиционную цивилизацию или цивилизацию современного Запада.

Некоторые исследователи сегодня доходят до полного отрицания того факта, что деление человечества на людей Востока и Запада вообще соответствует каким бы то ни было естественным различиям. Но как бы то ни было, такое различие в настоящее время действительно существует. Прежде всего, невозможно всерьёз усомниться в факте существования единой для Европы и Америки западной цивилизации, независимо от того как бы мы её ни оценивали. В отношении Востока дел обстоит несколько сложнее, поскольку в настоящее время существует не одна, а несколько восточных цивилизаций. Различие и даже противоположность между цивилизациями Востока и цивилизацией Запада основаны на том, что всем восточным цивилизациям присущи определённые общие черты, позволяющие рассматривать их как цивилизации традиционные; в случае же западной цивилизации эти черты отсутствуют. Все современные цивилизации Востока являются в равной степени традиционными по своей сути. Чтобы дать более точное представление об этих цивилизациях, мы напомним здесь общие принципы их классификации, приведённые нами более подробно в других работах. Хотя такая классификация может показаться несколько упрощенной для тех, кто стремится разобраться в деталях, она остается, тем не менее, верной в своих основных чертах. Дальний Восток сущностно представлен китайской цивилизацией, Средний Восток — индусской, Ближний Восток — исламской. Следует добавить, что во многих отношениях Исламскую цивилизацию следует рассматривать как промежуточную между восточной и западной; особенно много общих черт она имела со средневеко-

вой Христианской цивилизацией Запада. Однако, если сопоставить её с современным Западом, мы увидим, что она так же противостоит ему, как все собственно восточные цивилизации, к которым, согласно нашей точке зрения, она и должна быть отнесена.

Последнее замечание затрагивает важную проблему: до тех пор, пока на Западе существовали традиционные цивилизации, для противостояния Востока и Запада не было оснований. Противостояние имеет место лишь в случае современного Запада, поскольку речь идёт, скорее, о противоположности двух типов сознания, нежели двух более или менее определённых географических реальностей. В определённые периоды истории, наиболее близким из которых является Средневековье, западное сознание в своих наиболее существенных чертах стояло гораздо ближе к восточному сознанию, нежели к тому, что оно представляет собой в современную эпоху. Тогда западная цивилизация была настолько же близка цивилизациям Востока, насколько сами эти цивилизации близки друг другу сегодня. В течение последних столетий Западная цивилизация претерпела фундаментальные изменения, гораздо более серьёзные, чем все извращения, имевшие место в предшествующие периоды упадка, так как на этот раз вся человеческая деятельность полностью и радикальным образом изменила свою ориентацию и свой сущностный характер. Эти изменения произошли только на Западе. Поэтому, когда, говоря о современном мире, мы используем выражение «западное сознание», это равнозначно выражению «современное сознание». И поскольку иной тип сознания сохранился сегодня лишь на Востоке, мы можем, учитывая это обстоятельство, назвать его восточным типом сознания. Таким образом, оба термина — «сознание восточное» и «сознание западное» — характеризуют исключительно современное положение вещей. Поскольку «западное сознание» сложилось только в ходе недавнего периода истории, то и о противоположном, сугубо «восточном сознании,» можно говорить лишь применительно

к настоящему времени. Изначально же это «восточное сознание» было поистине присуще как людям Востока, так и людям Запада, так как его происхождение совпадает с происхождением самого человечества. Таким образом, его вполне можно назвать «нормальным сознанием» уже потому, что оно в большей или меньшей степени лежало в основе всех известных нам цивилизаций за одним лишь исключением — цивилизации современного Запада.

Некоторые люди, не дав себе труда как следует вчитаться в написанные нами книги, считают почему-то своим долгом упрекнуть нас в том, что мы, якобы, утверждаем, будто все традиционные доктрины приходят с Востока, и что даже в эпоху западной античности Запад неизменно черпал свои традиции исключительно на Востоке. Мы никогда на писали и не могли написать ничего подобного, хотя бы уже потому, что нам прекрасно известно, что это совершенно не соответствует истине. В действительности данные Традиции явно противоречат подобной идее: существуют достоверные свидетельства того, что Примордиальная Традиция настоящего цикла пришла из гиперборейских регионов. Позднее существовало несколько вторичных потоков этой Примордиальной Традиции, соответствующих различным периодам истории, и один из наиболее важных из них, по крайней мере, тот, следы которого все ещё можно различить, несомненно перемещался с Запада на Восток. Однако все эти соображения относятся к весьма отдалённым временам, которые обычно называются «Предисторией» и которые мы здесь не собираемся разбирать. Мы хотим высказать лишь следующее: во-первых, центр Примордиальной Традиции уже в течение очень длительного времени и вплоть до настоящего момента располагается на Востоке, и именно там мы сталкиваемся с доктринами, самым непосредственным образом проистекающими из этой Примордиальной Традиции; и во-вторых, в настоящее время истинный дух Традиции, со всем тем, что он в себе заключает, представлен только и исключительно людьми Востока, и никем иным.

Это разъяснение было бы неполным без упоминания о некоторых предложениях по поводу возможной реставрации «западной традиции», появившихся в различных кругах в последнее время. Наиболее позитивным в подобных идеях является то, что они свидетельствуют о наличии людей, все в большей степени неудовлетворенных современным нигилизмом, ощущающих потребность в чём-то таком, что отсутствует в современном мире, и поэтому видящих возможность положить конец современному кризису только одним способом — через возврат к традиции в той или иной её форме. К несчастью, «традиционализм» не совпадает с тем, что можно назвать по праву подлинно традиционным сознанием. Чаще всего традиционализм означает не более, чем простую склонность, более или менее смутное влечение, не предполагающее никакого подлинного знания. К сожалению, верно и то, что в ситуации интеллектуального смешения это стремление обычно ведёт лишь к порождению фантастических концепций, построенных на чистом воображении и лишённых всякого серьёзного основания. Не имея в качестве опоры никакой аутентичной традиции, такие люди часто доходят до того, что выдумывают никогда не существовавшие в действительности псевдотрадиции, настолько же безосновательные и далёкие от каких-либо традиционных принципов, как и те доктрины, которые они тщатся заменить. В этом проявляется вся глубина современного хаоса, и каковы бы ни были намерения подобных людей, они лишь усугубляют общее смешение. Среди такого рода построений упомянем лишь концепцию так называемой «западной традиции», сконструированную некоторыми оккультистами из самых противоречивых элементов и призванную изначально конкурировать с другой не менее фантастической и беспочвенной концепцией т. н. «восточной традиции», выдуманной теософистами. Мы подробно говорили об этих вещах в другом месте, и предпочли бы сейчас без дальнейших отлагательств перейти к исследованию иных, более достойных внимания теорий, стремящихся, по

крайней мере, обратиться к реально существовавшим традициям.

Выше мы упомянули об одном из потоков Традиции, пришедшем из западных регионов. Об этом свидетельствуют рассказы древних об Атлантиде. Нет сомнений, что после исчезновения этого континента в ходе последнего великого исторического катаклизма остатки атлантической традиции были перенесены в другие регионы, где они слились с другими уже существовавшими традициями, представлявшими собой по большей части ответвления Великой Гиперборейской Традиции. Скорее всего, сакральные доктрины древних кельтов как раз и являлись результатами именно такого слияния. Мы отнюдь не собираемся здесь обсуждать этот вопрос. Однако в любом случае, не следует забывать, что истинная атлантическая доктрина исчезла уже много тысячелетий назад вместе с цивилизацией, к которой она принадлежала, и разрушение которой произошло в результате извращения, в чём-то аналогичного тому, что мы наблюдаем сегодня, с тем лишь отличием, что человечество тогда ещё не вступило в период кали-юги. Следует также иметь в виду, что эта традиция соответствовала лишь вторичному периоду нашего цикла, и следовательно, было бы большой ошибкой отождествлять её с самой Примордиальной Традицией, из которой вышли все остальные традиции, и которая единственная из всех остается совершенно неприкосновенной и целостной с самого начала до самого конца цикла. Так как мы не можем привести здесь все факты, подтверждающие эти положения, мы хотели бы подчеркнуть лишь следующее: сегодня воскресить «атлантическую» традицию невозможно, так же, как невозможно соприкоснуться с ней более или менее прямым образом. Поэтому любые попытки сделать это останутся пустыми фантазиями. Тем не менее, исследование происхождения определённых элементов, вошедших в состав более поздних традиций, может представлять значительный интерес, при условии, что при этом будут приняты меры предосторожности против иллю-

зий, могущих возникнуть в этом вопросе. Но в любом случае подобные исследования ни в коем случае не способны привести к полному восстановлению традиции, которая совершенно не приспособлена к условиям современного мира.

Некоторые люди стремятся примкнуть к «кельтизму», и поскольку эта традиция менее удалена от нас во времени, её восстановление может показаться не столь невероятным, как восстановление традиции атлантической. Но где сегодня найдется столь полноценный и жизнеспособный «кельтизм», чтобы он мог служить прочной основой традиции? Мы не говорим об археологических или чисто «литературных» реконструкциях, которые стали появляться в последнее время. Мы имеем в виду нечто совсем иное. Хотя и справедливо, что многие элементы «кельтизма» действительно дошли до нас через различные опосредующие инстанции, этого отнюдь не достаточно для восстановления полноценной традиции. Более того, можно отметить и такой странный факт, что в тех странах, где в древности существовала именно кельтская традиция, в настоящее время она забыта ещё более основательно, нежели остатки других, изначально чуждых этим странам, традиций. Не следует ли всерьёз задуматься о причинах этого явления, по меньшей мере, тем, кто ещё не окончательно поддался напору навязываемых предвзятостей и предрассудков? Можно сказать и больше: во всех случаях, когда мы имеем дело с остатками исчезнувших цивилизаций, невозможно понять их действительное значение иначе, чем через сравнение их с аналогичными элементами живых традиций. И это верно даже по отношению к Средневековью, многие элементы которого полностью потеряли смысл для современного Запада. Только через установление контакта с живыми традициями можно воскресить то, что ещё способно возродиться, и это, как мы постоянно подчёркиваем, одна из величайших услуг, которые может оказать Восток Западу. Мы не отрицаем, что определённые элементы кельтского духа сохранились и все ещё могут проявиться в различных формах, как это проис-

ходило в различные периоды в прошлом. Но если кто-то попытается убедить нас в том, что по-прежнему существуют духовные центры, в которых, якобы, полностью сохранилась традиция друидов, мы потребуем представить доказательства, и до тех пор, пока это не будет сделано, будем рассматривать это утверждение как весьма спорное, если не сказать больше — невероятное.

В действительности, сохранившиеся элементы кельтизма были большей частью ассимилированы Христианством в Средние века. Легенда о Святом Граале со всеми её элементами является особенно важным примером этого. Более того, мы полагаем, что, если бы западная традиция могла быть заново восстановлена, она непременно должна была бы принять религиозную форму в самом строгом смысле этого слова. Такой формой могло бы быть только Христианство, поскольку, во-первых, все другие возможные формы уже с давних пор чужды западной ментальности, а во-вторых, именно внутри Христианства, и мы можем сказать даже более определенно — именно внутри католицизма можно обнаружить последние остатки того традиционного духа, который ещё сохранился на Западе. Всякое «традиционалистское» начинание, игнорирующее этот факт, заведомо будет лишено оснований и с неизбежностью обречено на провал. Очевидно, что основываться следует только на том, что существует в реальности, и там, где отсутствует непрерывная подлинная преемственность, любая конструкция будет искусственной и недолговечной. Если нам возразят, что само Христианство в наше время более не отдает себе отчета в своем глубинном содержании, мы ответим, что, по крайней мере, только оно в самой своей форме и в своей сущности содержит все необходимое для того, чтобы обеспечить основание восстановленной традиции. Самой реалистической и единственно осуществимой сегодня (по меньшей мере, теоретически) попыткой, было бы восстановление сущностно средневекового христианского строя, естественно, с учётом необходимой специфики сугубо современ-

ных условий. При этом все те элементы, которые были утрачены Западом безвозвратно, можно было бы заимствовать из других традиций, сохранивших их в целостности, и затем применить их к конкретным условиям Запада. Безусловно, такая реставрация может стать делом лишь могущественной и прекрасно организованной интеллектуальной элиты. Вопрос об элите мы уже затрагивали ранее. Однако полезно сделать это вновь, поскольку в последнее время появилось слишком много фантастических и невыполнимых проектов в этой области, а также потому, что следует раз и навсегда уяснить себе, что усвоить традиции Востока в их специфической форме могут только представители интеллектуальной элиты, уже по своему определению находящейся по ту сторону всех частных форм, так как эти традиции отнюдь не приспособлены для восприятия основной массой людей Запада. Такое положение сохранится и в дальнейшем, если не произойдет какая-то непредвиденная трансформация. Если западная элита всё же будет сформирована, знание доктрин Востока явится для неё, по только что разобранным нами причинам, совершенно необходимым для осуществления свойственных ей функций. Но на всех остальных, то есть на большинстве западных людей, которому останется лишь пожинать плоды деятельности этой элиты, обращение к восточным доктринам вообще никак не отразиться прямо, так как влияние подобного знания будет для него косвенным и незаметным, хотя от этого не менее эффективным и глубоким. Хотя это наша неизменная точка зрения, которую мы уже неоднократно высказывали, мы считаем необходимым повторить её ещё раз, поскольку, если и нельзя всегда рассчитывать на адекватное понимание высказываемых нами идей, по меньшей мере, следует стремиться заведомо избежать возможной неадекватной интерпретации наших намерений и убеждений.

Но поскольку более всего нас интересует актуальное положение вещей, мы оставим в стороне прогнозы на будущее и остановимся подробнее на проблемах, связанных с воз-

можностью реставрации «западной традиции». Для того, чтобы доказать, что с проектами такого восстановления далеко не все в порядке, достаточно следующего наблюдения: эти проекты почти всегда заключают в себе более или менее явную враждебность по отношению к Востоку. Следует добавить, что это чувство не чуждо и тем, кто основывается на Христианстве: любой ценой подобные люди стараются отыскать здесь противоречия, которые на самом не существуют или являются чисто надуманными. Дело доходит даже до таких абсурдных утверждений, что, если в доктринах Востока и в Христианстве мы находим одни и те же идеи, и более того, идеи, выраженные в одинаковой форме, то все равно их смысл в обоих случаях различен или даже противоположен! Те, кто делает подобные утверждения, доказывают тем самым, что несмотря на определённые претензии они не слишком далеко продвинулись в понимании традиционных учений и не постигли фундаментального единства, стоящего за всем многообразием внешних форм. Такие люди не хотят замечать сходства даже там, где оно более всего очевидно. Поэтому и их понимание самого Христианства остается поверхностным и не соответствует идее подлинного традиционного учения, которое, будучи совершенным и самотождественным, может быть применено ко всем возможным сферам. Всем им не достает знания основополагающих принципов, и поэтому они гораздо более подвержены влиянию современного мышления, нежели они сами полагают, хотя именно этому мышлению они стремятся противостоять. И в их устах слово «традиция» приобретает иной смысл, нежели тот, который вкладываем в это слово мы.

Вследствие интеллектуального смешения, характерного для нашей эпохи, само слово «традиция» применяется к самым разнообразным и подчас весьма незначительным предметам, например, к простым обычаям или обрядам, имеющим подчас совсем недавнее происхождение. В другом месте мы указывали на столь же неадекватное использование слова «религия». Необходимо быть крайне бдитель-

ным при использовании определённых терминов, так как некоторые искажения языка отражают деградацию определённых идей. Поэтому лишь тот факт, что некто называет себя «традиционалистом,» ещё не доказывает того, что он хотя бы приблизительно представляет себе, что такое «традиция» в подлинном смысле этого слова. Мы категорически отказываемся применять это слово к чему-либо ограниченному исключительно сферой чисто человеческого. На это особенно важно обратить внимание именно сейчас, когда стали появляться такие выражения, как, например, «философская традиция». Философия, оставаясь тем, что она есть, не имеет никакого права считаться «традицией», так как она относится исключительно к рациональному человеческому уровню, и это верно даже в том случае, если она прямо и не отрицает реальностей, выходящих за пределы этого уровня. «Философия» — это не более, чем продукт мыслительной деятельности человеческих индивидуумов, лишённых каких-либо источников нечеловеческого откровения или инспирации, а значит, одним словом, это чисто «профаническое» явление. Вопреки некоторым иллюзиям, имеющимся на этот счёт у определённой категории людей, ментальность той или иной эпохи, той или иной расы не может быть выправлена только с помощью «книжных» наук. Реальные рычаги влияния на эту ментальность совершенно отличны от любых форм философских спекуляций, даже в лучшем случае в силу самой своей природы вынужденных оставаться чем-то совершенно внешним и чисто вербальным, а не подлинным и действенным. Утерянная традиция может быть реставрирована и оживлена только благодаря контакту с духом живой Традиции, а сегодня, как мы уже отмечали, этот дух действительно жив лишь на Востоке. Как бы то ни было, важно, что на Западе появилось, по меньшей мере, стремление к возврату к традиционному мировоззрению, хотя пока это остается только стремлением, и ничем более. Недавно появившиеся разнообразные проявления реакции против «современного мира», на наш взгляд, являют-

ся пока недостаточно полными, и это лишний раз подтверждает нашу точку зрения. Какой бы превосходной и безупречной ни была критическая сторона этих антисовременных движений, тем не менее, они ещё очень далеки от восстановления подлинного интеллекта и ограничены слишком узкими горизонтами мысли. Однако в них, по меньшей мере, есть элементы такого мировоззрения, которое было совершенно немыслимо ещё несколько лет назад. И если сегодня уже не все западные люди целиком и полностью удовлетворены узко материальным развитием современной цивилизации, в этом, быть может, следует видеть признак того, что для её спасения ещё не всякая надежда утрачена.

Как бы то ни было, если Западу суждено тем или иным образом вернуться к своей собственной традиции, его противостояние Востоку немедленно будет устранено уже благодаря самому этому факту, так как корни этого противостояния следует искать только в извращении Запада, и само оно сводится лишь к логической противоположности традиционного и антитрадиционного мировоззрений. Поэтому, вопреки некоторым вышеприведённым мнениям, первым результатом возврата к традиции должно явиться немедленное восстановление взаимопонимания с Востоком, как это всегда и должно происходить в случае цивилизаций, основанных на сходных или одинаковых принципах. Добавим, что подобное взаимопонимание возможно исключительно на этих общих принципах, создающих для этого необходимую базу. Истинно традиционное мировоззрение всегда и везде является сущностно одним и тем же, в какую бы форму оно ни облекалось. Различные формы, соответствующие различным типам мышления и различным временным и пространственным условиям, являются лишь выражениями одной и той же истины. Но это глубинное единство, скрытое под видимостью множественности, может сознаваться только тем, кто способен встать на точку зрения чистого интеллекта. Более того, именно в интеллектуальной сфере следует искать те принципы, из которых в нормаль-

ном случае проистекает все остальное — либо в качестве следствий, либо как их приложение. Поэтому, в первую очередь, согласие должно быть достигнуто в отношении этих принципов, в том случае, если стороны действительно стремятся к глубокому взаимопониманию, так как именно эти принципы в действительности являются наиболее существенными. Как только они будут адекватно поняты, согласие установится само собой. Следует добавить, что знание принципов является знанием самой сущности, то есть метафизическим знанием в подлинном смысле этого слова. Такое знание является столь же универсальным, как и сами эти принципы. Поэтому оно совершенно независимо от всякой индивидуальной обусловленности, которая, напротив, имеет значение лишь в том случае, когда дело доходит до частного применения этого знания. Поэтому сфера чистого интеллекта является единственной не требующей усилий по адаптации между различными ментальностями. Более того, когда на этом уровне необходимая работа проделана, остается только развить её последствия, и согласие будет достигнуто также во всех остальных сферах, поскольку, как мы уже говорили, именно от этого уровня прямо или косвенно зависит все остальное. С другой стороны, согласие, достигнутое в какой-то частной, не связанной с принципами сфере, будучи чем-то похожим скорее на дипломатическую договоренность, чем на истинное взаимопонимание, всегда останется в высшей степени нестабильным и непродолжительным. Вот почему — повторим это ещё раз — истинное взаимопонимание может прийти только сверху, но не снизу. В этом процессе следует различать две стадии. Начинать следует с наивысшего уровня, то есть с принципов, и лишь потом постепенно спускаться к различным вторичным уровням, всегда строго сохраняя при этом существующие между этими уровнями иерархические взаимоотношения. И это с необходимостью должно стать делом элиты в подлинном и наиболее совершенном смысле этого слова, то есть элиты исклю-

чительно интеллектуальной, хотя, строго говоря, никакой иной просто не существует.

Эти соображения показывают, что в современной западной цивилизации полностью отсутствуют элементы, необходимые для того, чтобы она была нормальной и совершенной, как в плане её реального взаимопонимания с восточной цивилизацией, так и сама по себе. Оба эти вопроса настолько тесно связаны друг с другом, что они составляют, в сущности, один единственный вопрос, и причины этого мы объяснили несколько выше. Теперь нам остается только более подробно показать, в чём состоит суть того антитрадиционного мировоззрения, которым является все сугубо современное мировоззрение; каковы возможные последствия, из него вытекающие и проявляющиеся в безжалостной логике актуальных событий. Но прежде, чем мы приступим к этому, следует сделать ещё одно замечание. Быть радикально антисовременным ещё не означает быть антизападным в самом широком смысле этого слова. Напротив, быть антисовременным — это означает предпринимать единственное способное увенчаться успехом усилие по спасению Запада от его собственного вырождения. И любой верный своей традиции человек Востока представляет себе эту проблему точно в таких же терминах, что и мы сами. И совершенно очевидно, что у Запада будет несравнимо меньше врагов, если он перестанет отождествлять себя с современной цивилизацией, так как в этом случае подобная враждебность фактически не имела бы смысла. Однако сегодня чаще говорится именно о защите Запада, и это действительно странно, поскольку, как мы увидим далее, именно Запад в водовороте своей собственной хаотической активности угрожает увлечь в бездну все человечество. Это тем более странно и неправомочно, что подобные защитники Запада, несмотря на некоторые уточнения по этому поводу, хотят защищать Запад также и от Востока, тогда как истинный Восток не помышляет ни о нападении, ни о покорении кого бы то ни было и стремится лишь к тому, чтобы его оставили

в покое, дав независимость и предоставив самому себе, что является, безусловно, вполне разумным и обоснованным требованием. Действительно, Запад испытывает необходимость в защите, но лишь в защите от самого себя и от своих собственных тенденций, которые, будучи доведенными до их логического завершения, с неизбежностью приведут его к разрушению и гибели. Вот почему следует настаивать на необходимости реформы Запада, и если такая реформа будет тем, чем она должна быть, то есть истинной реставрацией традиции, в качестве своего естественного следствия она повлечет за собой установление взаимопонимания с Востоком. Мы же, со своей стороны, стремимся по мере наших возможностей способствовать как этой реформе, так и скорейшему установлению взаимопонимания между Востоком и Западом, если для этого ещё осталось время, и если есть шанс достичь какого-то положительного результата, прежде чем произойдет финальная катастрофа, к которой неумолимо приближается современная цивилизация в процессе своего развития. Но даже если сейчас уже слишком поздно для того, чтобы избежать этой катастрофы, любая деятельность, направленная к достижению этой цели, не останется бесплодной, так как в любом случае она поможет подготовить, хотя бы предварительно, процесс того «отделения» плевел от зерен, о котором мы говорили в самом начале, обеспечив при этом сохранность тем элементам, которым предназначено пережить гибель нашего мира и стать зародышем мира грядущего.

Глава III. Знание и действие

Сейчас мы подошли вплотную к одному из основных аспектов существующего сегодня противостояния восточного и западного сознания. В общих чертах, как уже говорилось выше, мы можем охарактеризовать его как оппозицию традиционного и антитрадиционного мировоззрений. С определённой и наиболее важной для нас в настоящий момент точки зрения, данное противостояние проявляется в форме оппозиции между умозрением и действием, а точнее, в оценке их обоюдной значимости. Соотношение между умозрением и действием может быть рассмотрено под различными углами зрения: либо эти понятия являются противоположностями, как обычно считают, либо они взаимодополняют друг друга. Однако, не следует ли лучше установить между ними отношения иерархической соподчинённости, а не просто взаимосвязи? Таковы различные аспекты этой проблемы, соответствующие различным точкам зрения на этот предмет. Каждая из этих точек зрения правомочна в определённых границах и отвечает определённому уровню реальности, хотя не все они обладают равной значимостью.

Наш разбор мы начнем с рассмотрения наиболее поверхностной и внешней точки зрения, которая радикальным образом, противопоставляет друг другу умозрение и действие, рассматривая их как крайние противоположности, как противоречие. На первый взгляд, такое противоречие действительно существует. Но если бы оно было абсолютным, то умозрение и действие вообще никогда не могли бы сочетаться друг с другом. Однако это не так. В действительности, по меньшей мере, в нормальных случаях, не существует ни одного народа, и, возможно, вообще ни одного человеческо-

го существа, которые были бы либо только деятельными, либо только контемплативными, то есть склонными к чистому умозрению. Хотя повсюду с необходимостью должны наличествовать обе эти тенденции, какая-то из них обязательно будет преобладать, так, что развитие одной неизбежно произойдет за счёт другой хотя бы уже потому, что человеческая деятельность, в самом широком смысле этого слова, не может равномерно развиваться во всех направлениях и сферах одновременно. Именно такое положение вещей и создаёт видимость противоречия, оппозиции. Однако между этими истинными или мнимыми противоположностями в определённом случае всё же может быть достигнуто некоторое равновесие. То же самое можно было бы сказать и обо всех остальных противоположностях, прекращающих быть таковыми, если рассмотреть их с более высокого уровня, нежели тот, на котором их противостояние действительно и реально. Оппозиция, противостояние предполагают дисгармонию и отсутствие равновесия, а это, как мы уже выяснили, в свою очередь, предполагает ограничение исследования частной и относительной точкой зрения.

Рассмотрение умозрения и действия как двух взаимодополняющих тенденций означает переход к более фундаментальной точке зрения, так как в этом случае оппозиция снимается и прекращает существование, а обе тенденции уравновешивают друг друга. Здесь речь идёт уже о двух одинаково необходимых элементах, взаимодополняющих и поддерживающих друг друга, являющихся двумя видами активности (внешним и внутренним) единого существа — как отдельного человека, так и всего человечества в целом. Данная концепция более полноценна и приемлема, нежели предыдущая. Но если ею и ограничиться, возникнет искушение причислить и умозрение, и действие, основываясь на их взаимодополняемости, к одному и тому же уровню реальности. В этом случае вопрос об их иерархическом соподчинении останется в стороне, и единственной проблемой будет сохранение равновесия между ними. Однако эта позиция так-

же не вполне удовлетворительна, так как вопрос о соподчинении, как бы на него ни отвечали, так или иначе возникает всегда, что вполне закономерно.

В этой связи важна не столько конкретная склонность той или иной расы или индивидуума к действию или умозрению, так как эта склонность может зависеть от определённых расовых особенностей или даже от врожденного темперамента. Самое главное — это установить, какая же из этих двух форм активности обладает законным и абсолютным превосходством, независимо от конкретных обстоятельств, не всегда строго соответствующих нормальным иерархическим пропорциям. Без сомнения, признание превосходства одной из этих двух тенденций должно логически повлечь за собой её преимущественное развитие за счёт другой тенденции, хотя на практике часто все определяется скорее особой склонностью той или иной личности, того или иного народа, а место, отводимое умозрению и действию в жизни человека или народа зависит, в большей степени, от их внутренней предрасположенности. Очевидно, что склонность к умозрению более распространена и более развита на Востоке, и быть может, сильнее всего это сказывается в Индии, вплоть до того, что свойственный ей тип мышления, можно считать прообразом восточного мышления как такового. С другой стороны, не подлежит сомнению, что склонность к действию, или точнее, тенденция, проистекающая из этой склонности, преобладает среди народов Запада, по меньшей мере, если говорить о подавляющем большинстве его населения. Даже в том случае, если бы эта тенденция и не являлась столь гипертрофированной и извращенной, как в настоящий момент, все равно такое положение сохранилось бы, и умозрение на Западе всегда оставалось бы уделом весьма незначительной в количественном смысле элиты. Поэтому сегодня в Индии бытует мнение, что, если Запад и вернется к нормальному состоянию и восстановит законную и естественную социальную организацию, несомненно, среди людей Запада окажется очень много кшатриев

и очень мало брахманов[8]. Однако, если интеллектуальная элита на Западе действительно будет создана, и её превосходство будет признано всеми остальными, этого окажется достаточно для того, чтобы восстановить порядок во всех остальных областях, так как истинно духовное могущество основывается отнюдь не на количественном превосходстве, имеющем значение лишь в материальной сфере. Кроме того — и это чрезвычайно важно — в древние эпохи, и даже в Средневековье, естественная склонность западных людей к действию отнюдь не мешала им признавать превосходство умозрения, то есть чистого интеллекта. Почему же в современном мире это совсем не так? Не потому ли, что люди Запада утратили свой интеллект, чрезмерно развивая склонность к действию, вплоть до того, что изобрели особые теории, ставящие действие превыше всего остального и доходящие, как это произошло в рамках прагматизма, до отрицания каких-либо иных ценностей, кроме самого этого действия? Или изначальное признание приоритета точки зрения о превосходстве действия над умозрением само собой привело Запад к той атрофии интеллектуальных способностей, которую мы наблюдаем сегодня? В обоих случаях — и даже в том случае, если истинным является какое-то промежуточное решение — результаты остаются одними и теми же. И дела здесь зашли настолько далеко, что реагировать на это необходимо немедленно. В этом вопросе — повторим это ещё раз — Восток мог бы оказать Западу неоценимую услугу, разумеется, если этого захочет сам Запад, — причем, отнюдь не навязывая своих собственных концепций, как того боятся отдельные авторы, а лишь помогая заново открыть глубинный смысл его собственной, сугубо западной традиции.

---

[8] Умозрение и действие суть две главные функции, соответственно, двух высших каст — брахманов и кшатриев. Соотношение между ними соответствует соотношению между духовной и светской властью. Однако мы не можем подробнее остановиться здесь на этом вопросе, так как он требует специального и подробного анализа.

Актуальное противоречие между Востоком и Западом основывается на том, что Восток утверждает безусловное превосходство умозрения над действием, а современный Запад, напротив, превосходство действия над умозрением. В данном случае речь не идёт о двух в равной степени правомочных точках зрения, соответствующих одному из второстепенных уровней реальности, как это имеет место при определённых обстоятельствах, когда действие и умозрение, будучи коррелированными между собой, взаимодополняют друг друга. Отношения иерархического соподчинения по самой своей сути являются строго определёнными, и в настоящих условиях мы вынуждены утверждать, что обе концепции, господствующие, соответственно, на Востоке и на Западе, являются действительно взаимоисключающими и отрицающими друг друга. В том случае, если мы признаём необходимость установления между этими двумя тенденциями иерархических соотношений, мы вынуждены считать один из возможных вариантов такого соподчинения истинным, а другой — ложным. Прежде, чем углубиться в этот вопрос, заметим следующее: положение дел, характерное для современного Востока, как мы заметили выше, можно встретить во все времена и во всех цивилизациях, тогда как западная точка зрения является сугубо современной. Уже одного этого достаточно, чтобы предположить, что в западной позиции есть нечто анормальное. Это впечатление подтверждается и гипертрофированным увлечением западных людей стремлением к действию вплоть до того, что, не удовлетворяясь провозглашением превосходства действия над умозрением, они сделали его единственным ориентиром своей интеллектуальной деятельности, полностью забыв об умозрении, подлинная природа которого отныне для них совершенно недоступна, и более того, неинтересна. Восточные же доктрины, со своей стороны, напротив, утверждая со всей возможной ясностью и однозначностью не только превосходство умозрения, но и его трансцендентность по отношению к действию, тем не менее, признают

и за действием его особые и законные права и полномочия, а также его значимость во всем, что касается сугубо человеческого и обусловленного уровня[9].

Все восточные доктрины без исключения, равно как и древние доктрины Запада, утверждают превосходство умозрения над действием, превосходство того, что неизменно, над тем, что подвержено изменению[10]. Действие, будучи преходящей и временной модификацией существа, не может нести в самом себе свой принцип и свою собственную причину. Если же оно вообще не зависит ни от какого принципа, выходящего за пределы этой обусловленной сферы, то оно является лишь чистой иллюзией. Принцип же, сообщающий действию всю реальность его существования, а также обеспечивающий возможность этого существования, следует искать лишь в сфере умозрения или в области чистого знания, так как чистое знание и умозрение суть синонимы, или по меньшей мере, они сущностно совпадают друг с другом, так как чистое знание, обретаемое в процессе умозрения, невозможно отделить от самого этого процесса[11]. Подобным образом изменение, в самом широком смысле слова, является совершенно неразумным и противоречивым, а значит, и вовсе невозможным без своего принципа, из которого оно проистекает и который, со своей стороны, не может быть подверженным самому этому изменению, то есть является неизменным. Исходя именно из такой логики представите-

---

[9] Тем, кто сомневаются в признании значимости, хотя и относительной, действия традиционными доктринами Востока, и в частности, Индии, следует обратиться к Бхагавадгите, которая — и об этом надо всегда помнить, чтобы точно понять её смысл — является книгой, предназначенной специально для кшатриев.

[10] Именно в согласии с таким соотношением говорится, что брахман — это тип стабильного, а кшатрий — нестабильного, подверженного изменениям существа. И все существа, населяющие этот мир в соответствии со своей природой связаны в той или иной степени с теми и с другими, так как между человеческим и космическим уровнем существует полное соответствие.

[11] С другой стороны, следует заметить, что результаты, полученные в процессе действия, благодаря его преходящей природе, всегда отделены от самого этого процесса, тогда как знание содержит в самом себе свою собственную цель.

ли традиционного Запада, в частности, Запада античного (к примеру, Аристотель) утверждали, что должен существовать «недвижимый двигатель» всех вещей. «Недвижимым двигателем» всякого действия является знание. Действие полностью принадлежит к миру изменения и «становления». Только знание позволяет выйти за рамки ограниченности этого мира, и когда оно достигает сферы неизменного, то есть становится знанием чисто метафизическим, знанием самого Принципа, то есть знанием в самой глубине своей сущности, оно само становится неизменным, так как всякое подлинное знание состоит в отождествлении с объектом этого знания, и в данном случае с самим Принципом. Именно это упускают из виду современные люди: они не признают ничего кроме чисто рассудочного, дискурсивного знания, которое, будучи лишь «отражённым знанием», с необходимостью является косвенным и несовершенным. Но и это низшее знание они ценят все меньше и меньше и лишь в той степени, в какой оно способно служить осуществлению какой-то непосредственной практической цели. Полностью захваченные действием, вплоть до заведомого отрицания всего, что выходит за его пределы, современные люди не замечают, как вырождается само это действие, превращаясь, за недостатком принципа, в тщетную и пустую суету.

В действительности, одной из самых заметных особенностей современного мира является потребность в нескончаемой деятельности, в бесконечных изменениях, в погоне за скоростями, в стремлении поспеть за все убыстряющимся ритмом разворачивающихся событий. Это — количественное рассеяние во множественности, которая более не объединена никаким осознанием высшего Принципа. В повседневной жизни, равно как и в научных идеях, мы повсюду видим анализ, доведенный до предела, анализ в этимологическом смысле этого слова, то есть разделение, разложение, бесконечную дезинтеграцию человеческой деятельности во всех её разновидностях. Эта неспособность западных людей к синтезу и концентрации является в глазах людей Востока

чертой шокирующей. Это — естественный и логичный результат все возрастающего материализма, так как сама материя есть множественность и разделение. И вот почему, заметим по ходу дела, все, проистекающее из сферы материи, может породить лишь ссоры и конфликты между различными народами или личностями. Чем глубже нисхождение в материю, тем больше и сильнее противоречия. С другой стороны, чем выше подъем к чистой духовности, тем ближе к единству, которое может быть полностью реализовано только в знании универсальных Принципов.

Но ещё более удивительно то, что движение и изменение прославляются сегодня ради них самих, а не ради той цели, к которой они должны были бы привести. Такое положение вещей проистекает из полного вовлечение человеческих способностей во внешние действия, чей скоротечный характер мы отметили выше. Здесь снова мы сталкиваемся с рассеянием, но только видимым под иным углом зрения и достигшим более критической стадии: эту тенденцию можно описать как стремление к максимальной степени преходящести, скоротечности, которое имеет своим пределом чистое отсутствие всякого равновесия. Когда такое отсутствие равновесия реализуется до конца, оно совпадет с окончательным растворением данного мира. И это является совершенно прозрачным указанием на то, что последняя фаза кали-юги уже наступила.

Подобную тенденцию можно заметить и в научной сфере, где исследования зачастую ведутся гораздо в большей степени исключительно ради них самих, нежели ради каких-то частных и фрагментарных результатов. Здесь мы также наблюдаем все убыстряющуюся смену необоснованных теорий и гипотез, создаваемых лишь для того, чтобы тут же смениться другими, имеющими ещё более короткий срок существования. Это порождает подлинный хаос, в котором тщетно искать какие бы то ни было твердые принципы, так как здесь все сводится к чудовищному накоплению ничего не значащих и ничего не доказывающих деталей и фактов.

Естественно, мы имеем в виду лишь теоретические науки, конечно, если такие ещё существуют. Прикладные науки, напротив, дают действительные результаты, и это понятно, поскольку эти результаты имеют отношение непосредственно к области материи, то есть к единственной области, где современный человек может похвастаться подлинным превосходством. Поэтому следует предвидеть, что открытий, а точнее, механических и промышленных изобретений с каждым днем будет становится все больше и больше вплоть до конца данного цикла. И кто знает, не явятся ли разрушительные возможности, которые им сопутствуют, одним из главных факторов в последней катастрофе, если события достигнут той стадии, когда избежать её будет уже невозможно?

Во всяком случае, многие сегодня чувствуют, что в настоящем положении дел больше нет никакой стабильности. И хотя кое-кто, предвидя опасность, старается на неё как-то реагировать, большинство наших современников вполне довольны актуальным смешением, в котором они видят экстериоризированный образ своей собственной ментальности. На самом деле существует глубокое родство между миром, в котором все находится в состоянии «становления», где нет места ничему неизменному и постоянному, и состоянием сознания современных людей, усматривающих всю реальность в этом «становлении», и отрицающих тем самым всякое подлинное знание, равно как и сам объект такого знания, то есть трансцендентные и универсальные Принципы. Можно пойти ещё дальше и сказать, что в этом заключается отрицание всякого подлинного знания, к какому бы относительному уровню оно ни принадлежало, так как, согласно вышеприведённым объяснениям относительное неразумно и даже невозможно без абсолютного, обусловленное — без необходимого, изменяемое — без неизменного, а множественное — без единственного. «Релятивизм» противоречив в самом себе, так как, если следовать его логике, стремление все свести к изменению рано или поздно приведёт к отрица-

нию самого изменения. И это, в сущности, лежит в основании знаменитого парадокса Зенона Элейского. Однако, не желая грешить против истины, мы вынуждены признать, что подобные теории встречаются не только в современную эпоху. Подтверждения этому можно найти и в греческой философии. Наиболее известен в этом отношении случай Гераклита с его «универсальным течением». Именно эта идея заставила элейскую школу полемизировать с его концепциями, равно как и с концепциями атомистов, путём доведения их до абсурда. Нечто подобное можно найти даже в самой Индии, хотя, конечно, в ином, нефилософском контексте. Так, буддизм развивал подобные представления в одном из своих основных тезисах о «растворимости всех существ»[12]. Однако подобные теории были лишь исключениями, и такие революции против традиционного мировоззрения, случавшиеся время от времени в течение всего периода калиюги, не имели дальнейшего распространения. Новым же и беспрецедентным является то всеобщее приятие этих идей, которое мы наблюдаем на современном Западе.

Следует также заметить, что под влиянием новейшей идеи «прогресса» «философия становления» приобрела сегодня форму теории, вообще никогда не встречавшейся у древних. Эта форма со всеми её возможными вариациями может быть названа общим термином — «эволюционизм». Мы не будем повторять здесь то, что уже сказали по этому поводу в другом месте. Следует лишь напомнить, что всякая концепция, признающая только мир «становления,» с необходимостью является «натуралистической» концепцией, и как таковая, предполагает отрицание всего того, что ле-

[12] Вскоре после своего возникновения буддизм в Индии стал одним из основных проявлений революции кшатриев против власти брахманов, и как можно заключить из всего предыдущего, существует неоспоримая связь между отрицанием всякого неизменного принципа и отрицанием духовной власти, а также между сведением всей реальности к «становлению» и утверждением чисто светской власти, чьей сферой является мир действия. Можно также показать, что натуралистические и антиметафизические доктрины всегда возникают тогда, когда в цивилизации светская власть начинает преобладать над духовной.

жит по ту сторону природы, то есть всей сферы метафизики, сферы неизменных и вечных Принципов. Говоря об антиметафизических теориях, мы должны также указать на то, что идея Бергсона о «чистой длительности» точно соответствует той идее рассеивания в предельной преходящести, мгновенности, спонтанности, о которой мы упоминали ранее. И его псевдоинтуиция, смоделированная в соответствии с нескончаемым потоком чувственных вещей, не только не может быть инструментом для приобретения какого-то знания, но представляет собой на самом деле растворение всякого возможного знания.

Это заставляет нас ещё раз повторить то, что во всём этом является самым существенным, и в чём не должно оставаться ни малейшей двусмысленности: интеллектуальная интуиция, благодаря которой только и возможно достижение истинно метафизического знания, не имеет абсолютно ничего общего с интуицией, разбираемой некоторыми современными философами. Их интуиция принадлежит к чувственной сфере, к сфере под-рассудочной, субрациональной, тогда как интеллектуальная интуиция, являясь чистым интеллектом, сверхрациональна, супра-рациональна. Но современные люди Запада, не зная в сфере мышления никаких более высоких категорий, чем рассудок, рацио, даже не подозревают о существовании этой интеллектуальной интуиции, тогда как античные и средневековые доктрины, даже узко философского характера (а значит, не способные до конца овладеть этой интуицией), тем не менее, открыто признают её существование и её превосходство надо всеми остальными качествами. Вот почему до Декарта никогда не существовало рационализма, так как рационализм есть явление сугубо современное, и помимо всего прочего, тесно связанное с индивидуализмом, отрицающим любые качества сверхиндивидуального порядка. Пока люди Запада будут пребывать в неведении относительно интеллектуальной интуиции и упорствовать в её отрицании, у них никогда не будет традиции в полном смысле этого слова, и они никогда

не смогут достичь взаимопонимания с подлинными представителями восточных цивилизаций, в которых все непосредственно основывается на этой интуиции, неизменной и непреходящей в самой себе и служащей отправной точкой для всякого действия, происходящего в полном согласии с традиционными нормами.

Глава IV. Наука сакральная и наука профанная

Выше мы показали, что в традиционных цивилизациях в основе всего лежит интеллектуальная интуиция. Иными словами, в таких цивилизациях самым существенным является чисто метафизическая доктрина, а все остальное проистекает из неё либо как прямое следствие, либо как вторичное приложение к тому или иному частному уровню реальности. Это справедливо не только в отношении социальных институтов, но и в отношении наук, то есть тех форм знания, которые принадлежат сфере относительного, и которые в традиционных цивилизациях рассматриваются как продолжение или отражение знания абсолютного и принципиального. Таким образом, истинная иерархия сохраняется там везде и во всем. Все относительное, в свою очередь, отнюдь не считается чем-то несуществующим (это было бы откровенным абсурдом) и учитывается в той мере, в какой это необходимо. Однако при этом оно ставится на надлежащее место, то есть рассматривается как нечто сугубо второстепенное и подчинённое. И в самой этой области относительного существуют различные степени реальности, определяющиеся тем, насколько далеко от сферы высших Принципов располагается та или иная вещь.

Итак, в отношении науки мы имеем два радикально различных и несовместимых друг с другом подхода, две противоположные концепции, которые можно назвать, соответственно, традиционной концепцией и концепцией сугубо современной. Мы уже имели случай упомянуть о «традиционных науках», которые существовали в античности и в Средние века, и которые продолжают существовать на Востоке ещё и сегодня, хотя современным западным людям подобный факт чаще всего неизвестен. Следует добавить,

что каждая традиционная цивилизация имела свои особые разновидности традиционных наук, и этот факт объясняется тем, что здесь мы имеем дело не с универсальными принципами, как в случае чистой метафизики, а с их частными применениями. Поскольку вся данная область по определению является обусловленной, следует всегда принимать в расчёт всю совокупность конкретных обстоятельств, связанных с особенностями мышления и другими особенностями каждого конкретного народа, а кроме того, специфику циклического периода истории этого народа. Как мы уже видели выше, иногда для исправления этих обстоятельств необходимо определённое внешнее вмешательство. Подобное вмешательство, впрочем, изменяет только внешние формы и не затрагивает сущности традиции: в случае с метафизической доктриной модификации может быть подвергнута только специфическая форма её выражения, что можно было бы уподобить её переводу с одного языка на другой. Какой бы ни была эта специфика выражения, следует сказать, что существует только одна единственная метафизика, равно как и одна единственная истина. Но все меняется, когда мы переходим в сферу приложений метафизических принципов — во всем, что касается науки, а также социальных институтов, мы находимся уже в мире множества и многообразия форм. Эти различные формы выражения единой истины и составляют основу различных традиционных наук, даже в том случае, если некоторые из этих наук имеют один и тот же предмет. Логики утверждают, что наука полностью определяется предметом своего изучения, но эта чрезмерно упрощенная точка зрения является неадекватной. Сама позиция, с которой предмет изучается, также довольно значительно влияет на определение сущности науки. Число возможных наук не имеет предела, и науки, изучающие один и тот же предмет с различных точек зрения, используют подчас настолько различные методы, что в действительности их необходимо выделять в совершенно отдельные категории. Особенно это касается сходных тради-

ционных наук различных цивилизаций, которые, несмотря на близость, не могут быть полностью отождествлены друг с другом и поэтому названы одним и тем же именем. Но ещё неизмеримо дальше, чем далёкие друг от друга традиционные науки, имеющие всё же, по меньшей мере, фундаментально единый характер, отстоят традиционные науки, взятые в целом, от того, что принято считать науками в современном мире. Уже при самом поверхностном подходе становится очевидным, что один и тот же предмет изучения в обоих случаях рассматривается, исходя из совершенно различных предпосылок. А при ближайшем анализе между такими науками невозможно найти вообще ни одной общей черты.

Было бы весьма уместно пояснить наши идеи несколькими примерами. Начнем с наиболее общей дисциплины — «физики», и покажем, как её понимали древние и как её понимают современные люди. Огромная разница очевидна здесь даже в том случае, если мы останемся в границах западного мира. Термин «физика» в его изначальном и этимологическом смысле значит дословно «наука о природе». Эта наука занимается наиболее общими законами «становления», так как «становление» и «природа» — синонимы, и именно так греки, и в частности, Аристотель, понимали эту науку. Более специализированные науки, исследующие эту же сферу реальности, являются «спецификациями» физики применительно к той или иной более узкой области. Уже здесь заметно извращение смысла слова «физика» в современном мире, так как сегодня оно означает лишь одну частную науку среди многих других, которые, в свою очередь, также являются науками о природе. В этом можно увидеть ярчайший пример дробления, вообще характерного для современной науки: «специализация», порожденная аналитическим складом ума, дошла до такой степени, когда люди, испытавшие на себе её влияние, уже не способны более даже представить себе науку, занимающуюся всей природой как таковой. Определенные неудобства, связанные

с этой специализацией, часто привлекают к себе внимание, поскольку она неизбежно в качестве следствия влечёт за собой узость воззрений. Но даже те, кто подмечают это обстоятельство, тем не менее, соглашаются принять его как неизбежное зло, порожденное таким накоплением детального знания, что усвоить его целиком не представляется возможным. С одной стороны, им не приходит в голову, что детальное знание само по себе не имеет никакой ценности и никак не оправдывает отказ от того синтетического знания, которое должно было бы сложиться на его основе, так как, оставаясь ограниченным сферой относительного, синтетическое знание, тем не менее, стоит значительно выше знания простых фактов и деталей. С другой стороны, от них ускользает то обстоятельство, что сама невозможность объединить множество деталей и фактов проистекает из упорного нежелания сводить их к высшему принципу и из настойчивого стремления начинать всякое исследование снизу и извне, тогда как для придания науке подлинной умозрительной ценности совершенно необходимо использовать прямо противоположный подход.

Если сравнить античную физику с современной, но не как с наукой, известной современным людям под этим именем, а как со всей совокупностью естественных наук (а именно это и является приблизительным эквивалентом физики античной), сразу бросится в глаза, до какой степени она подверглась дроблению на множество «специальных наук», довольно далеко отстоящих друг от друга. Однако это лишь наиболее внешняя сторона вещей, и не следует рассчитывать, что, объединив между собой все эти отдельные науки, можно получить некий действительный аналог античной физики. На самом деле в этих двух случаях различие, в сущности, состоит в глубочайшем расхождении между двумя подходами, о которых мы говорили выше. Традиционный подход обязательно возводит все науки к принципам, частными приложениями которых они и являются. Но именно от подобного возведения категорически отказывается под-

ход современный. Для Аристотеля физика по отношению к метафизике была вторичной, а значит, зависела от метафизики и являлась применением к сфере природы принципов, стоявших над природой и лишь отражавшихся в её законах. То же самое можно было бы сказать и о средневековой космологии. Современный подход, напротив, стремится утвердить независимость наук от чего бы то ни было, отрицая все, что выходит за их пределы, или по меньшей мере, объявляя это «запредельное» «непознаваемым», а значит, отказываясь на деле с ним считаться. Подобное отрицание существовало на практике задолго до того, как его попытались оформить в систематизированную теорию под именем «позитивизма» и «агностицизма», и можно сказать, что оно было отправной точкой всей современной науки. И однако лишь в 19-ом столетии люди открыто начали кичиться своим невежеством (так как называть себя «агностиком» это все равно что открыто провозглашать себя «невеждой»), и более того, отказывать другим в возможности обладания знанием, пути к которому для них самих оказались закрытыми. И это было ещё одним признаком прогрессирующей интеллектуальной деградации Запада.

Стремление полностью оторвать науку от каких бы то ни было высших принципов под предлогом гарантий её независимости, свойственное для сугубо современного подхода, лишает эту науку всякого глубокого смысла и даже всякого интереса, с точки зрения познания. Это может привести только к полному тупику, к заключению науки в безнадёжно

зауженной сфере[13]. Кроме того, всякое развитие в сфере такой науки отнюдь не ведёт к углублению знаний, как это иногда полагают. Напротив, оно остается чисто поверхностным и сводится лишь к упомянутому нами растворению в деталях или к громоздкому, но бесплодному аналитизму, занятие которым можно продолжать сколь угодно долго без того, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к истине. Надо добавить также, что западные люди, как правило, занимаются так называемой наукой отнюдь не ради неё самой: их основной целью является не чистое знание, какого бы низкого уровня оно ни было, но лишь возможность практического использования, в чём можно убедиться, судя по той легкости, с какой наши современники объединяют науку с промышленностью, а также по распространенной среди большинства привычке делать из инженера типичного представителя науки. Но это уже связано с другим вопросом, который мы разберём несколько позже.

В своем актуальном виде наука потеряла не только всякую глубину, но и всякую стабильность. Будучи ранее соединенной с принципами, наука разделяла с ними их неизменность в той мере, в какой это позволял изучаемый ею предмет. Сегодня, будучи оторванной от принципов и занимаясь исключительно постоянно изменяющимся миром, она не может более найти в себе никакой твердой опоры, никакого стабильного основания. Если прежде она покоилась на абсолютной уверенности, то сегодня она имеет дело лишь с возможными и приблизительными, чисто гипотетическими

[13] Следует заметить, что нечто подобное произошло и в социальной сфере, когда современные люди постарались отделить временное, светское, от духовного. Мы не хотим сказать, что между этими вещами не существует различий. Они есть уже потому, что светское и духовное относятся к разным сферам жизни, подобно тому, как различаются между собой метафизика и традиционные науки, но типичное заблуждение аналитического подхода состоит в том, что в нём стирается существенная граница между простым различием и абсолютным разделением (между дифференциацией и сепарацией). Только благодаря такому разделению (сепарации) временная, светская власть потеряла свою правомочность. И то же самое на интеллектуальном уровне можно сказать и о науках.

конструкциями — продуктами обыкновенной индивидуальной фантазии. Более того, если современная наука, следуя своими окольными путями, и приходит к согласию в том или ином пункте с доктринами древних традиционных учений, совершенно не верно было бы рассматривать это согласие как знак подтверждения современной наукой этих традиционных учений, так как последние ни в чём подобном не нуждаются. И совершенно тщетными являются любые попытки примирить между собой эти различные точки зрения или установить соответствия между концепциями традиции и чисто гипотетическими теориями, имеющими все шансы быть дискредитированными в самом недалёком будущем[14]. В рамках современной науки любое утверждение остается чисто гипотетическим, тогда как постулаты наук традиционных, проистекая в качестве безусловных следствий из истин метафизического порядка, постигаемых при помощи интеллектуальной интуиции, а значит, строго и однозначно, обладают совершенно иным, абсолютно достоверным характером[15]. Современная страсть к экспериментам порождает иллюзию, что теорию можно доказать с помощью фактов, тогда как на самом деле одни и те же факты можно легко объяснить с помощью самых различных теорий, и даже такие ярые поборники экспериментальных методов, как Клод Бернар и т. д., сами признают, что факты могут быть интерпретированы только с помощью заранее составленных представлений, без которых они вынуждены оста-

[14] На уровне религии подобное замечание приложимо и к определённого рода «апологетике», стремящейся примирить между собой результаты современной науки и религиозные догматы, что является совершенно пустым занятием, которое, более того, всегда приходится начинать сызнова, что влечёт за собой серьёзную опасность постановки религии в зависимость от изменчивых и эфемерных концепций, от которой в нормальном случае она должна быть совершенно свободной.

[15] Легко привести конкретный пример этому: укажем лишь на поразительную разницу между концепцией эфира в традиционной индусской космологии и той же самой концепцией в современной физике.

ваться «грубыми фактами», лишёнными всякого смысла и всякой научной ценности.

Раз мы уже заговорили об «экспериментализме», следует использовать эту возможность для ответа на один возникающий в этой связи вопрос: почему экспериментальные науки получили столь широкое развитие именно в современной цивилизации, а не в каких-либо других? Причина этого кроется в том, что эти науки связаны с миром чувственного восприятия, с миром материи, и особенно предрасположены к его чисто практическому использованию. Их развитие, идущее рука об руку с тем, что можно назвать «суеверием фактов», точно соответствует сугубо современным тенденциям, тогда как в предшествующие эпохи не было заинтересованности в подобных занятиях до такой степени, чтобы ради них отказаться от знаний высшего порядка. Следует заметить, что в принципе ни один вид знания, даже самый низший, сам по себе не может рассматриваться как нечто неправомочное. Неправомочным является лишь злоупотребление занятиями второстепенными видами наук в ущерб основным и принципиальным областям знания и такое развитие этих второстепенных наук, которое способно подчинить себе все виды человеческой деятельности, а именно это и происходит сегодня. Теоретически и в нормальной цивилизации можно допустить существование наук, основывающихся на экспериментальных методах, но при этом так же, как и все другие науки, сохраняющих связь с принципами и потому обладающих реальной умозрительной ценностью. Мы не видим этому реальных примеров лишь потому, что основное внимание уделяется там иным проблемам, и даже если речь идёт об исследованиях чувственного мира (в той степени, в какой это может представлять действительный интерес), учения традиции позволяют осуществить их гораздо успешнее с помощью иных методов и иных подходов.

Выше мы отметили, что одной из характеристик современной эпохи является использование всех тех вещей, кото-

рые ранее вообще отбрасывались, считаясь совершенно не важными и поэтому не заслуживающими того, чтобы расходовать на них время и энергию людей. Но и эти вещи перед концом цикла должны быть реализованы, так как и они имеют своё место среди всего комплекса возможностей, заложенных в самом цикле. Так обстоит дело и с экспериментальными науками, зародившимися в последние столетия. Существует ряд современных наук, в полном смысле слова являющихся «останками» древних наук, истинное понимание которых давно утрачено. В период упадка этих наук их низшие стороны отделялись от всего остального, и подвергшись грубой материализации, становились точкой отсчета для развития в совершенно другом направлении, соответствующем сугубо современным тенденциям. Так возникали новые науки, потерявшие какую бы то ни было связь с предшествующими. Совершенно неверно, к примеру, рассматривать астрологию и алхимию как науки, развившиеся постепенно в современную астрономию и современную химию, хотя, с чисто исторической точки зрения, доля правды в этом есть. Эта доля правды сводится к тому, что эти современные науки вышли из предшествующих им наук не в ходе «эволюции» или «прогресса», но, наоборот, в результате глубокого вырождения последних. Следует остановиться на этом подробнее.

Прежде всего следует заметить, что наделение различными значениями слов «астрология» и «астрономия» началось сравнительно недавно. Древние греки использовали оба этих термина для обозначения некоей единой области, позднее превратившейся в объект изучения двух наук — астрологии и астрономии. Здесь мы вновь сталкиваемся с возникшим в результате специализации разделением одной и той же науки на несколько частей, — в данном случае с той лишь разницей, что одна из частей, представляющая наиболее материальную сторону этой науки, получила независимое развитие, а другая, напротив, совершенно исчезла. И действительно, сегодня никто более не знает, чем на са-

мом деле была древняя астрология, и все попытки возродить эту науку привели пока лишь к созданию явной пародии на неё. Сегодня некоторые стремятся даже превратить астрологию в сугубо современную экспериментальную науку, основанную на статистике и исчислении вероятностей, то есть использующую методы, абсолютно не свойственные и глубоко чуждые духу Античности и Средневековья. Другие готовы ограничиться лишь возрождением «гадательного искусства», которое действительно существовало ранее, но являлось при этом уже извращением астрологии, её упадком или, в лучшем случае, самым заниженным и не заслуживающим никакого серьёзного внимания применением её методов (такое пренебрежительное отношение к подобному использованию астрологических методов можно увидеть в цивилизациях Востока и сегодня).

Случай химии, быть может, является ещё более показательным и характерным. Современное невежество в отношении алхимии ничуть не уступает невежеству в отношении астрологии. Истинная алхимия была наукой сущностно космологического порядка, применимой, впрочем, и к человеческому уровню по принципу аналогии, существующей между «макрокосмом» и «микрокосмом». Кроме того, алхимия была изначально предрасположена к перенесению её учений и на чисто духовный уровень, и это сообщало ей ещё более высокий смысл и делало её одной из наиболее типичных и совершенных традиционных наук. Современная химия, не имеющая ни малейшего отношения к этой науке, развилась отнюдь не из неё. Химия — это лишь результат разложения и извращения алхимии, начавшихся только в Средние века благодаря полной некомпетентности определённых ученых, не способных постичь истинное значение символов и воспринявших алхимические доктрины буквально. Посчитав, что речь идёт только о материальных операциях, эти люди занялись более или менее хаотическим экспериментаторством. Именно подобные персонажи, которых истинные алхимики иронически называли «суфлера-

ми» («раздувателями») или «прожигателями угля», и были подлинными предшественниками современных химиков. Таким образом, вся современная наука основана на руинах более древних наук, на останках, отторгнутых ими и оставленных в распоряжение невежд и «профанов». Добавим, что так называемые «современные реставраторы алхимии» суть не более, чем продолжатели того же самого извращения, которое началось ещё в Средние века, и их искания так же далеки от сферы истинно традиционной алхимии, как современные астрологи далеки от астрологов древности. Вот почему мы с полным основанием можем утверждать, что сегодня традиционные науки Запада действительно совершенно утрачены современными людьми.

Мы ограничимся этими двумя примерами, хотя нетрудно было бы привести и множество других из разных областей науки, повсюду вскрывающих признаки того же самого вырождения. Можно было бы показать, что психология в её сегодняшнем понимании, то есть наука, изучающая специфически ментальные феномены, является естественным продуктом англо-саксонского эмпиризма и предрассудков 18-го века. Сама сфера исследований этой науки представлялась для древнего мира столь незначительной, что, даже если там иногда и принимались во внимание некоторые аспекты психологического уровня, никому и в голову не приходило основывать на этом специальную науку, так как все теоретические элементы, имеющие там какую бы то ни было ценность, содержались в доктринах несравнимо более высокого порядка. Так же легко было бы показать, что современная математика является лишь внешней оболочкой, «экзотерической» стороной пифагорейской математики. Древняя идея числа стала совершенно непонятной современным людям, поскольку и здесь высшие аспекты науки, придававшие ей истинно традиционный характер и вместе с тем подлинно интеллектуальную ценность, полностью исчезли. Этот случай сопоставим со случаем астрологии. Перечислять все подобные примеры было бы довольно утомитель-

ным занятием, и мы считаем, что сказали достаточно для того, чтобы ясно показать сущностный характер трансформаций, лежащих в основе современных наук и представляющих собой процессы, прямо противоположные так называемому «прогрессу», и даже, напротив, предполагающие глубочайший интеллектуальный регресс. Теперь же мы обратимся к соображениям более общего порядка, касающимся истинной цели традиционных и современных наук, чтобы показать до какой степени в обоих случаях эти цели различны.

Согласно традиции, всякая наука представляет интерес не столько сама по себе, сколько как продолжение или вторичное приложение доктрины, чья наиболее существенная часть относится к области метафизики[16]. Хотя каждая наука остается правомочной, пока она занимает надлежащее место в иерархии знаний в соответствии с её внутренней природой, легко понять, что для обладателя знания высшего порядка знание низшего порядка не может представлять особого интереса. Такое знание низшего порядка ценно лишь в качестве «функции» от высшего знания, то есть лишь в той степени, в которой оно может отражать высшее знание в конкретной обусловленной сфере или служить путём к нему. При этом само высшее знание никогда не должно исчезать из виду или приноситься в жертву каким бы то ни было случайным обстоятельствам. Традиционные науки выполняют две взаимодополняющие функции. С одной стороны, выступая в качестве конкретного приложения доктрины, они позволяют связать между собой различные уровни реальности и привести их к единству в универсальном синтезе; с другой — они являются (по крайней мере, для определённого типа людей с соответствующими индивидуальными наклонностями) своего рода подготовительным этапом для получения высшего знания и путём к нему. При

[16] Это выражается, в частности, в термине «упаведа», который используется в Индии для обозначения некоторых традиционных наук и подчёркивает их подчинённость Ведам, то есть чисто сакральному знанию.

этом, согласно их иерархическому расположению на соответствующих уровнях реальности, эти науки образуют ступени, по которым можно подняться к высшему уровню чистой духовности, чистого интеллекта[17]. Совершенно очевидно, что современная наука ни в коей мере не может служить подобным целям. Поэтому все её разновидности суть не более, чем «профанические науки», тогда как науки традиционные, благодаря их связи с метафизическими принципами, включаются в науку сакральную.

Сосуществование двух функций сакральных наук не содержит в себе никакого противоречия или порочного круга, как это могло бы показаться при поверхностном подходе к данной проблеме. Тем не менее данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Эту проблему можно прояснить, указав на существование двух различных подходов, один из которых может быть назван «восходящим», другой — «нисходящим». Первый подход предполагает развертывание процесса познания, отправляясь от самих принципов, путём постепенного удаления от них в сторону все более частных и конкретных уровней реальности. Второй подход ориентирован на постепенное приобретение знаний, на движение от низшего уровня к высшему или от внешнего к внутреннему. Поэтому вообще не следует задаваться вопросами, надо ли двигаться сверху вниз или снизу вверх, должна ли наука основываться на знании принципов или на знании чувственного мира, так как подобные противопоставления вообще не имеют смысла. Данная дилемма могла возникнуть лишь в контексте «профанической философии», где она впервые в ярко выраженном виде проявилась у древних греков. Однако такой дилеммы не существует

[17] В нашей работе «Эзотеризм Данте» мы говорили о символизме лестницы, ступени которой в различных традициях соответствуют определённым наукам и одновременно определённым состояниям бытия. Такое соответствие с необходимостью предполагает, что эти науки понимались не чисто профанически, как в современном мире, но предполагали возможность расширительного толкования, включая наделение их инициатическим смыслом.

в «сакральной науке», основывающейся исключительно на универсальных принципах. Причина этого состоит в том, что «сакральная наука» исходит из фактора интеллектуальной интуиции, которая является самой непосредственной и самой высшей формой знания, так как совершенно не зависит от каких-либо видов чувственного восприятия, равно как и от сугубо рационального мышления. Чтобы быть действительно сакральными, науки должны создаваться лишь тем, кто обладает знанием принципов в полной мере, и кто тем самым уполномочен применять эти принципы к конкретным временным и пространственным обстоятельствам в строгом соответствии с традиционной ортодоксией. Но когда подобные науки уже разработаны в соответствии с этими нормами, их изучение может проходить и в обратном порядке. В этом случае они служат как бы «иллюстрациями» чистой доктрины, которую делают более понятной людям определённого типа мышления. Уже тот факт, что сакральные науки принадлежат к миру множественности, предполагает в них неопределенно большое количество разных подходов, соответствующих различным врожденным индивидуальным предрасположенностям существ, ограниченных этим миром множественности. Пути, ведущие к знанию, могут быть чрезвычайно различны на низших уровнях реальности, но они все более и более сближаются друг с другом при достижении высших уровней. Однако это не означает, что все промежуточные уровни совершенно необходимы, так как они суть не что иное, как обусловленные методы, не имеющие общей меры с конечной целью. Определенные люди, в которых тенденция к умозрению преобладает, могут непосредственно достичь уровня интеллектуальной интуиции, не прибегая к подобным средствам[18]. Но они являются исключениями, и в обычном случае следует признать необходимость постепенного подъема от уровня

[18] Вот почему индусская доктрина утверждает, что брахманы должны постоянно обращать свой разум непосредственно на высшее знание, тогда как кшатриям следует, скорее, следовать к этой цели постепенно, от уровня к уровню.

к уровню. Эту проблему можно проиллюстрировать с помощью традиционного символа «космического колеса»: окружность реальна только благодаря её центру, но существа, находящиеся на этой окружности, должны начинать именно с неё самой, а ещё точнее, с той точки, в которой они пребывают в данный момент, чтобы затем последовать к центру по радиусу. Более того, благодаря закону соответствий, существующих между всеми уровнями реальности, истины низшего порядка могут быть рассмотрены как символы истин высшего порядка и служить «опорами» для понимания самих этих высших истин. Вот почему любая наука может стать сакральной, приобретя высшее, «анагогическое» значение — более глубокое, нежели то, которая она имеет сама по себе[19].

Как мы уже отмечали, каждая наука, независимо от того, какой предмет она изучает, может стать сакральной при том условии, что она устроена и практикуется в согласии с нормами традиции. Следует, однако, всегда учитывать соотношение между теми или иными науками, связанное с иерархическим статусом тех уровней реальности, которые эти науки изучают. Но к какому бы уровню реальности они ни относились, и их характер, и их функции всегда в своей сути сопряжены с соответствующими традиционными доктринами. То же самое можно сказать не только о науках, но и о различных видах искусств, так как каждый традиционный вид искусства имеет истинно символическую ценность, позволяющую ему служить «опорой» для медитации, поскольку каноны в искусстве, подобно законам в науках, являются отражениями и адаптациями определённых метафизических принципов. Поэтому в каждой нормальной цивилизации существовали «традиционные», «сакральные» искусства, о которых современный Запад не имеет ни малейшего представления так же, как и о традиционных, са-

[19] Легко привести конкретный пример этому: укажем лишь на поразительную разницу между концепцией эфира в традиционной индусской космологии и той же самой концепцией в современной физике.

кральных науках[20]. На самом деле, всецело «профанической сферы», которую можно было бы с полным основанием противопоставить «сфере сакрального», вообще не существует. Существуют лишь «профаническая позиция», «профаническая точка зрения», «профанический подход», которые тождественны чистому невежеству и отсутствию каких бы то ни было истинных знаний[21]. Это объясняет, в частности, причину частого использования астрономического символизма в различных традиционных учениях, и это замечание позволяет понять истинный смысл древней астрологии. По этой причине современная «профаническая наука» может быть с полным основанием названа «невежественным знанием», знанием нижайшего порядка, ограниченным нижайшим уровнем реальности при полном неведении относительно того, что лежит по ту сторону этого уровня. У этой науки нет никакой высшей цели и никакого высшего принципа, которые были бы достаточным основанием для того, чтобы отвести ей пусть самое скромное, но законное место в общем комплексе подлинного знания. Безнадёжно замкнувшаяся в относительной и узкой области, в которой она стремится объявить себя независимой, и поэтому обрывающая все связи с трансцендентной истиной и высшим знанием, эта наука есть лишь пустое и иллюзорное псевдознание, никуда не ведущее и ни на чем не основанное.

Этот обзор показывает, какова степень падения современного мира в области науки, и делает очевидным тот факт, что сама эта наука, которой так гордятся наши современники, есть не что иное, как извращение и вырождение подлинной науки, коей является для нас наука традиционная и са-

[20] В качестве ярчайшего примера традиционного искусства можно упомянуть искусство средневековых строителей, практика которых кроме всего прочего предполагала ещё и истинное знание соответствующих традиционных наук.

[21] Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на следующий факт: космогония, одна из самых сакральных наук, включенная в большинство священных писаний, в том числе и в Библию, стала в современном мире полем совершенно «профанических» гипотез. Сфера изучения в обоих случаях — одна и та же, подход же радикально иной.

кральная. Современная наука, возникшая из неправомерного ограничения всей сферы знания одной лишь узкой областью (причем областью самой низшей среди всех уровней реальности, областью материальной и чувственной), потеряла в результате такого ограничения и его логически неизбежных последствий всякую интеллектуальную ценность. Следует ещё раз напомнить, что понятие «интеллектуальный» здесь, как и везде в традиционных текстах, надо понимать в его наиболее глубинном и истинном смысле, вопреки рационалистскому предубеждению, отождествившему чистый интеллект с рассудком и отрицающему тем самым интеллектуальную интуицию. Корень данного заблуждения, равно как и многих других современных предрассудков, совпадает с причиной описанного нами выше вырождения науки: он может быть определен одним словом — «индивидуализм», то есть подход, целиком тождественный наиболее общей форме антитрадиционного подхода в целом. Именно проявления индивидуализма в самых различных областях и составляют важнейший фактор того хаотического состояния, которое свойственно нашей эпохе. Поэтому сейчас мы и перейдем к более подробному рассмотрению индивидуализма.

Глава V. Индивидуализм

Под индивидуализмом мы понимаем отрицание всякого принципа, превышающего уровень человеческой индивидуальности, а также логически вытекающее из этого сведение всех компонентов цивилизации к чисто человеческим элементам. В сущности, как мы уже видели, индивидуализм тождественен тому, что в эпоху Возрождения получило название «гуманизма». Индивидуализм является также одной из характернейших черт того, что было описано нами выше как «профаническое мировоззрение» («профаническая точка зрения»). Можно сказать, что «индивидуализм», «гуманизм» и «профанизм» — это разные наименования одного и того же феномена, и мы уже продемонстрировали, что «профаническое мировоззрение» есть в сущности мировоззрение антитрадиционное, и что именно это мировоззрение лежит в основе всех специфически современных тенденций. Однако подчёркивание сугубой «современности», «модернистичности» этих тенденций отнюдь не означает, что они не имели ранее никаких прецедентов. Отдельные черты «современного мировоззрения» частично проявлялись и в другие периоды истории. Однако тогда они представляли собой лишь немногочисленные эпизоды, лежащие к тому же вне основной линии развития цивилизации, не говоря уже о том, что им никогда не удавалось полностью перевернуть и подчинить себе традиционную структуру цивилизации в целом, как это произошло на современном Западе. Специфически современным и беспрецедентным является возведение целой цивилизации на чисто негативных основаниях, на абсолютном отсутствии высшего Принципа. Именно эта всеобщность отрицания придает современному миру совершенно ненормальный характер, делает его воистину чудо-

вищным и понятным только в свете тех соображений относительно конца определённого циклического периода, которые мы привели в начале этого труда. Определяемый таким образом индивидуализм можно рассматривать как главную причину настоящего упадка Запада, поскольку он тождественен развитию исключительно низших возможностей человечества, возможностей, не требующих для своей актуализации никакого вмешательства сверхчеловеческого элемента и, более того, способных свободно реализоваться лишь при полном отсутствии такого сверхчеловеческого элемента, так как эти низшие возможности суть полная противоположность всякой духовности и всякому подлинному интеллекту.

В первую очередь, индивидуализм предполагает полное отрицание интеллектуальной интуиции, так как она является однозначно сверхиндивидуальным качеством, а также отрицание метафизического знания (в подлинном смысле этого слова), образующего сферу, к которой эта интуиция обращена. Следует заметить, что всё то, в отношении чего современные философы используют термины «метафизика» и «метафизический» (разумеется, если подобные термины ещё вообще используются), не имеет к истинной метафизике ни малейшего отношения и чаще всего представляет из себя совокупность рассудочных структур или чисто гипотез воображения, то есть исключительно индивидуальных концепций, кроме того, как правило, относящихся к области «физики» или, иными словами, природы. Даже в тех случаях, когда поставленный вопрос может действительно иметь отношение к истинам метафизического порядка, сам способ его постановки и решения сводит проблему к псевдометафизике, закрывая тем самым возможность получения полноценного и адекватного результата. Кроме того, иногда складывается впечатление, что философы намного больше заинтересованы в постановке проблем, пусть даже совершенно искусственных и иллюзорных, нежели в их разрешении; и это один из примеров смутной любви современных

людей к исследованию ради исследования, то есть к предельно и заведомо тщетной активности, к бессмысленному ажиотажу на всех душевных и физических планах. Следует также обратить внимание на стремление философов любой ценой дать своё имя какой-нибудь «системе», то есть узко ограниченной и строго определённой совокупности взглядов, являющихся исключительно порождением их собственного разума. Отсюда возникает стремление быть оригинальным во что бы то ни стало, даже если для этого пришлось бы пожертвовать истиной. Имя философа становится популярным по мере того, как он придумывает новую ложь, а не по мере того, как он повторяет старую уже высказанную другими истину. Эта же форма индивидуализма, порождающая множество противоборствующих «систем» (противопоставленных друг другу даже в том случае, если в рациональном содержании обоих объективно не содержится никаких противоречий), встречается также среди современных учёных и деятелей искусства. Однако именно в философии порожденная индивидуализмом интеллектуальная анархия наиболее очевидна и показательна.

В традиционной цивилизации почти невозможна ситуация, в которой человек приписывал бы ту или иную идею исключительно самому себе. А если бы всё же кому-нибудь пришло в голову совершить нечто подобное, его авторитет тут же упал бы, и доверие к нему было бы полностью подорвано, при том, что сама подобная идея была бы расценена как бессмысленная фантазия. Если идея истинна, она принадлежит всем, кто способен её постичь. Если она ложна, то её изобретение не может представлять никакой ценности, и вера в неё не будет иметь никакого смысла. Истинная идея не может быть «новой», так как истина не является продуктом человеческого разума. Она существует независимо от нас, и все, что мы должны сделать — это постараться понять её. Вне такого познания существуют лишь ошибки и заблуждения. Но разве современные люди хотя бы в малейшей степени озабочены истиной? Разве у них осталось

ещё хотя бы какое-то представление о том, что она из себя представляет? В данном случае, как и во многих других, слова окончательно потеряли всякий смысл, и некоторые современные прагматисты доходят до того, что применяют понятие «истина» ко всему тому, что может быть практически полезным, то есть к тому, что лежит совершенно за пределом интеллектуальной сферы. Впрочем, отрицание истины, равно как и интеллекта, объектом которого является истина, есть закономерное и логическое следствие современного извращения. Но не будем пока делать дальнейших логических выводов; заметим лишь, что именно вышеупомянутый индивидуализм является главным источником особой, хотя и совершенно иллюзорной, значимости так называемых «великих людей». На самом деле свойство «гениальности» в профаническом смысле этого слова есть категория довольно малозначительная и далеко не достаточная, и это свойство никак не может восполнить собой недостаток подлинного знания.

Раз уж мы заговорили о философии, продемонстрируем несколько ярких примеров проявления индивидуализма в этой области. Для индивидуализма в философии более всего характерно отрицание интеллектуальной интуиции и логически вытекающее из него утверждение превосходства рассудка надо всем остальным. Рассудок — это чисто человеческое и относительное качество — рассматривается при этом как высшее проявление интеллекта, а порой и вообще отождествляется с самим интеллектом. В этом заключается основной принцип рационализма, подлинным изобретателем которого был Декарт. Но подобное ограничение интеллекта сферой рассудка — это лишь первый шаг. Сам рассудок постепенно стал рассматриваться в его сугубо практической функции, а утилитарные и прикладные стороны стали постепенно брать верх над тем, что ещё сохраняло некоторый умозрительный характер. Да и сам Декарт был уже скорее озабочен прикладными возможностями и практическими выводами, нежели чистой наукой. Более того, индивиду-

ализм всегда с неизбежностью приводит к натурализму, так как все превосходящее природу, логически лежит вне досягаемости индивидуума как такового. В сущности, натурализм и отрицание метафизики — это одно и то же. Там, где не признается интеллектуальная интуиция, не может быть никакой метафизики. И если некоторые авторы тщетно настаивают на изобретении некоей «псевдометафизики», то другие, более откровенные, утверждают её принципиальную невозможность и однозначно становятся на позиции релятивизма в любых его формах — от «критицизма» Канта до позитивизма Огюста Конта. Поскольку рассудок является чем-то весьма относительным и применимым лишь в столь же относительной области, логичным и понятным оказывается то, что естественным результатом рационализма становятся «относительность», релятивизм. Но таким образом рационализм сам по себе логически приходит к самоуничтожению. Дело в том, что «природа» и «становление», как мы указали выше, — это синонимы. Последовательный «натурализм» может являться только «философией становления», специфически современной формой которой служит эволюционизм. Но именно такой подход приводит, в конце концов, к отрицанию рационализма, к вскрытию его неадекватности, коль скоро он, с одной стороны, способен разбирать лишь явления, находящиеся в постоянном изменении, в постоянной эволюции, а, с другой, не в состоянии покрыть неопределенно большую и сложную область чувственных объектов. Именно эти доводы приводят при критике рационализма некоторые эволюционистские учения, в частности, интуиционизм Бергсона, хотя они и остаются столь же индивидуалистическими и антиметафизическими, как и сам рационализм. Более того, именно за счёт критики рационализма интуиционизм пошел ещё дальше по пути извращения мышления, обращаясь к такому недо-разумному, инфра-рациональному качеству, как смутная и неопределённая чувственная интуиция, более или менее смешанная с воображением, то есть, в конечном счёте, к смеси инстинкта с сенти-

ментом. Показательно, что в интуиционизме об «истине» уже не идёт и речи. Вопрос ставится только о «реальности», причём сведенной исключительно к её низшему чувственному уровню и понимаемой как нечто, находящееся в перманентном движении и сущностно непостоянное. В подобных теориях вся сфера интеллекта низведена до его нижайшего пласта, вплоть до того, что даже рассудок (рацио) либо вообще исключается, либо допускается как средство, необходимое для обработки материи в промышленных целях. После всего этого до логического конца остается сделать только один шаг — полное и абсолютное отрицание интеллекта и знания как таковых и однозначная замена критерия «истинности» критерием «полезности». Этот шаг делают представители «прагматизма», о которых мы уже упоминали. И здесь мы сталкиваемся уже не просто с чисто человеческой сферой, как в случае с рационализмом; в силу обращения к «подсознательному», знаменующему собой последнюю стадию переворачивания с ног на голову всей нормальной иерархии вещей, мы прямо вступаем в сферу «под-человеческого», «недо-человеческого» в самом прямом смысле этого слова. Вот в общих чертах тот путь, который «профаническая» философия, предоставленная самой себе и претендующая на ограничение всей области знания своими узкими горизонтами, с логической необходимостью вынуждена проделать, и мы видим, что именно это и происходит в настоящее время. Если бы наряду с чисто человеческой философией существовало знание более высокого порядка, такого ограничения всей сферы знаний узко индивидуалистическими рамками не произошло бы, поскольку в таком случае философия вынуждена была бы, по меньшей мере, уважать то, что она не в силах постичь, но реальность чего она не в состоянии опровергнуть. Но когда это высшее знание исчезает, отрицание такого знания постфактум возводится в теорию, становясь отрицательным фундаментом мировоззрения. Именно это и произошло с современной за-

падной философией, которая целиком и полностью основывается на подобном отрицании.

Однако мы слишком задержались на рассмотрении философии, которой отнюдь не следует уделять столь большого внимания, каковыми бы ни были убеждения большинства наших современников на этот счет. С нашей точки зрения, философия интересна лишь потому, что она с максимальной ясностью отражает основополагающие тенденции, характерные для того или иного циклического периода, а отнюдь не потому, что она эти тенденции порождает. Если же это подчас и происходит, и философия на самом деле направляет цивилизационные тенденции в ту или иную сторону, её роль, тем не менее, всегда вторична и лишь отражает то, что уже сформировалось по совершенно иным законам — по законам иного бытийного уровня. Несмотря на тот очевидный факт, что вся современная философия проистекает из Декарта, его влияние на умонастроение своей эпохи, а позднее и на последующие поколения — причём это влияние распространялось не только на одних лишь чистых философов — не смогло бы стать столь решающим и всеобщим, если бы его концепции с предельной точностью не соответствовали тем тенденциям, которые преобладали среди его современников в целом и которые были унаследованы позднее мыслителями других веков Нового времени. В картезианстве в максимальной степени отразилось специфически современное мировоззрение, и именно через картезианство оно приобрело более ясное, чем прежде, самосознание. Кроме того, если разительные изменения, подобные тем, которые произошли параллельно утверждению картезианства в области философии, обнаруживаются в других областях, как правило, они являются скорее результатами, а отнюдь не начальными точками. Они далеко не так спонтанны, как это иногда кажется, и им предшествуют огромные, хотя и не выходящие на поверхность усилия. Если такой человек, как Декарт особенно показателен как ярчайший носитель современного извращения, вплоть до того, что, с определённой

точки зрения, его можно назвать интеллектуальным воплощением этого извращения, его персонификацией, то это всё же не означает, что именно он является его истинным творцом или основоположником. Для того, чтобы добраться до истинных истоков этого извращения, этой общей антитрадиционной тенденции, мы должны углубиться в гораздо более ранние периоды истории. Точно так же можно сказать, что Возрождение и Реформация, которые принято считать первыми крупными проявлениями сугубо современного мировоззрения, не столько положили начало разрыву с истинной Традицией, сколько довершили этот разрыв. С нашей точки зрения, начало этого разрыва следует искать в 14 веке, и именно это время, а не события нескольких последующих столетий, следует принять за подлинное начало «современной эпохи».

Тема разрыва с Традицией нуждается в дальнейшем развитии, так как именно такому разрыву обязан своим существованием сугубо современный мир, и можно сказать, что все характеристики этого мира могут быть сведены к одной — абсолютная противоположность традиционному мировоззрению. Но отрицание традиции и индивидуализм — это одно и то же. В сущности, это вполне согласуется с тем, что мы высказали выше, так как именно интеллектуальная интуиция и метафизическая доктрина связывают всякую традиционную цивилизацию с её Принципом. Коль скоро этот Принцип отрицается, отрицаются, пусть и неявно, все его следствия, и поэтому логически уничтожается все, что по праву могло бы заслуживать имени «традиция». Мы видели, как этот процесс происходил в области наук. Не будем возвращаться к этой теме и перейдем к другой области, в которой проявления антитрадиционного мировоззрения бросаются в глаза ещё в большей степени, так как трансформации, вызванные этими проявлениями, затронули огромные массы обитателей Запада. Во времена Средневековья традиционные науки были достоянием немногочисленной элиты, а некоторые из этих наук, представляя собой эзотеризм в са-

мом полном смысле этого слова, являлись монополией строго закрытых школ. Но существовала также и внешняя часть традиции, доступная всем и каждому. Об этой внешней части мы и хотели бы поговорить. В эту эпоху традиция на Западе внешне проявлялась в исключительно религиозной форме, в форме католицизма. Поэтому именно религия в первую очередь была затронута революцией против традиционного мировоззрения. Эта революция приняла вполне определённую форму — форму протестантизма. Нетрудно заметить, что протестантизм с очевидностью был проявлением именно индивидуализма, а точнее, индивидуализма в области религии. Протестантизм, как и весь современный мир, основывается на чистом отрицании, на том же самом отрицании Принципа, что и сущностный индивидуализм. И именно в протестантизме мы видим один из ярчайших примеров того состояния анархии и разложения, которые с необходимостью проистекают из всякого отрицания.

Индивидуализм подразумевает отказ от всякого авторитета, превышающего границы индивидуальности, а также отказ от любого знания, превосходящего уровень индивидуального рассудка. Оба этих элемента на самом деле неотделимы друг от друга. Следовательно, современное мировоззрение логически должно отвергать всякий духовный авторитет, относящийся к сверхчеловеческому уровню, а также всякую истинно традиционную организацию, по самой своей природе всегда основывающуюся именно на духовном авторитете, независимо от его конкретной формы, которая естественно варьируется в зависимости от той или иной традиционной цивилизации. Именно это и произошло в случае с протестантизмом. Протестантизм открыто отрицает авторитет той организации, которая ответственна за законную интерпретацию религиозной традиции на Западе, а на её месте стремится утвердить «свободный критицизм», то есть интерпретацию, полученную на основании частного суждения нередко даже самой невежественной и некомпетентной личности, и основывающуюся, кроме всего прочего, на за-

ключениях сугубо человеческого рассудка. В этом случае в области религии случилось нечто подобное тому, что произошло в философии после утверждения в ней рационализма. Дверь отныне была открыта для всяких дискуссий, разнотолков и противоречий. И отсюда вполне закономерный результат: возникновение постоянно растущего количества сект, каждая из которых представляет собой не более, чем частное мнение тех или иных отдельно взятых индивидуумов. Так как в подобных условиях невозможно было прийти к соглашению относительно основной доктрины, она была отставлена в сторону, и второстепенный аспект религии, то есть мораль, вышел на передний план. Отсюда вырождение до уровня морализма, который столь ощутим в современном протестантизме. Таким образом, мы и здесь имеем дело с феноменом, во многом параллельным положению дел в современной философии — с распадом доктрины и потерей религией её интеллектуальных элементов. От рационализма религия неизбежно должна была опуститься и до сентиментализма, шокирующий пример которого мы видим в англо-саксонских странах. То, что осталось в результате всех этих извращений, уже нельзя более назвать религией даже в самой искажённой и ухудшенной форме. Это простая «религиозность», то есть смутное и неосмысленное душевное влечение, не основанное ни на каком подлинном знании. Этой предельной точке религиозного вырождения соответствует «религиозный опыт» Уильяма Джеймса, который доходит до того, что видит в человеческом подсознании средство для вхождения в прямой контакт с божественным миром. На этой стадии финальные продукты религиозного и философского извращения перемешиваются друг с другом, и «религиозный опыт» легко сливается с прагматизмом, во имя которого «ограниченный бог» признается наделенным большими преимуществами по сравнению с бесконечным богом, поскольку «ограниченного бога» можно любить так же чувственно, как возвышенного человека. Одновременно с этим обращение к подсознательному прекрасно

сочетается с современным спиритуализмом и всеми теми псевдорелигиями, которые мы разбирали в других работах. Иное направление в развитии протестантизма — протестантский моралистический — привело к тому, что, постепенно уничтожив весь доктринальный фундамент, этот моралистический превратился в так называемую «светскую мораль», находящую своих приверженцев как во всех разновидностях «либерального протестантизма», так и среди открытых врагов религиозной идеи. В сущности, и те и другие движимы одними и теми же тенденциями, с той лишь разницей, что одни заходят дальше других в логическом развитии содержания, лежащего в основании всех этих тенденций.

Являясь сущностно формой традиции, религия не может не находиться в оппозиции к антитрадиционному мировоззрению, а это антитрадиционное мировоззрение не может, в свою очередь, не быть антирелигиозным. Анти-традиционализм начинает с искажения религии, но всегда заканчивает её полным уничтожением. Протестантизм в своей основе нелогичен: стремясь любой ценой «очеловечить» религию, он, тем не менее (по крайней мере, теоретически), признает откровение как сверхчеловеческий элемент. Он не осмеливается довести отрицание до его логического конца, но превращая откровение в объект многочисленных дискуссий, всецело основывающихся на чисто человеческих толкованиях, практически сводит это откровение и его ценность на «нет». Наблюдая людей, настаивающих на том, чтобы считаться христианами, но при этом полностью отрицающих божественность Христа, трудно поверить в их искренность, так как подобная позиция куда ближе к чистому отрицанию Христа и христианства, нежели к какому бы то ни было христианству, что бы при этом ни утверждали сами подобные «христиане». Однако такие противоречия не должны нас удивлять, так как они являются столь же показательным симптомом беспорядка и анархии нашего времени, как и постоянное деление протестантизма на множество сект. Это одно из характерных проявлений прогрессирую-

щей дробности, которая, как мы показали, составляет саму основу современной жизни и современной науки. Кроме того, естественно, что именно протестантизм, сам по себе питаемый духом отрицания, породил тот разрушительный «критицизм», который в руках так называемых «историков религии» превратился в оружие, направленное против религии как таковой, вплоть до того, что протесты, не признавая никакого авторитет, кроме Писания, на самом деле в значительно степени поспособствовали разрушению этого самого авторитета, то есть той небольшой части традиции которая всё ещё сохранялась; восстание против традиционного духа, начавшись, уже не могло остановиться на полпути.

Здесь нам могут возразить: даже несмотря на то, что протестантизм порвал с католической организацией, разве он не сохранил, в силу признания им авторитета Библии, традиционных доктрин, содержащихся в христианстве? Однако введение тезиса о «свободном критицизме» опровергает это допущение, так как оно открывает возможность для любых индивидуалистических фантазий. Кроме того сохранность доктрины предполагает организованное традиционное обучение, которое поддерживало бы необходимую традиционную и ортодоксальную интерпретацию, но в западном мире такая система обучения целиком отождествлена с католицизмом. Без сомнения, в других цивилизациях соответствующие функции могут выполняться совершенно отличными по форме организациями, но здесь мы говорим о западной цивилизации и о специфических условиях, характерных только для неё одной. Было бы бессмысленно сожалеть, что в Индии не существует ничего подобного институту папства. Это совершенно иной случай, во-первых, потому, что традиция в Индии приняла полностью отличную от религии Запада форму, а значит, и средства её передачи с необходимостью должны отличаться от западных. А во-вторых, за счёт существенного отличия индусского мышления от мышления европейского, традиция Индии обладает гораздо более значительной внутренней силой, намного превосходя-

щей возможности западной традиции, которая не может обойтись без строгой и однозначно определённой на внешнем уровне организации с жесткой структурой. Мы уже говорили, что западная традиция, начиная с распространения на Западе Христианства, проявляется исключительно в форме религии. Здесь мы не можем более подробно остановиться на объяснении причин подобного положения дел, что, кроме всего прочего, потребовало бы изложения довольно сложных концепций, необходимых для того, чтобы этот тезис был бы адекватно и всесторонне понят. Тем не менее это является фактом, отрицать который невозможно[22]. Коль скоро мы признаём этот факт, мы логически будем вынуждены признать все вытекающие из него следствия, и в частности, необходимость организации, соответствующей именно такой сугубо западной традиционной форме.

Совершенно очевидно, и мы показали это выше, что только в католицизме могли сохраниться остатки традиционного духа Запада. Но означает ли это, что католицизм сохранил всю полноту традиции и остался совершенно незатронутым современным духом? Строго говоря, следует признать, что внешняя оболочка традиции сохранилось в целостности, и это само по себе уже очень много. Но, увы, весьма сомнительным представляется то, что глубочайший смысл этой традиции ясно осознается хотя бы самой незначительной в количественном отношении элитой. Если бы это было так, само существование такой духовной элиты обязательно проявилось бы в действии или, точнее, в определённом влиянии, но следов этого, к сожалению, сегодня нигде не обнаруживается. Скорее всего, можно говорить о сохранении традиции в латентном состоянии, то есть в таком, когда остается возможность открыть её истинный смысл для тех, кто способен сделать это, даже если в настоящее время никто и не осознает в полной мере всей полноты

[22] Кроме того, согласно Евангелию, это положение дел (то есть существование традиции на Западе в форме религии, в форме Церкви) должно сохранится вплоть до конца света, то есть вплоть до конца настоящего цикла.

этого смысла. Кроме того и вне религиозной области в западном мире повсюду рассеяны знаки и символы древних традиционных доктрин, которые сохранились несмотря на то, что их понимание полностью утрачено. В подобных случаях для того, чтобы разбудить то, что уснуло, и восстановить потерянное понимание, необходим контакт с живым традиционным духом. И здесь снова следует повторить, что для этой цели, для того, чтобы восстановить знание о своей собственной традиции, Западу обязательно потребуется помощь традиционного Востока.

То, о чём здесь идёт речь, относится к возможностям, сохраняющимся в латентном, но постоянном и неизменном виде в католицизме. Таким образом, в отношении католицизма влияние современного мировоззрения может лишь помешать и оттянуть — лишь на определенный срок — полное и подлинное понимание католиками некоторых важнейших традиционных истин. Однако можно заметить и более серьёзное и глубокое влияние современного мировоззрения на актуальное положение дел в католичестве, если, конечно, вообще можно употребить слова «серьёзное» и «глубокое» в отношении того, что является в своей сущности целиком и полностью негативным, пародийным и поверхностным. Здесь мы имеем в виду не столько более или менее строго определённые течения (называемые сегодня «модернизмом»), предпринявшие попытку — к счастью, неудачную — внедрить протестантское мировоззрение в саму католическую Церковь. Мы, скорее, хотим выделить то смутное состояние сознания, которое за счёт этой смутности становится ещё более опасным, поскольку те, кто затронут этим состоянием, часто даже не подозревают о его подлинной природе. В наши дни существует множество людей, считающих себя вполне религиозными, но в действительности не являющихся таковыми. Некоторые даже причисляют себя к «традиционалистам,» не имея ни малейшего представления об истинном духе традиции. Всё это — ещё один симптом интеллектуального хаоса нашей эпохи. То состоя-

ние сознания, о котором мы только что упомянули, состоит в бессознательной «минимализации» религии, в отношении к ней как к тому, что должно затрагивать лишь одну определённую сторону человеческого существования, что приемлемо лишь в узко ограниченных конвенциональных рамках. При этом религия ограждается от всех других сторон жизни непреодолимым барьером и не может более оказывать на них хоть сколько-нибудь ощутимого воздействия. Много ли найдется сегодня католиков, чьё мышление и поведение в обыденной, повседневной жизни значительно отличались бы от мышления и поведения большинства их неверующих сограждан? Кроме того, у многих верующих нетрудно констатировать полное невежество в отношении доктрин и абсолютное безразличие к ним и всему тому, что к ним относится. Религия для многих современных людей — это всего лишь обряд или обычай, если не сказать простая рутина. Часто такое отношение сопровождается сознательным отказом от всяких попыток как-то разобраться в религии, и подчас это доходит до откровенного утверждения, что религию вообще невозможно понять, или что и понимать в ней нечего. На самом деле, разве реально понимающий религию человек мог бы выделять ей такое незначительное место среди всех остальных повседневных забот? Соответственно, доктрина частично или полностью забывается или сводится практически к нулю, что низводит католическую практику почти до уровня протестантской концепции. И это вполне логично, так как оба феномена являются продуктами одних и тех же современных тенденций, открыто враждебных всякой интеллектуальности. И особенно печально, что традиционное католическое обучение, которое должно было бы этому активно противостоять, пытаясь изменить это современное состояние сознания, на самом деле с готовностью ему уступает. Все постепенно сводится к вопросам морали, а о доктрине говорится все меньше и меньше, под тем предлогом, что это слишком сложно для понимания. Таким образом, религия превращается

в морализм, или, по меньшей мере, никто более не стремится понять, чем же она является на самом деле. Если же подчас предметом обсуждений и дискуссий становится собственно католическая доктрина, это чаще всего лишь наносит ей ущерб, так как диалог с «противниками» ведётся, как правило, на их собственной сугубо «профанической» территории, что изначально предполагает ничем не оправданные уступки сторонникам «профанизма». Поразительна та легкость, с которой защитники религиозной доктрины соглашаются принимать во внимание результаты современного «критицизма», в то время, как, встав на другую, не зависящую от современных предрассудков, точку зрения, нет ничего проще, чем показать полную бессмысленность, несостоятельность и негативность всех этих результатов. Стоит ли удивляться в такой ситуации тому, что мы не видим ни малейших признаков традиционного духа. Да и как в подобных условиях он мог бы сохраниться?

Предпринятое нами отступление, касающееся проявлений индивидуализма в религиозной области, является вполне оправданным, так как оно демонстрирует, что зло гораздо глубже и опаснее, чем это может показаться на первый взгляд. Кроме того это отступление, по сути, имеет отношение к тому же индивидуализму — ведь именно дух индивидуализма повсюду вызывает к жизни разнообразные дискуссии и дебаты. Для наших современников невероятно сложно понять, что существуют вещи, которые по самой своей природе не подлежат обсуждению. Вместо того, чтобы попытаться возвысить себя до истины, современный человек претендует на низведение истины до своего собственного уровня. Именно поэтому многие, нисколько не смущаясь, уверены, что, когда им говорят о «традиционных науках» или даже о «чистой метафизике», речь идёт всего лишь о «профанической науке» или о «философии». В границах индивидуального мнения дискуссия возможна по любому поводу, так как все остается в рамках рационального, и если не обращаться к высшему принципу, превосходящему уровень ра-

ционального, каждая из спорящих сторон всегда может найти более или менее солидные аргументы для защиты своей точки зрения. Часто такая дискуссия может длиться неопределенно долго без того, чтобы прийти к какому-нибудь определённому выводу. Поэтому почти вся современная философия построена на софизмах и безобразно сформулированных высказываниях. Дискуссии отнюдь не проясняют вопрос, как это почему-то принято считать, но, как правило, лишь затемняют и запутывают его ещё больше, и чаще всего, в результате дискуссии каждый из участников, стремясь переубедить оппонента, лишь ещё более укрепляется в своей собственной точке зрения и как никогда раньше убеждается в своей собственной правоте. Действительным мотивом такой дискуссии служит не желание постичь или выяснить истину, но убедить других в своей собственной правоте, несмотря на возможные нападки, а если это не удается, по меньшей мере, самому почувствовать себя правым вопреки всему. Неспособность убедить других вызывает, как правило, лишь чувство сожаления, так как стремление к «прозелитизму» — одна из характерных черт современного западного сознания. Иногда индивидуализм в самом низшем и вульгарнейшем смысле этого слова проявляется ещё более наглядным образом: например, в стремлении оценить творчество человека, исходя из того, что известно о его личной жизни, хотя между творчеством и личной жизнью могут существовать самые разнообразные и подчас предельно сложные соотношения. Эта же тенденция, усиленная маниакальным желанием знать мельчайшие детали, проявляется в интересе к самым незначительным подробностям жизни «великих людей», а также в совершенно иллюзорной уверенности, что всякое действие этих людей может быть объяснено на основе «психо-физиологического» анализа их индивидуальности. Всё это должно быть весьма выразительными знаками для тех, кто действительно стремится постигнуть истинную природу современной ментальности.

Возвращаясь к привычке привносить дискуссию даже в те области, где она не имеет никаких прав на существование, следует однозначно констатировать, что «апологетическая» установка является чрезвычайно уязвимой позицией, так как это фактор «защиты» в юридическом смысле этого слова. Характерно, что термин «апологетика» этимологически восходит к слову «апология», что означает в юриспруденции адвокатскую жалобу и в сущности тождественно слову «извинение». Та исключительная важность, которая придаётся сегодня апологетике, является неоспоримым доказательством слабости религиозного духа. Эта слабость особенно усугубляется тогда, когда «апологетика» вырождается до уровня совершенно «профанической» (как по методу, так и по качеству) дискуссии, в которой религия низводится до уровня конвенциональных и предельно гипотетических философских, научных или псевдонаучных теорий, и в которой подчас апологеты религии в «примирительных» целях доходят до того, что до определённых пределов допускают правомочность концепций, выдуманных с единственной целью — уничтожить религию как таковую. Такие апологеты, со своей стороны, представляют неоспоримые доказательства своего полнейшего невежества в отношении истинного содержания той доктрины, более или менее полномочными представителями которой они себя мнят. Тот, кто действительно может с полным основанием говорить от имени традиционной доктрины, не нуждается ни в дискуссиях с «профанами», ни в разнообразных полемиках. Таким людям следует лишь изложить доктрину как она есть тем, кто ещё способен её понять, и одновременно разоблачить ошибку и заблуждение, осветив соответствующие места светом подлинного знания. Их функция заключается не в дискредитации доктрины через вовлечение её в различные профанические споры, а в высказывании суждения, на которое они имеют полное право, коль скоро они действительно сознают неизменные принципы и именно в них черпают своё вдохновение. Сфера полемики — это сфера действия, то есть индиви-

дуальная и временная область. «Недвижимый движитель» порождает и направляет действие, не будучи, однако, вовлеченным в него. Знание освящает действие, не разделяя его необходимые издержки. Духовное управляет временным, не смешиваясь с ним. Таким образом, все остается на своем месте, на своем собственном уровне в пределах универсальной иерархии. Но где в современном мире мы сегодня можем ещё встретить идею иерархии? Никто и ничто сегодня не находится на своем надлежащем месте. Люди не признают более никакого подлинно духовного авторитета на собственно духовном уровне и никакой законной власти на уровне временном и «светском». Профаническое считает себя вправе оценивать Сакральное, вплоть до того, что позволяет оспаривать его качество или даже отрицать его вовсе. Низшее судит о высшем, невежество оценивает мудрость, заблуждение господствует над истиной, человеческое вытесняет божественное, земля ставит себя выше неба, индивидуальное устанавливает меру вещей и претендует на диктовку вселенной её законов, целиком и полностью выведенных из относительного и преходящего рассудка. «Горе вам, слепые поводыри!» — гласит Евангелие. И в самом деле сегодня повсюду мы видим лишь слепых поводырей, ведущих за собой слепое стадо. И совершенно очевидно, что, если эта процессия не будет вовремя остановлена, и те и другие с неизбежностью свалятся в пропасть, где они все вместе безвозвратно погибнут.

Глава VI. Социальный хаос

В настоящей работе мы не намерены специально останавливаться на рассмотрении социальной действительности, так как она интересует нас лишь косвенно, представляя собой довольно второстепенную область приложения фундаментальных принципов. Именно за счёт этой второстепенности социальный уровень ни в коем случае не может стать той областью, с которой должно начаться исправление актуального положения дел в современном мире. Если бы всё же это исправление началось именно с социальной сферы, с исправления следствий, а не причин, оно не имело бы никакого серьёзного основания и, в конце концов, оказалось бы очередной иллюзией. Чисто социальные трансформации никогда не могут привести к установлению истинной стабильности, и если упустить из виду необходимость изначального согласия в отношении основополагающих и абсолютных принципов (запредельных сугубо социальной действительности), в этой области придется всякий раз все начинать заново. Поэтому мы глубоко убеждены, что политический уровень цивилизации есть не что иное, как внешнее, коллективное выражение ментальности данной эпохи. Тем не менее нам не удастся полностью обойти молчанием те аспекты современного хаоса, которые пропитывают эту социальную сферу.

Как мы уже показали, при существующем положении вещей на Западе никто более не занимает места, свойственного ему в соответствии с его внутренней природой. Именно это имеется в виду, когда говорится об отсутствии в современном мире кастовой системы. Каста в традиционном понимании этого термина есть не что иное, как выражение глубинной индивидуальной природы человека со всем на-

бором особых предрасположенностей, слитых с этой природой и предопределяющих каждого к выполнению тех или иных обязанностей. Но как только выполнение этих обязанностей перестаёт подчиняться строго установленным правилам (основанным на кастовой природе человека), неизбежным следствием этого оказывается такое положение, когда каждый вынужден делать лишь ту работу, которую ему удалось получить, даже в том случае, если человек не испытывает к ней ни малейшего интереса и не имеет никакой внутренней квалификации для её исполнения. Роль человека в обществе в таких условиях определяется не случайностью, которой вообще не существует[23], но тем, что имеет видимость случайности — системой самых разнообразных условных и незначительных факторов. При этом единственный имеющий основополагающее и глубинное значение фактор — мы имеем в виду принципиальное различие внутренней природы людей — учитывается менее всех остальных. Именно отрицание этого существеннейшего различия, неминуемо ведущее к отрицанию социальной иерархии в целом, является истинной причиной всего того социального хаоса, который царит сегодня в общественной жизни Запада. Это отрицание изначально не было вполне осознанным и реализовалось скорее на практике, нежели в теории, так как полной отмене каст предшествовало их смешение, или, иными словами, все началось с неверного понимания врожденной индивидуальной природы человека, а закончилось полным забвением самого факта существования такой природы (а также связанного с ней естественного неравенства). Как бы то ни было, это отрицание различия внутренней природы людей было возведено в принцип под именем «равенство». Не составляет никакого труда доказать, что равенство вообще невозможно, и что его нигде не существует,

[23] То, что люди называют случайностью, есть не что иное, как их личное неведение относительно причин случившегося. Если понимать выражение «это произошло случайно» в смысле «это не имело никакой причины», мы придём к явному противоречию.

хотя бы уже потому, что не может существовать двух совершенно одинаковых и, тем не менее, совершенно отличных друг от друга существ. Гораздо труднее продемонстрировать различные нелепые последствия этой абсурдной идеи «равенства», во имя которой людям пытаются навязать полное единообразие во всем, в частности, через всеобщее и одинаковое для всех образование, основываясь на совершенно ложной предпосылке, будто все в одинаковой степени способны понять определённые вещи, и будто одни и те же методы для объяснения этих вещей годятся для всех без исключения. Однако здесь следует заметить, что в современном образовании речь, как правило, идёт отнюдь не о том, чтобы обучающиеся «поняли» те или иные идеи, а о том, чтобы они «заучили» их. При этом память здесь подменяет собой разум, а само образование, видимое как нечто сугубо вербальное и книжное, согласно современной концепции, имеет своей целью такое накопление рудиментарных и беспорядочных, гетерогенных идей, при котором качество полностью приносится в жертву количеству. Как и во всех остальных областях современного мира, здесь мы имеем дело с распылением и множественностью. Можно было бы долго распространяться о порочности «всеобщего образования», однако мы не можем сделать этого в рамках данной работы. Кроме того, помимо частного применения принципа «равенства» к социальной сфере, существует множество других не менее извращенных и порочных его применений в других сферах; при этом последние настолько многообразны, что даже их простое перечисление является почти невыполнимой задачей.

Сталкиваясь с идеями «равенства» и «прогресса» или с какими-то другими подобными современными догмами, большинство из которых окончательно оформились в 18 веке, мы, естественно, не можем допустить, что они появились спонтанно и самопроизвольно. На самом деле это результаты «гипнотического внушения» в самом прямом смысле этого слова, хотя, конечно, эти идеи никогда не смог-

ли бы серьёзно повлиять на общество, не будь оно само в какой-то степени готово к их восприятию. Нельзя сказать, что именно подобные идеи породили современное мировоззрение, но они, без сомнения, весьма способствовали утверждению этого мировоззрения, равно как и его развитию вплоть до достижения им критической стадии, до которой оно никогда не смогло бы дойти без их помощи. Если бы это «внушение» внезапно потеряло свою силу, общая ментальность почти сразу изменила бы свою ориентацию. Именно поэтому подобное «внушение» бдительно поддерживается теми, кто прямо заинтересованы в сохранении современного извращенного состояния цивилизации и особенно теми, кто стремятся ещё больше извратить его. Не потому ли, несмотря на стремление современных людей превращать все в предмет дискуссии, эти догмы тщательно уберегаются от того, чтобы стать объектами полемики, и считаются бесспорными и абсолютными при полном отсутствии каких бы то ни было логических оснований для этого? Кроме того, не так просто выяснить, до какой степени честны пропагандисты подобных идей, и в какой мере эти люди попадаются в свою собственную ловушку и, обманывая других, становятся в конце концов жертвами собственной лжи. В подобных случаях именно обманутые и реально поверившие в ложь чаще всего служат наилучшим инструментом для обмана других, так как истинным инициаторам лжи довольно трудно симулировать личную убеждённость в правоте заведомо фальшивых идей. И тем не менее, у истоков подобного внушения должны стоять вполне сознательные личности, прекрасно отдающие себе отчет в прагматических целях подобных «гипнотических сеансов», а также отлично знающие истинную цену этим идеям. В данном случае мы используем термин «идея» весьма условно, так как совершенно очевидно, что здесь мы сталкиваемся с тем, что не имеет ни малейшего отношения к интеллектуальной области, а значит, строго говоря, не может быть названо «чистой идеей». Это — «ложные идеи» или, другими словами, «псевдоидеи», пред-

назначенные, в первую очередь, для пробуждения у людей «сентиментальных реакций» — именно с их помощью легче всего влиять на толпу. В подобных случаях гораздо важнее сами слова, нежели заключенные в них идеи, и большинство идолов современности — это не что иное, как слова. Часто мы даже сталкиваемся с таким удивительным явлением, как «вербализм», сущность которого состоит в том, что само звучание произносимых слов порождает у невежественных слушателей или читателей иллюзию мысли. В этом отношении особенно показательно влияние, оказываемое на толпу ораторами, и, даже не подвергая феномен «вербализма» специальному анализу, легко понять, что речь здесь идёт о самом простом и классическом гипнозе.

Но оставим разбор этих сторон нашей темы, и вернёмся к следствиям, проистекающим из отрицания всякой подлинной иерархии. Заметим, что в настоящее время случаи, когда человек выполняет свойственные его внутренней природе функции, являются исключительными, тогда как в нормальной ситуации исключительным должно являться прямо противоположное. Более того, сегодня часто один и тот же человек выполняет последовательно совершенно различные функции, как если бы он мог менять свои способности по своему желанию. В эпоху предельной «специализации» это должно было бы выглядеть парадоксальным, но, однако, это факт, особенно часто встречающийся в сфере политики. Несмотря на то, что компетентность так называемых специалистов зачастую является чистой иллюзией или, по меньшей мере, ограничена чрезвычайно узкими рамками, всё же большинство людей искренне верит в эту компетентность. В этом случае следует задать вопрос, почему подобная вера в компетентность специалистов не распространяется на политиков, и почему полное её отсутствие у них практически никогда не служит препятствием для их карьеры? При здравом размышлении в этом, в сущности, не окажется ничего удивительного, так как здесь мы имеем дело с естественным результатом демократической концепции,

согласно которой власть должна приходить снизу и корениться в большинстве, что с необходимостью предполагает отказ от всякой подлинной компетентности, всегда несущей в себе элемент хотя бы незначительного превосходства, естественно превращающего её в достояние меньшинства.

Здесь следует, с одной стороны, вскрыть ряд софизмов, лежащих в основании демократической идеи, а с другой — показать связь этой идеи со всей совокупностью современной ментальности. Едва ли надо специально подчёркивать, что наша собственная точка зрения, лежащая в основе наших суждений и оценок, выше какой бы то ни было партийности и не имеет прямого отношения к актуальным политическим дискуссиям. Мы рассматриваем данные вопросы совершенно объективно, точно так же, как мы рассматривали бы любой другой предмет, стремясь лишь с предельной ясностью обнаружить основания, на которых покоятся те или иные явления. На самом деле для того, чтобы все демократические иллюзии, столь характерные для современных людей, были раз и навсегда рассеяны, необходим именно такой объективный и беспристрастный подход. В случае идеи демократии мы снова имеем дело именно с «внушением», таким же очевидным, как и та его форма, о которой мы говорили несколько выше. Когда то или иное убеждение распознается как результат простого внушения, и когда механизм воздействия этого внушения становится очевидным, само оно тут же теряет свою силу: в подобных вопросах беспристрастное и чисто «объективное» (как это модно говорить сегодня вслед за специфической терминологией некоторых немецких философов) исследование намного более эффективно, нежели сентиментальные декламации и партийные дебаты, которые, будучи лишь выражением тех или иных сугубо индивидуальных и частных мнений, ничего никогда никому не доказывают.

Самые решительные доводы против демократии можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозмож-

но получить большее, а из минуса плюс. Это абсолютная математическая истина, отрицать которую просто бессмысленно. Следует заметить, что точно такой же аргумент применительно к иной области можно выдвинуть против материализма. И в подобном сближении демократии с материализмом нет никакой натяжки, так как они гораздо теснее связаны между собой, чем это кажется на первый взгляд. Кристально ясным и в высшей степени очевидным является утверждение, гласящее, что народ не может доверить кому бы то ни было свою власть, если он сам ею не обладает. Истинная власть приходит всегда сверху, и именно поэтому она может быть легализована только с санкции того, что стоит выше социальной сферы, то есть только с санкции власти духовной. В противном случае мы сталкиваемся лишь с пародией на власть, не имеющей оправдания из-за отсутствия высшего принципа и сеющей повсюду лишь хаос и разрушение. Нарушение истинного иерархического порядка начинается уже тогда, когда чисто временная власть стремится освободиться от власти духовной или даже подчинить её в целях достижения тех или иных сугубо политических целей. Это является первоначальной формой узурпации, которая пролагает путь всем остальным её формам. Истинность данного положения легко продемонстрировать на примере французской монархии, которая, начиная с 14-го века, сама того не ведая, подготовляла Революцию, уничтожившую, в свою очередь, и её саму. В другом месте мы поясним это более подробно, в настоящий же момент ограничимся лишь простым упоминанием этого факта.

Если под словом «демократия» понимать полное самоуправление народа, правление народа над самим собой, в таком случае оно заключает в себе абсолютную невозможность и не может иметь никакого реального смысла ни в наше время, ни когда бы то ни было ещё. Не следует поддаваться гипнозу слов: представление о том, что одни и те же люди одновременно и в равной степени могут быть и управляющими и управляемыми, является чистейшим

противоречием, поскольку, если использовать аристотелевские термины, одно и то же существо в одной и той же ситуации не может пребывать одновременно в состоянии «акта» и «потенции». Соотношение между управляющим и управляемым с необходимостью предполагает наличие именно двух полюсов: управляемые не могут существовать без управляющих, даже если эти последние незаконны и не имеют на власть никаких других оснований, кроме своих собственных претензий. Но вся искусная хитрость тех, кто в действительности контролируют современный мир, состоит в способности убедить народы, что они сами собой правят. И народы верят тем охотнее, что это для них весьма лестно, тем более, что они просто не обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы убедиться в совершенной невозможности такого положения дел как на практике, так и в теории. Для поддержания этой иллюзии было изобретено «всеобщее избирательное право»: предполагается, что закон устанавливается мнением большинства, но при этом почему-то всегда упускается из виду, что это мнение крайне легко направить в определённое русло или вообще изменить. Этому мнению с помощью соответствующей системы внушений можно придать желаемую ориентацию. Мы не помним, кто впервые употребил выражение «фабрикация мнений», но оно удивительно точно характеризует данное положение вещей, хотя к этому следует добавить, что не всегда те, кто внешне контролируют ситуацию в обществе, располагают всеми необходимыми для этого средствами. Последнее замечание помогает понять, почему полная некомпетентность даже самых высоких политических деятелей не имеет всё же решающего значения для состояния дел в обществе. Но поскольку мы не намереваемся здесь разоблачать систему действия того, что называют «механизмом власти», заметим лишь, что сама эта некомпетентность политиков лишь служит укреплению демократической иллюзии, о которой мы говорили выше. Более того, некомпетентность необходима таким политикам, чтобы

подкрепить видимость своей изначальной причастности к большинству, чтобы доказать своё сходство с большинством, которое, будучи поставленным перед необходимостью высказать своё мнение по тому или иному вопросу, обязательно обнаружит свою полнейшую некомпетентность, так как большинство в своей массе с необходимостью состоит из людей некомпетентных, в то время как люди, основывающие своё мнение на действительно глубоком знании предмета, всегда неизбежно окажутся в меньшинстве.

Итак мы показали, что даже допущение возможности большинства самому устанавливать законы, является глубочайшим заблуждением. Даже если это допущение остается только теоретическим и не соответствует никакой реальности, все равно интересно исследовать, каким образом такое мнение смогло укорениться в современном мировоззрении, каким тенденциям оно соответствует и какие потребности (хотя бы по видимости) оно удовлетворяет. Принципиальная несостоятельность данного положения заключается в уже отмеченном нами аспекте: мнение большинства не может быть ничем иным, кроме как выражением некомпетентности, независимо от того, является ли оно результатом недостатка умственных способностей или следствием простого невежества. Здесь можно привести в пример некоторые наблюдения относительно «массовой психологии» и особенно тот широко известный факт, что ментальные реакции, возникающие среди объединенных в толпу индивидуумов, проявляются в форме коллективного психоза, и их интеллектуальное качество соответствует не просто среднему интеллектуальному уровню индивидуумов, собравшихся в толпе, но уровню самых низменных и недалёких среди них. В несколько ином контексте следует заметить также, что некоторые современные философы пытаются ввести демократическую теорию в гносеологию и утверждают, что мнение большинства должно быть решающим и в самой интеллектуальной сфере. При этом «критерий истинности» они усматривают в так называемом «общественном догово-

ре» или «универсальном консенсусе». Даже если предположить, что по какому-то вопросу все люди придут к определённому согласию, это ещё отнюдь не означает, что такое согласие доказывает истинность чего бы то ни было. Более того, если подобное единство взглядов действительно наличествует (хотя это почти невероятно, поскольку, каким бы ни был конкретный вопрос, всегда найдутся люди, у которых вообще нет никакого мнения по этому поводу или которые просто никогда о нём не размышляли), истинность его невозможно проверить на практике, так что подтверждением и признаком его адекватности останется лишь само это согласие большинства, но большинства конкретного, то есть принадлежащего к той или иной группе, с необходимостью ограниченной в пространстве и времени. В этой области отсутствие подлинного интеллектуального обоснования у подобных теорий представляется тем нагляднее, чем активнее задействованы здесь сентименты — ведь именно они играют столь важную роль во всем, что касается политической сферы. Влияние сентиментов, чувств, являются наибольшим препятствием для понимания определённых вещей, которые при иных обстоятельствах без труда могли бы быть адекватно поняты теми, кто обладает для этого достаточными интеллектуальными качествами. Эмоциональные импульсы мешают мысли, и использование этого обстоятельства является обычной хитростью всех политических манипуляций.

Но давайте посмотрим ещё глубже: что составляет сущность закона о большинстве, который проповедуется современными правительствами, и в котором эти правительства видят оправдание своей власти? Это — закон материи и грубой силы, закон тождественный физическому закону, согласно которому масса, увлекаемая своим весом, давит на всё то, что находится у неё на пути. Здесь мы и обнаруживаем точку соприкосновения между демократической концепцией и материализмом, и именно в этом следует искать причины тому, что данная концепция так тесно связана

с современной ментальностью. Благодаря ей полностью переворачивается нормальный порядок вещей, и устанавливается приоритет множественности, который на самом деле существует только в материальном мире[24]. В духовном же мире, и более обобщенно, в универсальном порядке во главе иерархии стоит единство, поскольку именно единство, единица есть изначальный принцип, из которого происходит в дальнейшем всякая множественность[25]. Как только этот принцип единства теряется из виду или отрицается, остается лишь чистая множественность, которая строго тождественна материи. Более того, говоря несколько выше о законе массы и о весе, мы употребили понятие «веса» не только в качестве простого примера для сравнения. Дело в том, что в области физических сил, в самом обычном понимании этого слова, вес означает стремление к падению и тенденцию сжатия, предполагающих все возрастающую ограниченность существа и одновременно постоянно увеличивающуюся множественность, представленную в данном случае увеличивающейся плотностью[26]. Именно эта тенденция определила форму человеческой активности с самого начала современной эпохи. И следует заметить, что благодаря своей способности к одновременному разделению и ограничению материя была названа схоластической философией «принципом индивидуации». Это помогает связать воедино

---

[24] Следует хотя бы вспомнить выражение Святого Фомы Аквинского *numerus stat ex parte materiae*, то есть «количество стоит на стороне материи».

[25] В данном случае, как и во многих других, аналогия между одним и другим уровнем реальности является строго обратной.

[26] Эту тенденцию индусская доктрина называет «тамас» и отождествляет с невежеством и темнотой. Сказанное выше относительно необходимости обратной аналогии применимо и здесь, так как сжатие и конденсация здесь прямо противоположны концентрации чисто духовного и интеллектуального порядка, которая, в свою очередь, как бы парадоксально это ни казалось, в сфере множественности имеет своим коррелятом разделение и дисперсию. То же самое относится к униформности, достигаемой при реализации эгалитарной концепции, то есть к единообразному выравниванию всего по низу, по низшему уровню, что является прямой противоположностью истинного высшего и принципиального единства.

предмет нашего настоящего анализа, и все, сказанное выше относительно индивидуализма: демократическая эгалитарная тенденция тождественна тенденции «индивидуализации», которая в иудео-христианской традиции именуется «грехопадением», нарушившим изначальное единство[27]. Множественность, рассматриваемая отдельно от своего принципа, истока и поэтому не могущая более быть приведённой к единству, в социальной области проявляется в представлении об общности, понимаемой лишь как арифметическая совокупность составляющих её индивидуумов. И на самом деле подобная общность не может являться ничем иным, так как она не связана в этом случае ни с каким принципом, превосходящим индивидуальный уровень. Законом подобной общности может служить лишь закон большинства, закон большого количества, и на этом, собственно, и основана демократическая идея.

Здесь следует заранее предупредить о возможности неадекватного понимания изложенных нами положений: когда мы говорили о современном индивидуализме, мы разбирали почти исключительно его проявления в интеллектуальной сфере, и кое у кого могло поэтому сложиться впечатление, что в социальной сфере дела обстоят несколько иначе. На самом деле, если брать термин «индивидуализм» в его узком понимании, может возникнуть иллюзия, что индивидууму может быть противопоставлена общность, и что прогрессирующее вторжение государства во все сферы жизни, параллельно с разрастанием социальных институтов, является признаком тенденции, направленной против индивидуализма. Однако это не соответствует действительности в том случае, если общность представляет собой простую математическую совокупность индивидуумов, и как таковая

[27] Вот почему Данте поместил Люцифера в точку центра земли, то есть туда, где сходятся воедино все вектора силы тяжести. С этой точки зрения, данный центр является противоположностью духовного, «небесного» центра притяжения, который в большинстве традиционных доктрин символизируется солнцем.

не может быть противопоставлена им. Равно и государство в современном его понимании есть не что иное, как простое представительство масс, не отражающее более никакого высшего принципа. При этом следует напомнить, что сам индивидуализм в нашем определении как раз и является отрицанием всякого высшего и сверхиндивидуального принципа. Поэтому, если и возникают конфликты между различными социальными тенденциями, коренящимися в сугубо современном мировоззрении, они являются конфликтами не между индивидуализмом и чем-то отличным от него, но между различными формами одного и того же индивидуализма, под какой бы личиной он ни выступал. И нетрудно заметить, что подобные конфликты никогда ещё не были столь частыми и серьёзными, как сегодня, благодаря отсутствию всякого принципа, способного объединить множественность, а также и потому, что сам индивидуализм уже изначально предполагает разделение. Это разделение и проистекающий из него хаос являются неизбежными следствиями всецело материальной цивилизации, так как сама материя есть истинный исток всякого разделения и множественности.

И наконец, остается рассмотреть последнее следствие демократической концепции, состоящее в отрицании идеи элиты. Не случайно «демократия» противопоставляется «аристократии», поскольку этимологически слово «аристократия» означает «власть лучших», «власть элиты». Элита в своем изначальном смысле может представлять собой только меньшинство, и её сила, а точнее, её авторитет, основывающиеся на её интеллектуальном превосходстве, не имеет ничего общего с силой количества, на которой основывается демократия, в соответствии со своей собственной логикой настаивающая на принесении меньшинства в жертву большинству, а значит, качества в жертву количеству, и элиты в жертву массам. Поэтому направляющее воздействие подлинной элиты и даже сам простой факт её существования — естественно, она может выполнять свои функ-

ции, при условии, что она действительно существует — в принципе не совместимы с демократией, основывающейся на эгалитарных концепциях, а значит, на отрицании всякой иерархии (ведь в самом своем основании демократическая идея исходит из предположения, что любого индивидуума вполне можно заменить другим индивидуумом, так как все они математически тождественны, хотя на этом математическом тождестве все сходство и заканчивается). Подлинная элита может быть только интеллектуальной элитой. Поэтому и современная демократия может возникнуть только там, где подлинной интеллектуальности более не существует, что и имеет место в случае современного мира. Однако никакого равенства на деле не существует, и, несмотря на все попытки свести всех к единому уровню, различия между людьми никогда до конца не исчезают. Это заставляет (вопреки самой логики демократии) изобретать различные ложные или псевдоиерархии, высшие уровни которых зачастую претендуют на то, чтобы считаться единственной подлинной элитой. И эти ложные иерархии строятся всегда на относительных и условных основаниях чисто материального характера. В качестве единственного социального различия современные общества признают лишь различие в материальном положении, то есть параметр чисто материальный и количественный, и это является единственной формой неравенства, допускаемой демократическими режимами, материальными и количественными в самой своей основе. И даже те, кто выступают против такого положения дел, неспособны предложить никакого действенного средства для исправления существующей аномалии, из-за отсутствия обращения к принципам высшего порядка подчас даже усугубляя в негативном ключе актуальную ситуацию. И здесь борьба разворачивается между различными аспектами демократии, в большей или меньшей степени акцентирующими эгалитарную тенденцию, точно так же, как в другом случае речь шла о борьбе между различными ас-

пектами индивидуализма. Фактически демократизм и индивидуализм в конце концов совпадают.

Все эти соображения позволяют ясно понять сущность социальной ситуации в современном мире, и вместе с тем показывают единственно возможный выход из хаоса в социальной сфере, равно как и во всех остальных: этим выходом является восстановление подлинной интеллектуальности, которая должна привести к очередному формированию новой истинной элиты. В настоящее время такой элиты на Западе не существует, так как этот термин нельзя применять к тем разрозненным и изолированным друг от друга элементам, которые несут в себе лишь потенции истинно духовного порядка. Эти элементы чаще всего представляют собой лишь тенденции, стремление к восстановлению нормы, и уже одно это заставляет их противодействовать современному миру. Но будучи только потенциями, они не могут влиять на положение дел хоть сколько-нибудь эффективно и серьёзно. Всем им недостаёт истинного знания доктрин традиции, которые невозможно воссоздать путём простой импровизации, исходя только из чистой автономной интеллектуальной логики, способной, особенно в актуальных крайне неблагоприятных для этого обстоятельствах, возместить недостаток знания весьма фрагментарно и неполно. В конечном итоге, мы имеем дело лишь с разрозненными усилиями, которые часто оказываются дезориентированными из-за недостатка знаний принципов и отсутствия руководства, в нормальном случае осуществляющегося посредством традиционных доктрин. Можно было бы утверждать, что свойственная современному миру дисперсия, разрозненность, распространяющаяся даже на его заклятых врагов, есть способ самосохранения этого мира. Это положение дел неизбежно сохранится до тех пор, пока противодействие современному миру протекает лишь в сугубо «профанической» сфере, которая, будучи естественной и единственно приемлемой для луха современности территорией, всегда предоставляет этому духу исключительные преимущества.

И сам тот факт, что враги современного мира всё же предпочитают оставаться в рамках именно этой области, свидетельствует, что влияние самого этого мира затрагивает и их самих. Вот почему, многие люди, чьи благие намерения не подлежат никакому сомнению, неспособны понять, что начинать надо только с первопринципов, и они продолжают растрачивать свою энергию в той или иной относительной, частной сфере (социальной или какой-то иной), где по определению в актуальных условиях невозможно добиться ничего подлинного или долговечного. У истинной элиты, если бы таковая существовала, не было бы необходимости прямо вмешиваться в подобные частные сферы или участвовать в каких-либо внешних действиях. Она управляла бы ходом вещей так, что большинство людей просто не знало бы об этом, и она была бы тем более эффективной, чем более невидимой. Достаточно вспомнить все, сказанное выше о силе внушения, которая для того, чтобы быть эффективной, отнюдь не требует никакой истинной интеллектуальности. И этот пример поможет нам представить, какой могущественной должна быть сила влияния истинной интеллектуальной элиты, действующей ещё более невидимо и тайно в гармонии со своей внутренней природой, укорененной в чистой интеллектуальности и чистой духовности. И вместо того, чтобы ослаблять эту интеллектуальную силу противостоящей современному миру элиты, разделяя её под влиянием законов множественности и вовлекая её в сферу иллюзий и лжи, следовало бы, напротив, позволить ей сконцентрироваться на единстве принципа, и тогда она рано или поздно должна была бы отождествиться с силой самой истины.

Глава VII. Материальная цивилизация

Из всего вышесказанного ясно видно, что упреки людей Востока по отношению к западной цивилизации как к цивилизации исключительно материальной совершенно обоснованы. Эта цивилизация развивалась только в материальном смысле, и с какой бы точки зрения мы её ни рассматривали, мы всегда имеем дело с прямыми результатами такой материализации и сугубо материального развития. Однако ко всему предыдущему следует добавить ещё кое-что: во-первых, мы должны разъяснить различное содержание, которое может быть вложено в слово материализм, поскольку если мы определим современный мир как материалистический, обязательно найдутся люди, которые, считая себя сугубо современными, но при этом отнюдь не материалистами, обязательно воспротивятся такому отождествлению и посчитают его оскорбительным. Поэтому мы должны дать некоторые объяснения по этому поводу, чтобы устранить все возможные недоразумения и двусмысленности.

Показательно, что само слово материализм появилось не ранее 18-го века; этот термин изобрел философ Беркли для характеристики теорий, признающих реальное существование материи. Очевидно, что нас здесь интересует отнюдь не это значение термина, так как самого вопроса о существовании материи мы сейчас не затрагиваем. Несколько позднее слово материализм приобрело более узкий смысл, который оно сохранило вплоть до настоящего времени: материализм стал обозначать концепцию, согласно которой кроме материи и её производных вообще ничего не существует. Следует заметить, что такая концепция является совершенно новой и представляет собой продукт сугубо современных воззрений, будучи даже одной из самых существенных состав-

ляющих современного мировоззрения в целом[28]. Мы же в настоящий момент будем говорить о материализме в ином, намного более широком, но при этом достаточно определённом смысле.

В этом смысле материализм, совершенно независимо ни от каких отдельных философских теорий и помимо вышеупомянутого собственно философского материализма, тождественен некоему общему и изначальному мировоззрению, породившему ещё множество других концепций и теоретических построений. Это мировоззрение состоит в более или менее сознательной постановке материальных вещей и связанных с ними проблем на первый план, независимо от того, осуществляется ли это на умозрительном или на чисто практическом уровне. Вряд ли кто-то станет всерьёз возражать, что именно такова ментальность подавляющего большинства современных людей.

Вся профаническая наука, развившаяся за последние столетия, основана исключительно на изучении чувственного мира, ограничена только его пределами, и используемые ею методы применимы лишь к одной этой сфере. Но только такие методы, в противоположность всем остальным, и признаются научными, что отрицает саму возможность существования науки, не занимающейся материальными вещами. Однако найдутся многие, кто, разделяя эту точку зрения и даже посвящая себя целиком этим наукам, всё же отказываются считать себя материалистами или признавать философскую теорию, известную под именем материализма. Есть среди них и такие, кто открыто исповедуют религию, и в чьей искренности нет оснований сомневаться. Но в то же время научные установки подобных людей ни в чём не отличаются от позиций завзятых материалистов. Часто подни-

[28] До 18-го века существовали механицистские теории, начиная с греческого атомизма и кончая картезианской физикой. Но механицизм нельзя смешивать с материализмом, несмотря на наличие между ними действительного сходства, которое впоследствии и породило некоторую преемственность одного по отношению к другому.

мают вопрос о том, следует ли с чисто религиозной точки зрения вообще отрицать современную науку как атеистическую и материалистическую. Однако, как правило, проблема ставится неадекватно. Очевидно, что сама эта наука не декларирует открыто свой атеизм или материализм. Просто в силу своей предвзятости она проходит мимо определённых вещей, не отрицая заведомо их существования, как это делают те или иные философы. В контексте современной науки, таким образом, можно говорить о материализме *de facto*, о своего рода практическом материализме. Но от этого зло становится ещё более серьёзным, так как оно проникает и шире и глубже. Философская установка может быть подчас весьма поверхностной, даже если речь идёт о профессиональных философах. А кроме того, многие люди с недоверием воспримут формальное отрицание определённых вещей, тогда как полное безразличие по отношению к ним не вызывает, как правило, никаких подозрений. И это как раз и является самым опасным, так как, чтобы отрицать нечто, необходимо хотя бы в самой незначительной степени об этом задуматься, тогда как позиция полного безразличия вообще избавляет людей от этой необходимости. Если исключительно материальная наука выдает себя за единственно возможную; если люди приучились считать неоспоримой истиной, что вне этой науки не может существовать никакого полноценного знания; и если образование, получаемое этими людьми, буквально пропитывает их предубеждениями и предрассудками, свойственными этой науке, а точнее, сциентизму, — как могут эти люди не стать материалистами, или, иными словами, как могут они ориентировать свои интересы и усилия в направлении, отличном от материи и материального мира?

Для современных людей за пределом видимого или ощутимого вообще ничего не существует. Даже если они теоретически допускают, что может существовать нечто ещё, они тут же объявляют это нечто не только непознанным, но и непознаваемым, что избавляет их от необходимости об этом

задумываться. Конечно, существуют и те, кто пытаются выработать некоторые идеи относительно потустороннего мира, но они полагаются в таких случаях исключительно на своё собственное воображение, представляя потусторонний мир как копию мира земного, наделяя его теми же условиями бытия, что и земной мир — пространством, временем и даже некоторой телесностью. В другом месте, говоря о спиритических доктринах, мы приводили шокирующие примеры подобных грубо материалистических представлений. Даже если подобные экстравагантные крайности являются предельным случаем, где все преувеличено до карикатурных пропорций, было бы неверно приписывать этот феномен в целом лишь спиритам или более или менее с ними связанным сектам. В целом, вторжение воображения в области, в нормальном случае закрытые для этого человеческого качества, в сферы, где оно неуместно и непригодно, вообще наглядно свидетельствует о неспособности людей Запада подняться над сферой чувств. Многие даже не видят разницы между постижением и представлением (воображением), и некоторые философы, в частности Кант, зашли настолько далеко, что объявили непостижимым и немыслимым всё то, что не поддается представлению и что невозможно вообразить. Итак, все обычно именуемое спиритуализмом или идеализмом, является не более, чем перенесением материализма на нематериальные уровни, простой транспозицией материализма. Это справедливо не только в отношении того, что мы назвали термином неоспиритуализм, но и в отношении самого философского спиритуализма, хотя сам он и определяет себя как противоположность материализму. На самом деле, материализм и спиритуализм в философском смысле этих слов немыслимы друг без друга, поскольку они суть две половины картезианского дуализма, ставшие вслед за их первоначальным разделением противоположностями. И с тех пор вся философия ограничена этими двумя пределами, не будучи в состоянии выйти за них. Несмотря на этимологию, спиритуализм не имеет ничего об-

щего с духовностью[A], и его борьба против материализма вообще не может ни в малейшей степени заинтересовать тех, кто стоит на более высокой интеллектуальной позиции, и кто прекрасно видит, что две эти противоположности в сущности почти совпадают, и в большинстве случаев противоречия между ними сводятся, в конечном итоге, лишь к вербальным и терминологическим расхождениям.

Современный человек в целом не может себе представить никакой иной науки, кроме науки, занимающейся вещами, которые можно измерить, посчитать или взвесить, или, иными словами, материальными вещами, так как только к таким вещам вполне применим чисто количественный подход. Стремление свести качество к количеству является типичным для современной науки. Эта тенденция дошла до того, что появилось положение, гласящее, что наука в подлинном смысле слова существует только в том, что можно измерить, и никаких подлинно научных законов, кроме законов, выражающих количественные соотношения, просто не может быть. Эта тенденция возникла вместе с механицизмом Декарта и становилась с тех пор все более и более ярко выраженной, несмотря даже на отвержение картезианской физики, так как она была связана не с какой-либо частной теорией, но с общим представлением о научном знании. Сегодня принцип измерения пытаются применить даже к области психологии, по самой своей природе заведомо исключающей подобный метод. На настоящем этапе никто более не способен понять, что возможности измерения проистекают из основополагающего качества, присущего самой материи, то есть из её неопределенно большой делимости. И утверждение, что это качество присуще вообще всему существующему, равнозначно сведению всего до уровня материи. Как мы говорили ранее, именно материя является принципом разделения и всякой множественности. Поэтому предпочтение, отдаваемое количественному подходу

[A] Спиритуализм от латинского слова *spiritus*, дословно дух — прим. пер.

и обнаруживаемое, как мы показали выше, даже в сфере социальной, тождественно настоящему материализму в том смысле, в каком мы его определили. И такой подход не обязательно связан с философским материализмом, так как на самом деле в развитии тенденций, составляющих сугубо современное мировоззрение, сам материализм появился несколько позднее материалистических тенденций. Мы не станем останавливаться на изначальной ошибочности стремления свести качество к количеству или на неправомочности всех объяснений более или менее механицистского типа. Это не входит здесь в наши задачи, но заметим лишь по этому поводу, что даже в сфере чувственного материального мира, наука, практикующая подобный подход, имеет самое отдалённое отношение к действительности, и большая часть реальности с необходимостью остается вне сферы её компетенции.

Упоминание термина реальность обращает наше внимание на иной факт, который многими остается не замеченным, но который при этом является чрезвычайно выразительным признаком всей совокупности разбираемых нами воззрений: люди обычно употребляют слово реальность исключительно для описания реальности чувственного уровня. Так как любой язык отражает особый тип мышления, свойственного тому или иному народу или временному периоду, из этого следует заключить, что для подобных людей все, что не может быть воспринято с помощью чувств, является нереальным, то есть иллюзорным или даже вообще несуществующим. Возможно, не все до конца осознают это, но тем не менее, именно таковым является их внутреннее убеждение. Даже если некоторые внешне и отрицают это, подобное отрицание проистекает из более поверхностных структур их ментальности, хотя они об этом и не подозревают, а иногда подобное отрицание вообще остается чисто вербальным. Если кое-кто подумает, что мы преувеличиваем, ему следует лишь повнимательней приглядеться к тому, что представляют из себя религиозные убеждения многих

современных людей: несколько идей, заученных наизусть чисто механическим, школьным образом, без какого бы то ни было подлинного усвоения, о которых никогда серьёзно никто не задумывался, но которые хранятся в памяти и повторяются от случая к случаю как дань условностям или формальной позиции — вот и все, что понимается сегодня под религией. Мы уже говорили о минимализации религии, и подобный вербализм представляет собой одну из её последних стадий. Это объясняет, в частности, почему так называемые верующие заходят столь же далеко в практическом материализме, как и неверующие. Мы ещё вернёмся к этой теме, но пока следует ещё раз подчеркнуть материалистический характер современной науки, так как эту проблему необходимо рассматривать под различными углами зрения.

Следует снова вернуться к уже упомянутому нами тезису: современные науки не являются сферой чистого знания, и их умозрительный характер, даже для тех, кто искренне в них верит, не более, чем маска, скрывающая чисто практические интересы. Но именно эта маска порождает иллюзию псевдоинтеллектуальности. Сам Декарт, разрабатывая свою физику, был изначально заинтересован в выведении из неё системы механики, медицины и морали. Но ещё большие изменения произошли с распространением англо-саксонского эмпиризма. Более того, именно извлекаемые из науки практические результаты делают её столь престижной в глазах широкой публики, поскольку здесь снова вещи можно увидеть и потрогать. Мы указали, что прагматизм представляет собой логическое завершение современной философии и последнюю стадию её упадка. Но несистематизированный прагматизм был распространен уже задолго до появления прагматической философии, и такой прагматизм находится в том же отношении к этой философии, как практический материализм к материализму теоретическому. Именно этот прагматизм и называют обычно здравым смыслом. Более того, инстинктивный утилитаризм также почти неразделим

с материалистической тенденцией, так как здравый смысл заключается в ограничении сферы интересов интересами чисто житейскими, а также в игнорировании всего, что не имеет непосредственной практической пользы. Именно здравый смысл рассматривает чувственный мир как единственно реальный и признает лишь знание, полученное с помощью органов чувств. Кроме того, он наделяет ценностью эту узкую сферу знаний только в той степени, в которой она даёт возможность удовлетворить либо материальные потребности, либо определённые сентиментальные склонности, так как сентименты — мы должны откровенно признать это, рискуя шокировать современных моралистов на самом деле расположены очень близко к уровню материи. Во всём этом собственно интеллекту вообще не остается места, или в лучшем случае, ему отводится служебная роль при достижении практических целей, и он становится не более чем инструментом, подчинённым потребностям низшего и телесного уровня человеческой индивидуальности, прибором для производства приборов, как довольно точно выразился Бергсон. Прагматизм во всех своих формах порождает абсолютное безразличие к истине.

В таких условиях промышленность перестаёт быть только приложением науки, от которого наука сама по себе была бы независима, но превращается в смысл существования и в оправдание самой науки, так что нормальные соотношения между вещами совершенно переворачиваются. Современный мир изо всех сил стремится, даже тогда, когда он декларирует, что следует за наукой, к единственной цели — к развитию промышленности и механизации. И таким образом, стремясь подчинить себе материю и поставить её себе на службу, люди в конечном итоге, как мы отметили в самом начале, лишь становятся её рабами. Они не только ограничили свои интеллектуальные претензии — если о существовании таких претензий сегодня вообще можно говорить изобретением и конструированием механизмов. Они кончили тем, что сами превратились в механизмы. Не толь-

ко ученые, но и техники, и даже рабочие проходят специализацию, столь восхваляемую сегодня некоторыми социологами под видом разделения труда. И это окончательно лишило рабочих возможности разумного труда. В противоположность артизанам и артельщикам прошлых времен они превратились в простых рабов механизмов, с которыми они составляют единый блок. Чисто механическим образом они вынуждены постоянно повторять определённые движения, всегда одни и те же и выполняющиеся в одинаковой последовательности, чтобы избежать малейшей потери времени. По крайней мере, именно этого требуют американские методы, которые рассматриваются как самая передовая стадия технического прогресса. Цель всего этого производить как можно больше. Качество мало что значит, важно лишь количество. И это снова отсылает нас к замечанию, сделанному нами по другому поводу: современная цивилизация может быть названа количественной цивилизацией, а это лишь иная форма выражения для определения её как цивилизации материальной.

Все те, кто хотят других подтверждений этой истины, должны обратить внимание на то, какое гигантское значение имеют сегодня экономические факторы в жизни народов и отдельных людей. Промышленность, коммерция, финансы — это, кажется, единственное, что сегодня принимается в расчёт. И это вполне логично согласуется с тем уже упомянутым фактом, что единственным сохранившимся до сего времени социальным различием является различие в материальном благосостоянии. Политика полностью контролируется финансами, и торговая конкуренция оказывает решающее влияние на отношения между народами. Возможно, однако, что такая картина соответствует только внешней стороне вещей и что на самом деле эти факторы суть скорее поводы к действию, чем его настоящие причины, но тем не менее, уже сам выбор таких поводов ярко показывает специфику того периода, в котором они используются. Более того, современные люди убеждены, что сегодня

только экономические условия предопределяют исторические события, и они даже воображают себе, что так было всегда. Была изобретена особая теория, которая все объясняет исключительно экономическими факторами, и которая носит чрезвычайно показательное название — исторический материализм. Здесь также можно различить эффекты внушения, о котором мы упоминали выше, и сила этого внушения тем больше, чем точнее оно соответствует тенденциям общей ментальности. И в результате подобного внушения экономические факторы действительно начинают становится решающими в отношении всего происходящего в социальной сфере. Конечно, массы всегда были тем или иным образом ведомы, и можно сказать, что их роль в истории и заключалась в том, чтобы позволять себя вести, поскольку они представляют собой пассивный элемент, материю в аристотелевском смысле этого слова. Но чтобы вести их сегодня, достаточно обладать чисто материальными (на сей раз в обыденном смысле слова) средствами, и это ясно показывает, до каких глубин падения дошла наша эпоха. И в то же время массам внушается, что они отнюдь не ведомы, что они действуют спонтанно и управляют собой самостоятельно, и тот факт, что они верят этому, убедительно доказывает, что свойственная массам глупость является воистину беспредельной.

Раз уж мы заговорили об экономических факторах, воспользуемся случаем, чтобы рассеять иллюзию относительного того, что установление коммерческих связей якобы способствует сближению народов и устанавливает между ними взаимопонимание. На самом же деле это приводит как раз к обратному результату. Материя, как мы уже неоднократно указывали, есть по существу множественность и разделение, делимость, и поэтому она является причиной борьбы и конфликтов. И в случае народов, и в случае отдельных личностей экономическая сфера есть сфера конкуренции интересов. Так, в частности, Запад не может рассчитывать ни на промышленность, ни на неотделимую от неё нау-

ку в качестве основы для взаимопонимания с Востоком. Если люди Востока вынуждены принять промышленность как неприятную и временную неизбежность и для них она в принципе не может быть чем-то иным, они используют её лишь как оружие, позволяющее противостоять экспансии Запада и оберегать своё собственное существование. Следует чётко усвоить, что это и должно быть именно так: люди Востока, признающие необходимость экономической конкуренции с Западом, несмотря на все отвращение, которое они к этому испытывают, идут на это с единственной целью спастись от иноземного господства, основанного на грубой силе и на материальных возможностях, открывающихся благодаря промышленности. Насилие призывает насилие, но следует признать, что к сражению на этом поприще первыми стремились отнюдь не люди Востока.

Более того, вне всякой связи с отношениями между Востоком и Западом, легко заметить, что среди результатов индустриального развития наиболее показательными являются сегодня достижения в сфере производства военной техники, которая постоянно совершенствуется, увеличивая свои разрушительные возможности до тревожных пропорций. Уже одного этого достаточно, чтобы развеять пацифистские мечты некоторых фанатиков прогресса. Но мечтатели и идеалисты неисправимы, и их доверчивость, кажется, не знает границ. Столь популярный сегодня гуманитаризм вообще не следует принимать всерьёз. Но всё же странно, что люди так много говорят о прекращении вообще всех войн, об установлении вечного мира, в то время как приносимые сегодня войной разрушения несопоставимы ни с какими предыдущими эпохами, и не только потому, что умножились орудия уничтожения, но и потому, что, в отличие от прошлых войн, в которых участвовали сравнительно небольшие армии, состоящие из профессиональных солдат, сегодня все люди враждующих стран набрасываются друг на друга сообща, включая и тех, кто менее всего предрасположен к подобной деятельности. И здесь снова перед нами ярчайший пример

современного смешения. Особенно зловещим для тех, кто даст себе труд задуматься об этом, должно представляться то, что восстание масс или всеобщая мобилизация становится постепенно совершенно нормальным явлением, и почти все за редким исключением спокойно принимают идею вооруженной нации. И в этом также проявляется эффект веры в силу числа самого по себе: приведение в движение масс или гигантского числа воюющих вполне соответствует количественному характеру современной цивилизации. И здесь снова, равно как в системе обязательного образования или «всеобщего избирательного права», проявляется характерный эгалитаризм. Добавим, что эти тотальные войны стали возможными благодаря другому специфически современному феномену — формированию наций, произошедшему как следствие разрушения феодальной системы и разложения высшего единства средневекового Христианства. Не имея возможности развить здесь эту тему полнее, так как это завело бы нас слишком далеко, укажем лишь, что вещи усугубляются ещё и за счёт непризнания никакой духовной власти, которая в нормальных условиях смогла бы выступить как подлинный арбитр, в силу своей собственной природы находясь выше всех конфликтов чисто политического уровня. Отрицание духовной власти также является практическим материализмом. Даже те народы, которые теоретически признают эту духовную власть, на практике отказывают ей в каком-либо действенном влиянии или вмешательстве в социальную сферу, подобно тому, как религия выносится за пределы каждодневного существования простых верующих: и в общественной, и в личной жизни преобладает одно и то же мировоззрение.

Даже если допустить, что материальное развитие имеет на самом деле некоторые преимущества, хотя и весьма относительные, рассмотрение его последствий, которые мы упоминали выше, с необходимостью ведёт к закономерному сомнению: не перевешивают ли негативные результаты такого развития его позитивных результатов? Мы уже не гово-

рим о множестве несравнимо более ценных вещей, принесенных в жертву чисто материальной форме развития; о забытом в угоду материализму высшем знании, о заброшенной интеллектуальности и об исчезнувшей духовности. Мы утверждаем, что даже при оценке современной цивилизации в её собственных терминах, сравнение её преимуществ с её недостатками, скорее всего, покажет, что преобладающими являются именно недостатки. Новые изобретения, число которых с каждым днем возрастает, становятся все более и более опасными благодаря тому, что они апеллируют к таким силам, чья истинная природа остается совершенно неизвестной для использующих их людей. И подобное невежество лишний раз доказывает неспособность современной науки объяснить что бы то ни было и её несостоятельность как сферы истинного знания, даже в такой узкой области, как физика. Тот факт, что такое невежество отнюдь не препятствует практическим приложениям науки, свидетельствует лишь о том, что, в действительности, она ориентирована исключительно на практические цели, и что промышленность и её проблемы являются единственной подлинной заботой всех её поисков. Опасность, заключенная в подобных изобретениях, даже в том случае, если они не имеют прямого отношения к орудиям массового уничтожения (что не мешает им быть причиной множества катастроф, не говоря уже о нарушении экологического баланса окружающей среды), несомненно, будет все более и более возрастать до тех пределов, которые довольно трудно предвидеть. И более чем вероятно, что именно благодаря этим тревожным изобретениям современный мир сам породит причину собственной гибели, если движение в этом направлении не будет остановлено в ближайшее время, пока это ещё возможно.

Однако при оценке современных изобретений не достаточно только сдержанности, основанной на понимании заключенной в них опасности. Здесь есть и другая сторона дела. Часто можно слышать славословия тем благодеяниям, которые несёт с собой так называемый прогресс, и можно

было бы согласиться с самим этим термином прогресс, если уточнить, что речь идёт исключительно о материальном прогрессе. Но не являются ли эти благодеяния, которыми так гордятся сегодня, чисто иллюзорными? Современные люди настаивают, что с помощью прогресса они значительно повысили своё благосостояние. С нашей точки зрения, даже если они действительно добились в чём-то своей цели, вряд ли затраченные усилия могут быть оправданы полученными результатами. И более того, достигнуты ли эти цели, это ещё вопрос. Во-первых, следует учесть, что не все люди имеют одинаковые вкусы и одинаковые потребности, и кое-кто, быть может, с радостью избежал бы современной спешки и страсти к большим скоростям, хотя это более не представляется возможным. Разве можно считать благодеянием по отношению к подобным людям то, что их заставляют участвовать в чём-то совершенно противоположном их собственной природе? Могут в ответ на это возразить, что сегодня таких людей немного, и к ним поэтому можно относиться как к ничтожному меньшинству. И в этом случае, равно как и в области современной политики, большинство узурпирует полномочия на подавления меньшинства, которое в его глазах просто не имеет права на существование, так как такое существование идёт вразрез с эгалитарной манией униформности. Но если принять во внимание все человечество, а не только один западный мир, то вопрос станет совершенно иначе: то, что было большинством станет меньшинством. Поэтому здесь используют иной аргумент, и несмотря на всю противоречивость данного утверждения поборники равенства во имя превосходства своей позиции стремятся навязать свою цивилизацию всему остальному миру, привнося тем самым смуту в народы, которые сами их никогда об этом не просили. И так как всё это превосходство сводится к превосходству чисто материальному, для его утверждения используются самые грубые и материальные средства. Более того, надо прояснить этот вопрос до конца: если широкая публика действительно искренне верит

в предлог о необходимости распространения цивилизации, для многих это лишь форма морализаторского лицемерия, прикрывающего чисто экономические интересы и амбиции. Насколько странно выглядит эпоха, в которую людей можно заставить верить, что счастье можно получить ценой своего полного подчинения посторонней силе, ценой разграбления всех их богатств, то есть всех ценностей их собственной цивилизации, ценой насильного насаждения манер и институтов, предназначенных для совершенно иных народов и рас, ценой принуждения к отвратительной работе ради приобретения вещей, не имеющих в их среде обитания никакого разумного применения! Но именно это и происходит сегодня: современный Запад не выносит людей, которые заведомо согласны были бы меньше работать и скромнее жить, и поскольку во всем в расчёт принимается только количество, а все, что не воспринимается органами чувств считается, просто несуществующим, то всякий человек, не пребывающий в состоянии ажитации и не производящий материальных предметов, с неизбежностью квалифицируется как лентяй или бездельник. В подтверждение этого (не говоря уже о расхожих мнениях относительно людей Востока) достаточно упомянуть об оценке, бытующей даже среди людей, считающих себя религиозными, относительно чисто умозрительных монашеских орденов. В современном мире нет больше места ни для интеллекта, ни для каких бы то ни было вещей внутренней природы уже потому, что их нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни взвесить, ни сосчитать. Всех занимают только чисто внешние действия во всевозможных формах, даже те из них, которые начисто лишены всякого смысла. Поэтому не следует удивляться тому, что англо-саксонская мания спорта с каждым днем распространяется все шире и шире: идеал современного мира — это человеческое животное, развившее свою мускульную силу до последних пределов. Его герои атлеты, даже если они грубы и бессмысленны. Именно такие персонажи вызывают всеобщий энтузиазм, и их достижения возбуждают страстный интерес тол-

пы. Мир, в котором процветают подобные вещи, действительно безмерно пал и предельно близок к своему концу.

Однако посмотрим на вещи с позиции тех, чей идеал действительно состоит в материальном благосостоянии, и кто поэтому на самом деле восхищается всеми изменениями, привнесенными в жизнь современным прогрессом. Но не обманываются ли и они? Разве в действительности использование средств быстрого сообщения и других подобных вещей, а также более суетливая и усложнённая современная жизнь делают сегодняшних людей более счастливыми, чем их предки? Напротив, справедливо скорее обратное: отсутствие сбалансированности и уравновешенности не может быть условием подлинного счастья. Кроме того, чем больше у человека потребностей, тем больше шансов, что ему чего-то будет не доставать, и поэтому он будет несчастлив. Современная цивилизация стремится искусственно создавать все новые и новые потребности, и как мы уже сказали, этих потребностей всегда будет больше, нежели она сможет удовлетворить, и раз ступив на этот путь, будет крайне сложно остановиться, а кроме того, для подобной остановки нет никаких весомых причин. Раньше для людей не составляло никакого труда обходиться без вещей, о существовании которых они и не подозревали, и к которым никогда и не стремились. Сегодня, напротив, им тягостно выносить отсутствие определённых вещей, так как они привыкли считать их необходимыми, и в конечном итоге, они действительно стали для них необходимы. Поэтому люди всеми возможными путями стремятся приобрести средства для удовлетворения своих материальных нужд, которые одни только и остались у современного человека. Все заинтересованы лишь в том, чтобы делать деньги, поскольку лишь деньги позволяют им приобрести все эти вещи, и чем больше этих вещей находится в их распоряжении, тем больше они хотят приобрести ещё, продолжая постоянно обнаруживать все новые и новые потребности. И эта страсть становится единственной целью в жизни. С некоторых пор жестокая конкуренция

в концепциях некоторых эволюционистов была возведена в статус научного закона под именем борьбы за существование, чьим логическим следствием стало утверждение, что только сильнейший, причём сильнейший в узко материальном смысле этого слова, имеет право на существование. Тогда же появилась зависть и даже бешеная ненависть к тем, кто имеет больше, со стороны тех, кто имеет меньше. И как могут люди, которым постоянно внушаются теории равенства, не восстать, видя вокруг полное неравенство во всем, что касается материальной стороны вещей, то есть именно той, которая затрагивает их более всего? И если современная цивилизация однажды будет уничтожена беспорядочными и безмерными аппетитами, пробужденными ею же самой в массах, надо быть слепым, чтобы не увидеть в этом справедливого воздаяния за её же собственные грехи, или иными, не имеющими отношения к морали, словами, за последствия её собственных действий в сфере развертывания этих действий. Евангелие гласит: Все те, кто возьмут меч, от него и погибнут. Те, кто пробуждают грубые силы материи, сами погибнут, раздавленные теми же силами, над которыми они хотели господствовать. Раз приведя их в движение, глупо затем надеяться, что контроль над ними будет продолжаться вечно. Неважно, будут ли это силы природы или сила людской толпы, или и то и другое одновременно. В любом случае это будут силы материи, впущенные в мир, и они неизбежно уничтожат того, кто хотел управлять ими, не умея при этом встать надо всем материальным уровнем. Евангелие также гласит: Если царство разделится в себе самом, оно не устоит. И это целиком и полностью относится к современной цивилизации, которая в силу своей собственной природы не может не сеять повсюду беды, конфликты и разделения. Из всего этого, даже не прибегая к другим доводам, можно со всей уверенностью сделать логический вывод, что этот мир, если в нём не произойдет радикального изменения, радикального вмешательства, которое перевернет естественный сегодня ход вещей, должен неизбежно

прийти к трагическому концу, причём это должно случится в самом ближайшем времени.

Так как мы настаиваем на том, что современная цивилизация является исключительно материалистической и материальной, наверняка, многие обвинят нас в том, что мы упускаем из виду некоторые элементы, которые в определённом смысле смягчают этот материализм. На самом деле, если таких элементов вообще не было бы, то, возможно, эта цивилизация в настоящее время уже прекратила бы своё жалкое существование и погибла бы. Поэтому мы никоим образом не оспариваем наличие подобных элементов, но, с другой стороны, и по этому поводу не следует строить себе никаких иллюзий: во-первых потому, что различные философские течения, именующие себя спиритуализмом и идеализмом, а равно такие современные тенденции, как морализм и сентиментализм, не принадлежат к числу этих подлинно нематериалистических элементов. Мы уже объясняли причины этого и напомним лишь, что для нас эти течения являются не менее профаническими, нежели сам теоретический или практический материализм, и вовсе не так уж и далеки от него, как это может показаться. Во-вторых, если остатки истинной духовности действительно сохранились, то лишь вопреки всей стихии современности и в полном противоречии с ней. Эти остатки духовности, если говорить лишь о собственно западной традиции, можно найти только в религии. Но мы уже отмечали, насколько сужена сегодня сфера религии, насколько скудное и посредственное представление о ней бытует среди самих верующих, и до какой степени она лишена подлинной интеллектуальности, тождественной истинной духовности. В таких условиях, если религия и содержит в себе ещё некоторые возможности, то лишь в латентном, потенциальном состоянии, и её реальное влияние чрезвычайно ограничено. Тем не менее поразительно видеть, с какой жизненной силой держится религиозная традиция, даже сузившись до виртуального, потенциального состояния, несмотря на все многовековые

попытки уничтожить и вытеснить её окончательно. Те, кто ещё способен мыслить, не могут не заметить в этом сопротивлении знаки нечеловеческой силы. Но мы должны повторить ещё раз, что эта традиция не принадлежит современному миру, не является одним из его компонентов, и, напротив, совершенно противоположна всем его тенденциям и целям. На этом следует настаивать, вместо того, чтобы тщетно пытаться примирить эти две непримиримые вещи: между религиозным сознанием в подлинном смысле этого слова и сознанием сугубо современным не может быть ничего, кроме радикального противостояния, и любой компромисс между ними только ослабит первое и усилит второе. В случае такого компромисса враждебность современного сознания по отношению к сознанию религиозному ни в коем случае не будет усмирена окончательно, так как его конечная цель и смысл существования состоит в уничтожении всего, что представляет в человечестве отблески реальности, далеко превосходящей собственно человеческий уровень.

Иногда современный Запад называют христианским, но это совершенно неверно. Современное сознание является глубоко антихристианским, поскольку оно сущностно антирелигиозно. А антирелигиозно оно по той причине, что оно антитрадиционно в самом широком смысле этого слова. И именно это качество является его отличительной чертой, делает из него то, что оно есть. Без сомнения, кое-что от Христианства всё же осталось и в современной антихристианской цивилизации, так что даже самые передовые, по их собственному определению, её представители подвержены, хотя подчас невольно и бессознательно, определённому, порой косвенному христианскому влиянию: каким бы решительным ни был порыв с прошлым, он никогда не может уничтожить вообще всякую связь с ним. Более того, мы утверждаем, что всё, имеющее хотя бы малейшую ценность в современном мире, пришло в него именно из Христианства, или, по меньшей мере, через посредство Христианства,

так как Христианство принесло с собой все наследие предыдущих традиций, оживляло это наследие, пока это было возможно, и до сих пор содержит в латентном состоянии многие подобные возможности. Но разве кто-нибудь сегодня, даже среди тех, кто называют себя христианами, имеет подлинное знание об этих возможностях? Где найти, хотя бы в католичестве, людей, которые сознавали бы глубинный смысл исповедуемых ими внешне доктрин, и которые, не довольствуясь более или менее поверхностным, скорее сентиментальным, нежели разумным верованием, действительно знали бы истины традиции, наследниками которой они сами себя считают? Мы бы хотели увидеть доказательство, что такие люди существуют, пусть даже в ничтожном количестве, и тогда это могло бы быть величайшей, и быть может, единственной надеждой действительно спасти Запад. Но мы вынуждены признать, что до сих пор мы не встречали ничего подобного: быть может, следует предположить, что они живут окруженные тайной в каком-то недоступном убежище, как некоторые мудрецы Востока? А может быть, надо вообще расстаться с этой надеждой на спасение? Запад был христианским в Средневековье, но он более таковым не является. Если кто-то скажет, что он снова может стать христианским, мы заметим, что ничего большего мы сами и не желали бы, и что мы искренне хотели бы верить, что это случится раньше, чем того позволяет ожидать внешнее течение событий. Но и в этом отношении не следует заблуждаться: если это случится, с современным миром будет покончено навсегда.

Глава VIII. Экспансия Запада

Как мы уже говорили, современное смешение коренится в западном мире, и вплоть до последнего времени оно имело более или менее локальные масштабы. Но сегодня процесс смешения приобретает такие пропорции, что его значение безмерно возрастает: смешение и хаос распространяются повсюду, и кажется даже, что сам Восток становится их жертвой. Конечно, западная экспансия не представляет собой ничего нового, но в предшествующие эпохи она ограничивалась более или менее грубой доминацией над народами, и воздействие Запада не распространялось дальше уровня политики и экономики: несмотря на все виды пропаганды, проводимой представителями Запада под любыми предлогами, сугубо восточное мышление оставалось незатронутым, и древние традиционные цивилизации продолжали существовать так же, как и прежде. Сегодня же, напротив, появляется все больше и больше восточных людей, которые целиком и полностью «вестернизированы», которые отрекаются от своих традиций и усваивают все заблуждения, свойственные сугубо современному мировоззрению. Подобные «вестернизированные» элементы, сбитые с пути обучением в европейских или американских университетах, становятся источниками смуты и волнений в своих собственных странах. Но при этом, по крайней мере, в настоящее время, не следует преувеличивать их значимость: люди Запада часто воображают, что эти шумные, но малочисленные персонажи и представляют собой современный Восток, но на самом деле их влияние не имеет какого бы то ни было широкого или глубокого резонанса. Это заблуждение имеет весьма простое объяснение: истинные представители Востока не имеют ни малейшего желания быть известными и по-

пулярными на Западе, тогда как восточные модернисты, если можно так выразиться, постоянно стремятся выдвинуться на передний план, произносят речи, пишут книги и вступают во всевозможные формы внешней деятельности. Но тем не менее, это антитрадиционное движение действительно имеет шансы распространиться достаточно широко, и эту возможность, какой бы неприятной она ни была, всё же следует принимать во внимание. Истинно традиционный дух сегодня имеет тенденцию все более и более замыкаться в самом себе, и центры, хранящие его во всей его полноте, становятся с каждым днем более закрытыми и труднодоступными. Тотальность смешения точно соответствует тому положению вещей, которое и должно иметь место в последней стадии кали-юги.

Следует сказать со всей определенностью: сугубо современное мировоззрение является чисто западным, и те, кто затронут им, в отношении ментальности должны считаться людьми Запада, даже в том случае, если они по происхождению являются людьми Востока. Восточные идеи совершенно чужды подобным людям, и их враждебность по отношению к традиционным доктринам объясняется только их полнейшим невежеством в этой области. Странным и парадоксальным может показаться в данной ситуации тот факт, что сторонники Запада на интеллектуальном, а точнее, на антиинтеллектуальном плане, часто являются противниками Запада в вопросах политики. Но в этом нет ничего удивительного, так как подобные люди стремятся к формированию на Востоке различных «наций», а всякий национализм глубоко чужд традиционным воззрениям. Даже если такие деятели справедливо хотят противостоять иностранной доминации, они используют для этого те же западные методы, что и сами западные народы в своей междоусобной борьбе. Может быть, в этом единственно и состоит смысл самого их существования. Если использование подобных методов стало уже неизбежным, то заниматься этим могут только те члены общества, которые порвали всякую связь с традицией. Воз-

можно, подобные элементы и следует использовать в прагматических целях, чтобы впоследствии избавиться от них, равно как и от самих западных завоевателей. Кроме того, довольно логично было бы обратить против Запада его же собственные идеи, так как такие идеи не могут породить ничего, кроме разделения и разрушения, направленных против тех, кто их впервые выдвинул. Быть может, именно в результате подобных идей и суждено погибнуть современному миру. Не так уж важно, произойдет ли это в ходе внутренних раздоров на самом Запада, раздоров между нациями или социальными классами, или, как предполагают некоторые, вследствие атак «вестернизированных» людей Востока, или же вследствие катаклизма, вызванного «научным прогрессом» — как бы то ни было, всякая опасность для Запада исходит от него самого и является плодом, порожденным им самим.

Единственный вопрос, который следует здесь поставить, состоит в следующем: переживет ли Восток под влиянием Запада лишь временный и довольно поверхностный кризис, или Запад вовлечет в своё падение все человечество? На сегодняшний день трудно дать по этому поводу какой-либо определенный ответ, основанный на конкретных фактах. Обе эти противоположные возможности рассматриваются сегодня на Востоке, но может статься, что всё же духовная сила, присутствующая в традиции, — о наличии которой её враги даже и не подозревают, — одержит верх над материальной силой, когда та отыграет свою роль, и рассеет её, как свет тьму. Но вероятно и то, что прежде, чем это произойдет, наступит период полнейшего мрака. Традиционный дух не может погибнуть, будучи по ту сторону изменения и смерти. Но он может полностью покинуть этот мир, и в этом случае свершится настоящий «конец света», «конец мира». Из всего вышесказанного должно быть ясно, что подобное событие скорее всего произойдет в самом ближайшем будущем. Смешение, захлестнувшее сегодня Запад и все больше распространяющееся на Востоке, может быть понято как

«начало конца», как предупредительный знак о скором наступлении того момента, когда, согласно индусской традиции, вся сакральная доктрина замкнется, как в раковине, из которой она снова появится во всей своей полноте лишь на заре нового мира.

Оставим, однако, предсказания будущих событий и обратимся к настоящему: как бы то ни было, Запад, без всякого сомнения, осуществляет свою экспансию повсюду. Вначале его влияние проявлялось только в материальной, наиболее близкой ему, сфере, через насильственные завоевания, торговлю и контроль за природными ресурсами других стран. Сегодня же ситуация значительно усугубилась. Люди Запада, всегда жаждущие прозелитизма, столь им свойственного, преуспели в насаждении своего антитрадиционного и материалистического мировоззрения среди других народов. Если вначале их завоевания затрагивали людей только телесно, то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность. Конечно, только материальное покорение сделало возможным покорение духовное, и поэтому можно утверждать, что Запад, в конечном итоге, навязал себя миру только с помощью грубой силы, что, впрочем, совершенно логично, так как только в грубо материальной сфере состоит единственное преимущество западной цивилизации, какой бы ущербной она ни была с другой точки зрения. Западная экспансия — это экспансия материализма во всех его формах, и она не может быть ничем иным. Ничто не способно опровергнуть эту истину — никакие лицемерные предлоги, никакие моралистические оправдания, никакие гуманитарные восклицания, никакие пропагандистские уловки, никакое (подчас довольное ловкое и искусное) внушение, пытающиеся прикрыть эти разрушительные цели. Отрицать её могут либо законченные простаки, либо люди, непосредственно заинтере-

сованные в осуществлении «сатанинской» в самом прямом смысле этого слова операции[29].

Удивительно, что именно тот самый момент, когда западное вторжение происходит повсюду, некоторые люди выбирают для того, чтобы поднять крик о пугающей их опасности внедрения восточных идей на Запад. Как следует понимать это новое недоразумение? Несмотря на наше намерение ограничиться только соображениями общего порядка, мы не можем не сказать здесь несколько слов относительно книги «Защита Запада», недавно опубликованной Анри Массисом, в которой изложена именно эта точка зрения. Данная книга полна неясностей и даже откровенных противоречий, которые в очередной раз свидетельствуют, до какой степени даже те, кто хотят противостоять современному беспорядку, не способны осуществить это на деле, поскольку и сами они не совсем ясно понимают, против чего собираются бороться. Автор специально подчёркивает, что в его намерение не входит критика подлинного Востока. И если бы он ограничился при этом критикой псевдовосточных фантазий, иными словами, чисто западных теорий, распространившихся в последнее время под обманчивыми восточными названиями, а на самом деле являющихся типичными образцами современного хаотического мышления, то это заслуживало бы только всецелого одобрения с нашей стороны, так как мы сами всегда заостряли внимание на опасности, заключенной в подобного рода вещах, а также на их полной интеллектуальной несостоятельности. К несчастью, автор на этом не останавливается и приписывает истинному Востоку концепции, мало отличающиеся от псевдовосточных пародий. В этом вопросе он ссылается на мнение более или ме-

[29] Сатана по-древнееврейски означает «враг», «противник», то есть тот, кто извращает, переворачивает все вещи с ног на голову. Дух отрицания и переворота фактически совпадает с нисходящей, низводящий все и вся тенденцией, с тенденцией «инфернальной» в этимологическом смысле этого слова [*infernus* по-латыни означает «низ», «нисходящий» и одновременно «ад» — прим. пер.], которая вовлекает существ в процесс материализации, лежащий в основе развития современного мира.

нее «официальных» ориенталистов, у которых восточные доктрины обычно предстают в виде какой-то карикатуры. Что бы, интересно, сказал сам Массис, если кто-нибудь воспользовался бы подобным же методом при разборе Христианства, и попытался бы судить о нём на основании трудов университетских представителей «гиперкритицизма»? Но именно это проделывает он в отношении доктрин Индии и Китая, вдобавок с тем отягчающим обстоятельством, что западные исследователи, на которых он ссылается, вообще не обладают никаким прямым знанием этих доктрин, в то время, как их коллеги, занимающиеся Христианством, по меньшей мере, знакомы с ним непосредственно, хотя их враждебность по отношению к религии закрывает для них возможность хоть сколько бы то ни было адекватного её понимания. Более того, подчас мы сталкивались с огромными трудностями в том, чтобы убедить людей Востока, что исследования ориенталистов суть не более, чем результат их полнейшей некомпетентности в данном вопросе, а не сознательное очернительство с их стороны, — настолько их писания полны враждебности и злобы, свойственных, впрочем, всему антитрадиционному мировоззрению. И здесь мы хотели бы задать Анри Массису вопрос: неужели он действительно полагает, что, в стремлении восстановить свою традицию у себя дома, следует дискредитировать её у других? Мы употребляем императивную категорию «следует», так как в его случае вся дискуссия разворачивается на политическом уровне. Поскольку мы стоим на иной, чисто интеллектуальной точке зрения, для нас важны не «рекомендации» и «долженствования»

различного рода, но лишь вопрос истинности. Но подобная позиция, без сомнения, представляется слишком высокой и отвлеченной для полемически настроенных людей, и она их явно не может удовлетворить. Иногда даже закрадывается сомнение, а заботит ли их, с их склонностью к спо-

рам и опровержениям, вообще истина?[30] Анри Массис нападает на то, что он называет «восточной пропагандой», хотя подобное выражение заключает в себе противоречие, поскольку, как мы уже неоднократно подчёркивали, любовь к пропаганде является чисто западным явлением. Уже этого достаточно, чтобы вскрыть здесь определённое предубеждение автора. Среди тех пропагандистов, которых он имеет в виду, можно выделить две группы. Первая целиком состоит из западных людей. Зачисление немцев и русских в число представителей восточного мировоззрения было бы частной нелепостью, если бы оно не свидетельствовало о полном невежестве относительно того, что является подлинным Востоком. Некоторые замечания автора по поводу этой группы действительно не лишены оснований, но почему бы не называть в данном случае вещи своими подлинными именами? К той же первой группе следует отнести и англо-саксонских «теософистов» и основоположников других сходных сект, которые пользуются восточной терминологией только для того, чтобы сбить с толку простаков и невежд, так как за ней скрываются идеи, столь же чуждые традиционному Востоку, сколь и близкие современному антитрадиционному Западу. Подобные люди несравнимо опаснее простых философов, поскольку у них существуют претензии на эзотеризм, столь же чуждый им, как и самим философам, но который, однако, они имитируют, чтобы привлечь к себе людей, ищущих нечто более глубокое, нежели чисто «профанические» рассуждения, но посреди современного хаоса не знающих в каком направлении ориентировать свои поиски. Нас не очень удивило, что А. Массис едва упомянул об этой катего-

[30] Нам известно, что А. Массис знаком с нашими работами, но он всячески избегает на них ссылаться, так как они опровергли бы его тезисы. Такая его позиция страдает, мягко говоря, недостатком мужества. Однако, с другой стороны, в этом есть и некоторые преимущества, так как определённые вещи в силу их внутренней природы должны оставаться выше уровня дискуссии и не вовлекаться в пустую полемику. Всегда, однако, есть что-то печальное в созерцании полного профанического непонимания истинности сакральных доктрин, хотя она сама и остается недоступной для направленных против неё выпадов.

рии. Во второй выделенной им группе, мы сталкиваемся с примерами тех «вестернизированных» людей Востока, о которых мы говорили выше. Эти последние так же невежественны в отношении восточных доктрин, как представители и первой группы, и они в принципе не способны распространять на Западе восточные идеи, хотя бы уже потому, что они их не знают. Кроме того, их истинная цель состоит как раз в прямо противоположном, так как они стремятся уничтожить эти идеи на самом Востоке, и доказать Западу, что модернизированный Восток соответствует тем теориям, которые им были вбиты в голову в Европе и Америке. Будучи откровенными пособниками наиболее вредоносной западной пропаганды, связанной с извращениями в сфере духа, они представляют собой опасность исключительно для Востока, а отнюдь не для Запада, простыми отражениями которого они являются. Из подлинных представителей Востока Массис вообще никого не упомянул, и сделать ему это было бы, впрочем, отнюдь не просто по той причине, что он никого из них не знает. Уже один тот факт, что он не может привести ни одного имени «невестернизированного» представителя Востока должен был бы заставить его как следует подумать и в результате прийти к выводу, что «восточных пропагандистов» вообще не существует.

Далее следует сделать одно замечание, касающееся нас самих, хотя мы и стараемся всегда избегать вопросов, затрагивающих нас лично. Насколько нам известно, кроме нас на Западе не существует ни одного автора, аутентично излагающего идеи Востока. И мы поступаем в этом случае точно так же, как поступил бы на нашем месте любой человек Востока, без малейшего намёка на популяризацию или пропаганду, обращаясь лишь к тем, кто способен понять эти доктрины такими, какие они есть, безо всяких искажений и упрощений, сделавших бы их по видимости более доступными. И надо добавить, что, несмотря на вырождение западной интеллектуальности, люди, способные их понять, хотя и представляют собой ничтожное меньшинство, всё же

не так уж и редки, как этого можно было бы ожидать в подобных условиях. Естественно, о возможности подобного рода деятельности Анри Массис и не подозревает, хотя мы не хотим сказать, что это происходит только по причине его излишней ангажированности политической стороной дела, несмотря на то, что характер его книги во многом оправдывал бы такое предположение. Стараясь всё же оставаться максимально благожелательными, мы могли предположить, что ужас, связанный с предчувствием неизбежной гибели западной цивилизации, породил в его голове идею о существовании «восточной пропаганды». И остается только сожалеть, что он оказался неспособным понять подлинные причины, ведущие к этой катастрофе, несмотря на то, что подчас он выказывает справедливую жесткость по отношению к современному миру. Именно этот недостаток понимания истинного положения вещей и сказался на слабости его аргументов: с одной стороны, он не очень уверен в том, кто же является действительным врагом, против которого он борется, а с другой стороны, его «традиционализм» не несёт в себе компетентного знания об истинной сущности традиции, и подчас он откровенно отождествляет всю традицию с чисто внешним политико-религиозным консерватизмом.

Лучшим доказательством того, что сознание Анри Массиса поражено страхом, служат странные и невероятные взгляды, которые он приписывает так называемым «восточным пропагандистам». Он стремится уверить нас, что их воодушевляет только дикая ненависть к Западу, и в силу этой ненависти они стремятся наводнить его своими собственными доктринами, то есть, иными словами, поделиться с ним самой сокровенной и ценной вещью, которой они только обладают, и которая составляет истинную сущность их духа! Откровенная противоречивость подобной гипотезы не может не вызвать у читателя чувства глубокого недоумения: все тщательно выстроенные аргументы рушатся в одно мгновение, и однако, сдается, что сам автор этого не замеча-

ет, так как мы отказываемся верить в то, что он сам, прекрасно сознавая нелепость подобной теории, специально рассчитывает на недальновидность и простодушие своих читателей, которых он стремится убедить в том, во что сам не верит. Если немного подумать, станет совершенно очевидным, что в случае действительной дикой ненависти людей Востока к Западу, для них логичнее всего было бы ревностно сохранять свои доктрины только для своего внутреннего использования и всячески препятствовать желаниям западных людей получить к ним доступ. Иногда такие упреки в адрес восточных людей действительно делаются, и на этот раз они гораздо более оправданы. На самом же деле истина заключается в ином: подлинные представители восточной традиции и хранители доктрин Востока не испытывают никакой ненависти к кому бы то ни было, и единственной причиной их сдержанности в определённых вопросах является сознание абсолютной бесполезности изложения некоторых истин тем, кто просто не в состоянии их усвоить. Но для тех, кто обладает достаточной «квалификацией» для этого, они в этом никогда не отказывают, независимо от их происхождения. Чья же вина в том, что среди подобных людей представители Запада столь редки? Но кто будет виноват, если большинство восточных людей действительно начнёт ненавидеть Запад, сменив полнейшее безразличие на чувство ненависти? Следует ли обвинять в этом традиционную элиту Востока, которая, будучи верной чисто интеллектуальному созерцанию, уже по определению держится надо всеми формами внешних действий, или всё же тут надо упрекнуть самих представителей Запада, сделавших все возможное, чтобы превратить своё присутствие в нечто омерзительное и невыносимое? Как только вопрос поставлен в должных пропорциях, ответ становится самоочевидным для всех, и если даже допустить, что восточные люди, которые до сих пор проявляли невероятное терпение, наконец, захотят снова стать хозяевами в своем собственном доме, кто осмелится их в этом обвинить? Когда в дело вмешиваются страсти,

одни и те же вещи могут быть оценены весьма различным, а подчас даже прямо противоположным образом. Так, к примеру, когда западные народы противятся иностранному вторжению, это называется «патриотизмом» и всячески приветствуется. Но когда то же самое делают народы Востока, это становится «фанатизмом» или «ксенофобией» и вызывает к себе только ненависть и презрение. Так разве не во имя «права», «свободы», «справедливости» и «цивилизации» европейцы стремятся навязать своё господство всем остальным, запрещая жить и думать иначе, нежели они сами? Нельзя отрицать, что морализаторство — это удивительная вещь, свободная от какой бы то ни было логики, или, по меньшей мере, следует допустить, — и мы охотно разделяем эту точку зрения, — что на всем Западе существует только два типа людей, ценность каждого из которых вызывает большие сомнения. К первому типу относятся закоренелые идиоты, которые всерьёз принимают громкие лозунги и верят в свою «цивилизаторскую миссию», вообще не замечая того, до какой степени материалистического варварства они сами докатились. Ко второму же типу принадлежат коварные мерзавцы, пользующиеся общим умственным вырождением большинства, чтобы потворствовать своим грязным инстинктам насилия и своекорыстия. Во всяком случае, совершенно очевидно, что люди Востока не представляют собой угрозы для кого бы то ни было и не имеют никаких планов по завоеванию Запада в той или иной области. В настоящий момент им хватает своих проблем, связанных с необходимостью противостоять западному давлению, которое грозит сегодня разрушить их духовные формы и извратить их мышление. И видеть агрессоров, прикидывающихся жертвами, по меньшей мере, странно.

Эти пояснения были совершенно необходимы, поскольку иногда об определённых вещах приходится говорить со всей откровенностью. Но мы считаем пустой тратой времени подробнее останавливаться на этих темах, так как аргументы «защитников Запада» слишком натянуты и несостоятельны.

Более того, в случае господина Анри Массиса мы нарушили наше правило не говорить о конкретных личностях только потому, что в данных обстоятельствах он воплощает в себе некую часть современной ментальности, которую нельзя не учитывать при анализе современного мира. Как может традиционализм столь низкого уровня, с его узкими горизонтами и фрагментарными познаниями, и, более того, традиционализм довольно искусственный, предложить какое бы то ни было реальное и эффективное противоядие современному мировоззрению, многие предрассудки которого свойственны ему самому? И традиционализму, и современному мышлению, против которого он борется, в равной мере не хватает знания истинных принципов. И там и там — одинаково предубежденное отрицание вещей, выходящих за определённые рамки, и там и там — одинаковая неспособность признать существование различных цивилизаций и те же предрассудки греко-латинского классицизма. Эта неадекватная реакция интересна для нас лишь тем, что она свидетельствует об определённом недовольстве настоящим положением вещей среди наших современников. Можно было бы, однако, найти и другие формы выражения этого недовольства, которые, будучи адекватно сориентированными, могли бы привести и к более позитивным результатам. Однако в настоящее время всё это находится в хаотическом состоянии и трудно сказать, что из этого получится. Уместно было бы упомянуть здесь и некоторые предсказания, имеющие прямое отношение к судьбе современного мира. Ими и следовало бы закончить настоящую работу, если бы ссылки на них не подвергались риску дать «профаническому» невежеству легко доступный повод для вульгаризации определённых знаний, а к изложению некоторых соображений такого рода следует всегда подходить с величайшей осторожностью. Мы не принадлежим к числу тех, кто полагает, что обо всем можно говорить совершенно открыто, по меньшей мере, тогда, когда дело касается не самой чистой доктрины, а её частных приложений. Определенные ограниче-

ния в этой области совершенно необходимы, а кроме того, всегда следует сообразовываться с конкретными обстоятельствами. Но эта обоснованная и необходимая осторожность не имеет ничего общего с ребяческими страхами, проистекающими из простого невежества и подобными ужасу человека, который, согласно индусской пословице, «принял веревку за змею». Нравится ли это кому-то или нет, но определённые вещи должны быть высказаны только тогда, когда этого требуют обстоятельства. И этому не могут помешать ни эгоистические интересы одних, ни бессознательная враждебность других, но, с другой стороны, и нетерпение третьих — тех, кто захвачены спешкой современного мира и хотят узнать все сразу, — не может ускорить тот срок, в который определённым вещам суждено открыться. Но этим последним следует утешать себя тем, что всё возрастающая скорость событий в современном мире, несомненно, не замедлит удовлетворить их любопытство. Хотелось бы только, чтобы они не пожалели о своей недостаточной подготовленности к получению определённых знаний, к которым они стремились скорее эмоционально, нежели обдуманно.

Глава IX. Некоторые выводы

Главная задача настоящего труда состояла в том, чтобы показать, как путём приложения данных традиции найти прямые ответы на вопросы, возникающие сегодня; каким образом можно объяснить актуальное положение современного человечества, а также как следует оценивать сущность современной цивилизации в соответствии с духовной истиной, а не просто исходя из условных правил или сентиментальных предпочтений. Мы отнюдь не утверждаем, что полностью осветили данную проблему или разобрали её во всех деталях, а также, что мы развили все аспекты этой темы. Уже сами принципы, которыми мы вдохновлялись, обязывали нас придерживаться сущностно синтетической, а не аналитической точки зрения, на которой настаивает современное «профаническое» обучение. Но именно потому, что эта точка зрения является синтетической, она позволяет дать гораздо более глубокие объяснения, нежели какой бы то ни было анализ, в действительности пригодный лишь для описания, а не для объяснения явлений. Но мы считаем, что сказали достаточно, и те, кто способны понять суть, смогут теперь сами вывести для себя все те следствия, которые потенциально содержатся в тезисах данной работы. И они могут быть уверены, что подобный труд будет для них более ценным, нежели чтение книг, не оставляющих место для самостоятельных раздумий и размышлений. Мы же, напротив, стремились предложить отправную точку для подобных самостоятельных поисков, разработать фундамент для возведения интеллектуального здания, способного возвыситься надо всем бессмысленным множеством частных и узко индивидуальных мнений.

Остается добавить несколько слов относительно практической значимости данной работы. Вообще говоря, эта практическая значимость не должна представлять для нас особого интереса, так как мы стоим на точке зрения чистой метафизической доктрины, по отношению к которой всякое её приложение остается не важным и условным, а именно о таком приложении здесь и идёт речь. Однако, помимо какой бы то ни было практической пользы, это приложение в данном случае необходимо по двум причинам: оно является правомочным следствием определённых принципов, закономерным развитием доктрины, которая, будучи единой и универсальной, должна охватывать все уровни реальности без исключения. Одновременно с этим подобное приложение может являться, по крайней мере для определённых людей, подготовительным этапом для перехода к высшему уровню знания, как мы показали это на примере «сакральной науки». Но кроме того, находясь в сфере приложений принципов, вполне правомерно рассматривать эту сферу в её собственных терминах, оценивая присущую её элементам значимость в категориях самого этого уровня, но, естественно, лишь при том условии, что сами принципы ни на мгновение не будут упущены из виду. Забвение принципов — опасность вполне реальная, и мы видели, что такое забвение лежало в основании вырождения, приведшего к возникновению «профанической науки». Но эта опасность не грозит тому, кто ясно понимает, что всё проистекает из чистого интеллекта, и все зависит от него, в то время как то, что не осознает этой зависимости, с необходимостью является иллюзорным. Как мы уже неоднократно говорили, все должно начинаться с уровня чистого знания. То, что представляется максимально удалённым от практической сферы, несмотря на это является, максимально эффективным. Эта эффективность реальна даже в самой этой практической сфере, поскольку здесь, как и везде, без знания принципов нельзя добиться ничего серьёзного, долговременного и ценного, и всякая деятельность такого рода останется лишь по-

верхностной и тщетной суетой. Возвращаясь непосредственно к интересующему нас вопросу, следует заметить, что именно по этой причине, если бы все люди познали то, чем является современный мир в действительности, этот мир в то же мгновение прекратил бы своё существование, так как это существование, равно как и сам современный мир, суть явления негативные, основанные на чистом отрицании, как и вообще всякое невежество, незнание и чистая ограничительность. Современный мир есть не что иное, как отрицание традиционной и сверхчеловеческой истины. И в случае такого понимания сущности современного мира всем человечеством финальная трансформация произошла бы безо всякой катастрофы, которой иначе нельзя избежать ни при каких условиях. И мы не ошибемся, если скажем, что такое понимание чревато воистину неисчислимыми практическими последствиями. Но, с другой стороны, трудно представить себе, что действительно все смогут достичь этого знания, так как большинство современных людей сегодня далеки от этого, как никогда ранее. Впрочем, это даже и не является строго необходимым, так как в данном случае достаточно небольшой, но адекватно сформированной элиты для того, чтобы задать массе определённое направление. При этом масса, подчиняющаяся воздействию элиты, могла бы даже и не подозревать о существовании самой этой элиты и о методах её воздействия. Возможно ли ещё на Западе формирование такой элиты?

Мы не будем возвращаться к тому, что уже было сказано нами в другом месте относительно роли интеллектуальной элиты, которую она смогла бы сыграть при определённом стечении обстоятельств в более или менее недалёком будущем. Ограничимся лишь следующим замечанием: какой бы ни была трансформация, происходящая при переходе от одного мира к другому, — независимо от того, идёт ли речь о больших или малых циклах, — она, оставаясь внезапной и резкой, не предполагает полного обрыва всякой преемственности, абсолютной дисконтинуальности, так как все

циклы связаны друг с другом цепью причин. Элита, о которой мы говорим, могла бы, пока для её формирования ещё осталось немного времени, подготовить эту трансформацию таким образом, чтобы она произошла при наиболее благоприятных условиях, и чтобы заключенные в ней неизбежные потрясения были бы сведены к минимуму. Но даже если бы этого не удалось добиться, у неё остаётся ещё одна, более важная задача — способствовать сохранению того, чему суждено пережить гибель современного мира и принять участие в становлении мира грядущего. Вполне понятно, что не следует дожидаться конца нисхождения, чтобы начать подготавливать новое восхождение, так как такое восхождение неизбежно грядет даже в том случае, если нельзя избежать финального катаклизма, которым завершится процесс нисхождения. Итак, в любом случае усилия не будут потрачены даром: и потому, что сама эта элита будет вознаграждена сторицей уже самим фактом своего появления, и потому, что так или иначе результаты этих усилий с необходимостью коснутся всего человечества.

Вот как следует рассматривать актуальное положение дел в этом вопросе: элита в восточных цивилизациях ещё существует, и несмотря на то, что она становится все более и более малочисленной под воздействием экспансии современного мира, она будет существовать до конца цикла, так как это необходимо для сохранения традиции, которая не может погибнуть окончательно, и для дальнейшей передачи того, что сохранилось. На Западе же, напротив, такой элиты в настоящий момент нет. Вопрос остается открытым: сможет ли она сформироваться до конца нашей эпохи, то есть будет ли участвовать западный мир в сохранении и передаче традиции, или же вся западная цивилизация, потеряв последние остатки подлинного духа традиции, должна быть уничтожена за неимением пригодных для будущего века элементов? На конечном результате цикла судьба Запада, конечно, не скажется, и поэтому, строго говоря, поставленный вопрос имеет весьма второстепенное значение, но всё

же, учитывая конкретные условия нашего периода, эта проблема имеет некоторый смысл. В принципе, можно было бы ограничиться замечанием, что западный мир, несмотря ни на что, является частью единого целого, от которого он отделился окончательно лишь с началом современной эпохи, и что в финальной интеграции нашего цикла все части должны обрести своё законное место. Но это не обязательно предполагает предварительную реставрацию самой западной традиции, так как эта традиция может продолжать существовать в виде постоянной возможности в самом своем принципиальном истоке, вне всякой обусловленной обстоятельствами формы, в виртуальном состоянии. Мы упоминаем здесь об этом лишь в качестве простого замечания, так как, чтобы адекватно понять эту идею следует разобрать сложные взаимоотношения между Примордиальной Традицией и традициями, ей подчинёнными, что, естественно, здесь мы сделать не сможем. Подобный исход был бы самым печальным для западного мира, взятого как самостоятельная реальность, и его актуальное состояние заставляет опасаться, что именно такой исход наиболее вероятен. Но всё же мы утверждаем, что некоторые признаки позволяют не терять до конца надежду на более благоприятное разрешение сложившейся ситуации.

Сегодня на Западе существует гораздо больше, чем обычно принято считать, людей, начинающих понимать, чего не достает их цивилизации. Если они подчас и остаются на уровне смутных стремлений, если их поиски часто оказываются тщетными и даже заводят их в полный тупик, то лишь потому, что у них не хватает конкретных данных, заменить которые ничто не в состоянии, и потому, что не существует никакой организации, которая могла бы указать им должное направление. Мы здесь не говорим о тех, кто находит это направление в восточных традициях, и кто интеллектуально выходит тем самым за рамки западного мира. Подобные люди, представляя собой случай исключительный, не могут стать членами чисто западной элиты. Они остаются

как бы продолжением восточных элит и могут служить переходным звеном между этими элитами и элитой Запада, если таковая будет сформирована. Но западная элита должна организоваться по инициативе самого Запада, и в этом состоит главная трудность. Эта инициатива может развиваться двояким образом: либо Запад найдет в самом себе средства для прямого возврата к своей собственной традиции, как бы мгновенно пробудив свои скрытые возможности, либо определённые западные люди осуществят эту деятельность по реставрации традиции с помощью знаний, почерпнутых из восточных доктрин. Такое знание, однако, не может быть для них прямым, так как они несмотря ни на что должны оставаться людьми Запада. Но это знание может быть усвоено ими через косвенное влияние, оказываемое теми, кто вступил в элиту Востока, и о ком мы упоминали выше. Первая из этих гипотез маловероятна, так как она предполагает интегральное и целостное сохранение на Западе хотя бы одного полноценного элемента традиционного духа, но вопреки заявлениям некоторых авторов о том, что такое сохранение действительно имеет место, нам оно представляется весьма сомнительным. Поэтому следует подробнее разобрать вторую гипотезу.

В этом случае определённое преимущество, хотя и отнюдь не необходимое, заключается в том, что формирующаяся элита смогла бы найти точку опоры в какой-то западной организации, которая уже существует в реальности. Но на Западе есть только одна организация действительно традиционного характера, сохранившая доктрину, которая может предоставить надёжное основание для осуществления реставрации: это Католическая Церковь. Для того, чтобы Церковь стала действительно центром создания интеллектуальной элиты, достаточно было бы, ничего не меняя в её внешней религиозной форме, вернуть её доктрине её глубинный смысл, который был свойственен ей изначально, но который не осознается более современными представителями Церкви. Кроме того, следовало бы всемерно подчёркивать

сущностное единство Христианства с другими аутентичными формами Традиции. Впрочем, эти два аспекта вообще неотделимы друг от друга. Всё это и явилось бы подлинной реализацией католицизма в истинном смысле слова, а слово «католический» этимологически заключает в себе идею универсальности, что часто забывают те, кто хотят отождествить это название с узко западной религиозной формой, не имеющей никаких связей с другими традициями. И можно сказать, что при настоящем положении дел католицизм как универсальность существует лишь в потенции, так как в нём нет более и следов сознания истинной универсальности. Но верно, однако, что сам факт существования организации с таким названием, является указанием на возможное основание для реставрации духа традиции во всей его полноте, тем более, что в Средние века Католическая Церковь уже служила опорой для этого духа в западном мире. Итак, речь идёт лишь о воссоздании того, что уже существовало до начала современного извращения. Остается лишь произвести определённую адаптацию к условиям актуальной эпохи. И если кто-то из католиков удивится подобной идее и попытается её опровергнуть, то причина этого может корениться только в невольной бессознательной затронутости современным духом, который превращает нынешних верующих в носителей внешней скорлупы традиции, и не подозревающих о её внутреннем глубинном содержании. Однако крайне важно установить, не заглушил ли ещё окончательно и бесповоротно формализм буквального подхода (который сам по себе является ещё одним проявлением того же «материализма») чистый дух религии? Или в лоне данной организации ещё можно пробудить этот дух, не исчезнувший окончательно, но лишь временно затемненный и омраченный подобным буквальным подходом? Ответ на этот вопрос смогут дать только грядущие события.

Возможно, что сам ход событий заставит руководителей Католической Церкви рано или поздно осознать важность того, что они отказываются признавать на чисто интеллек-

туальном уровне. И безусловно, вызывает сожаление, что эта необходимость осмысления определённых вещей будет порождена преходящими обстоятельствами чисто политического характера в отрыве от всякого высшего принципа. Но следует признать, что повод для развития некоторых скрытых потенций дается во всех случаях средствами, соответствующими непосредственным и актуальным способностям каждого в отдельности. Вот почему мы берёмся утверждать следующее: перед лицом усугубления все возрастающих беспорядка и хаоса следует призвать к союзу все духовные силы, оказывающие ещё хотя бы какое-то влияние на внешний мир как на Востоке, так и на Западе. И в случае Запада это может относиться только к Католической Церкви. Если она сумела бы таким образом войти в контакт с представителями восточных традиций, мы всецело одобрили бы такой поворот событий, так как это послужило бы отправной точкой для процесса, о котором мы говорили выше. Но это будет не более, чем первым шагом, так как несомненно не замедлит обнаружиться то обстоятельство, что чисто внешнее, «дипломатическое» взаимопонимание будет иллюзорным и не приведёт ни к каким позитивным результатам. И снова придется возвращаться к тому, с чего в нормальных случаях следовало бы начинать — к согласию относительно самих принципов, к согласию, необходимым и достаточным условием которого будет новое осознание представителями Запада этих принципов в той же мере, в какой оно всегда было свойственно представителям Востока. Подлинное согласие — повторим это ещё раз — может установиться только сверху и изнутри, то есть в сфере чисто духовной и чисто интеллектуальной, что одно и то же, так как для нас эти слова суть синонимы. И затем, отправляясь от этой точки, согласие установится и во всех остальных областях. После того, как станут ясны принципы, не составляет труда вывести из них в качестве следствий, в качестве «эксплицирования», и все остальное. И преградой для этого может быть только одно: западный прозелитизм, который никак

не может признать, что иногда надо иметь равноправных «союзников», а не просто «подчинённых». А ещё точнее, истинной преградой является недостаток понимания определённых вещей, который и приводит к подобному прозелитизму. Преодолимо ли это препятствие? Если оно непреодолимо, то формирующейся элите придется рассчитывать исключительно на личные усилия тех, кто достаточно интеллектуально квалифицированы сами по себе, вне всякой конкретной среды, при само собой разумеющейся поддержке Востока. В таком случае дело значительно осложнится и замедлится, поскольку элите придется самой создавать для себя все необходимые инструменты, вместо того, чтобы использовать уже готовые. Но мы не думаем, что эти трудности, какими бы значительными они ни были, смогут сами по себе помешать тому, что должно осуществиться тем или иным образом.

Мы считаем уместным добавить следующее: сейчас в западном мире существуют признаки одного движения, которое остается ещё недостаточно определённым, но которое в нормальном случае должно привести к воссозданию интеллектуальной элиты, если, конечно, катаклизм не произойдет до того, как этот процесс успеет завершиться. Вряд ли стоит говорить, что Церкви в перспективе её будущей роли было бы чрезвычайно выгодно тем или иным образом способствовать этому движению, а не предоставлять его самому себе, чтобы рано или поздно не оказаться в ситуации, когда придется догонять его ради сохранения своего влияния, которое может в один момент и прекратиться. Не надо даже прибегать к высшим соображениям, чтобы увидеть преимущества, которые сама Церковь может извлечь из нормального и внимательного отношения к этим тенденциям, тем более что оно не потребовало от неё никаких доктринальных уступок, и, напротив, очистило бы её ото всех примесей современного духа, а также, ничего не изменило в её внешних аспектах. Было бы парадоксально, если бы Интегральный Католицизм реализовался без участия самой

Католической Церкви. Эта Церковь оказалась бы в странном положении, так как перед лицом самых страшных нападок, которым она когда-либо подвергалась, она вынуждена была бы воспользоваться помощью и защитой тех, кого сами её руководители (или по меньшей мере, те, кто выступают от имени её руководителей) постарались дискредитировать совершенно необоснованными подозрениями. Что касается нас самих, то мы очень сожалели бы о подобном исходе. Но если всё же ответственные представители Церкви в данной ситуации не хотят, чтобы дела дошли до этой стадии, они должны действовать именно сейчас, и полностью осознав все происходящее, запретить некоторым более или менее второстепенным деятелям Церкви по недостатку знаний или по общему недоброжелательству препятствовать тем попыткам, которые могут привести к очень важным и позитивным результатам. И подобные препятствия на пути позитивных процессов уже не раз ставились этими второстепенными церковными деятелями, что лишний раз доказывает повсеместность хаоса и беспорядка, не миновавших и саму Церковь. Мы уже предвидим, что нас не преминут обвинить в отсутствии беспристрастности в данном вопросе, но мы утверждаем, что высказали эти соображения независимо ни от каких личных симпатий и совершенно объективно. Впрочем, подобные обвинения нас вообще не затрагивают, и мы всегда будем высказывать то, что должно быть сказано в тех случаях, которые мы считаем для этого подходящими. Наши настоящие замечания суть итог определённых заключений, к которым мы пришли в результате наблюдения за некоторыми «опытами», поставленными в чисто интеллектуальной сфере. Здесь же мы не хотели бы более вдаваться в подробности, которые сами по себе не представляют для нас большого интереса. Но мы спешим заверить читателей, что каждое сказанное нами слово по этому поводу мы хорошо обдумали. Следует однозначно предупредить, что тут совершенно бесполезно возражать, прибегая к социальным или чисто философским аргументам. Мы говорим

о серьёзных вещах и говорим о них всерьёз, а поэтому у нас нет никакого желания терять время на дискуссии, в которых мы не видим ни малейшего смысла. Мы стоим в стороне от всякой политики, от всяких партийных ссор и раздоров между различными школами. Точно так же мы категорически отказываемся от всех западных «этикеток» и ярлыков, навешиваемых на высказываемые нами идеи, так как в западной терминологии нет того слова, которое могло бы их адекватно охарактеризовать. Нравится ли это кому-то или нет, но дела обстоят именно таким образом, и ничто не может изменить нашей позиции в этом вопросе.

Здесь мы хотим высказать одно предупреждение, адресованное тем, кому, — если не в силу действительных и уже полностью усвоенных знаний, то, по меньшей мере, в силу природной способности к пониманию определённых вещей, — суждено стать членами возможной элиты Запада. Не вызывает никаких сомнений, что современный дух, будучи «дьявольским» в самом прямом смысле этого слова, стремится изо всех сил помешать тому, чтобы члены потенциальной элиты, сегодня изолированные друг от друга и разрозненные, смогли бы сплотиться должным образом для оказания эффективного воздействия на общую ментальность. Мы всячески настаиваем, чтобы те, кто более или менее глубоко осознали цель, к которой направлены их усилия, не позволили бы каким бы то ни было трудностям и препятствиям свернуть их с пути. Те, кто ещё не выбрали такой абсолютной ориентации, которая охранила бы их от опасности сбиться с дороги, подвергаются серьёзному риску, чреватому серьёзными извращениями. В этом вопросе необходима определённая осторожность, и даже «недоверчивость», так как «враг», пока он не будет уничтожен окончательно, всегда может принимать самые различные и порой самые неожиданные формы. Часто бывает, что люди, полагающие, что они ускользнули от современного «материализма», притягиваются вещами, которые могут казаться противоположными этому материализму, но которые на деле ока-

зываются реальностями того же порядка. И учитывая особенности западного характера, следует быть особенно бдительными к столь притягательным для этого характера «экстраординарным феноменам». В этом состоит основное заблуждение неоспиритуалистов, и эта опасность, скорее всего, со временем будет возрастать, так как для сил мрака, поддерживающих актуальный хаос, это является наиболее эффективным средством. Вполне возможно, что мы не так далеки сегодня от эпохи, предсказанной словами Евангелия: «Поднимется лжехристос и лжепророки, которые будут творить великие чудеса и дивные вещи, и даже избранные соблазнятся». «Избранные» — это в согласии с этимологией и есть элита в самом широком смысле этого слова, и заметим, что именно по этой причине мы настаиваем на использовании термина «элита», вопреки всем сугубо профаническим злоупотреблениям этим словом. Действительно избранными являются те, кто, завершив внутреннюю реализацию, не могут более поддаться соблазну. Но остаются ещё и те, кто, имея в себе лишь потенции знания, являются только «зваными». Мы вступаем в эпоху, когда крайне трудно будет отличить «зерна от плевел», осуществить ту операцию, которую богословы называют «различением духов», так как скоро произойдет великое множество чрезвычайно сложных, беспорядочных и хаотических событий. Кроме того, те, кто при нормальных обстоятельствах должны были бы быть поводырями и вождями, сегодня, в силу недостатка истинных знаний, часто сами становятся «слепыми поводырями слепых». И неужели в подобных обстоятельствах, для того, чтобы воспрепятствовать высвобождению подлинно адских сил, помогут диалектические тонкости или какая-нибудь, пусть даже самая прекрасная, философия? Это не более, чем иллюзия, которой следует остерегаться. Часто люди, находящиеся в полном неведении относительно того, что является чистым интеллектом, воображают, будто философское знание, которое даже в самом лучшем случае есть не что иное, как бледная тень знания истинного, может все

поправить и выправить современную ментальность. Есть также и те, кто видят в современной науке средство подняться до высших истин, в то время, как на самом деле эта наука основывается как раз на отрицании таких истин. Все подобные иллюзии ведут лишь к потере истинной ориентации. В результате будет лишь зря растрачено множество усилий, и те, кто искренне хотят сопротивляться современному духу, будут обречены на полное бессилие, так как, не обретя знания глубинных принципов, без которых всякое действие окажется совершенно тщетным и пустым, они с неизбежностью зайдут в безысходный тупик.

Те, кто преодолеют препятствия и победят сопротивление среды, противостоящей всякой духовности, будут, без сомнения, весьма немногочисленны. Но здесь количество не играет роли, так как в этой сфере действуют иные законы, нежели законы материи и количества. Поэтому отчаиваться не следует. Но даже если нет никакой надежды достичь хоть сколько-нибудь весомого результата в деле реставрации традиции прежде, чем современный мир погибнет в ходе той или иной катастрофы, это не может быть оправданием того, чтобы не заниматься делом, глубинная значимость, которого выходит далеко за рамки современного мира. Все, кто склонен предаваться отчаянию, должны помнить: ничто совершенное в этой области не проходит бесследно. Мрак, заблуждение и хаос побеждают лишь по видимости и на очень короткий промежуток времени. Все частные и преходящие нарушения равновесия являются лишь элементами универсальной гармонии. И, наконец, ничто и никогда не сможет противостоять силе истины. Так пусть девизом таких людей станет девиз некоторых древних инициатических организаций Запада: *vincit omnia veritas* (истина побеждает все).